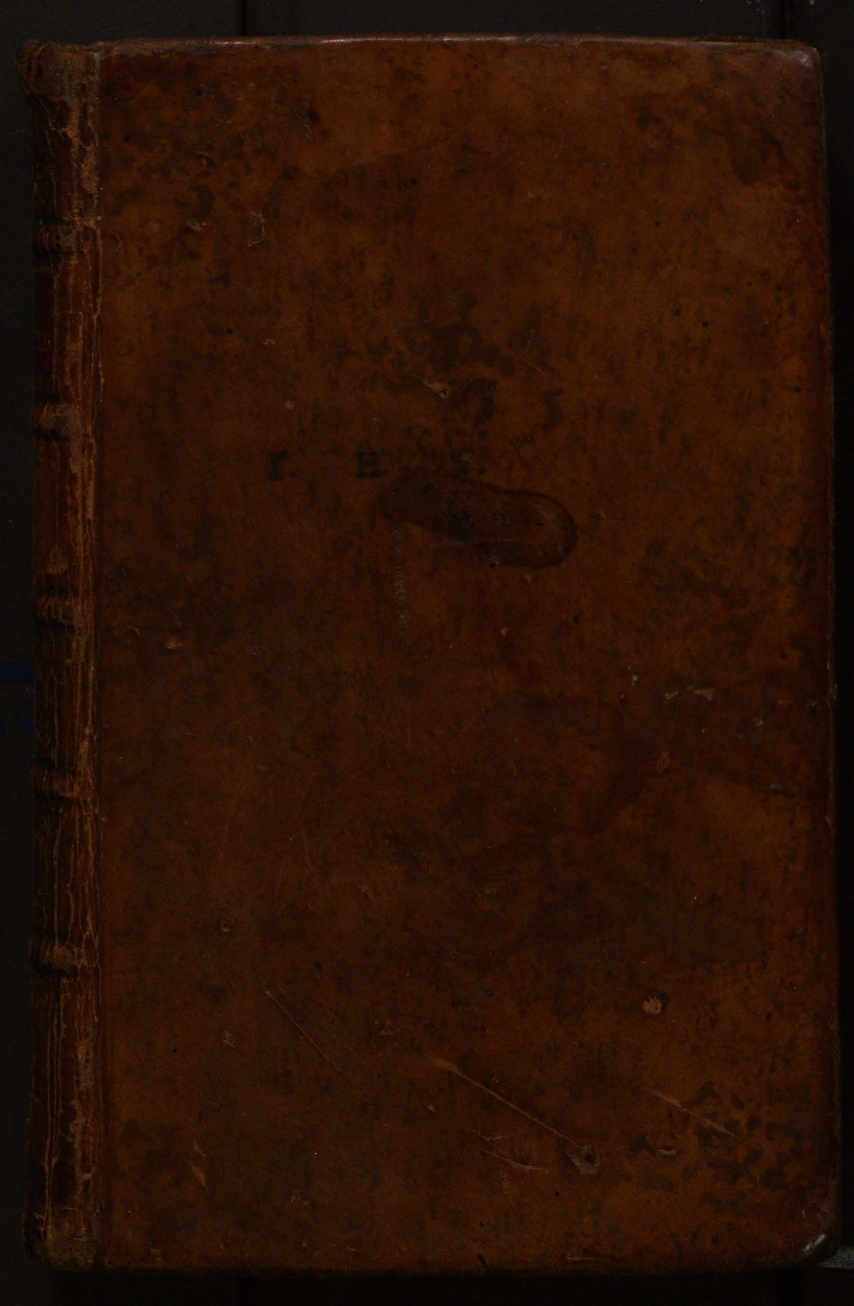

Сия книга
Гусара Вилимания Фтизнов

НОВЫЙ
ДОНЪ КИШОТЪ,
ИЛИ
ЧУДНЫЯ ПОХОЖДЕНІЯ
ДОНА СИЛВІО де РОЗАЛВЫ.

Сочиненіе г. Виланда.

Переведено съ Нѣмецкаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Иждивеніемъ Н. Новикова и Компаніи.

ВЪ МОСКВѢ,

Въ Университетской Типографіи у
Н. Новикова, 1782 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ, я читалъ книгу подъ заглавіемъ: Новый Донъ Кишотъ, или чудныя похожденія Дона Сильвіо де Розальвы, *и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,*

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

ДВОРА

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

КАММЕРЪ-ЮНКЕРУ,

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

КНЯЗЮ

ѲЕДОРУ НИКОЛАЕВИЧУ

ГОЛИЦЫНУ.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

Хотя высокопочитаніе мое къ фамиліи Вашего Сіятельства по видимому и не должно бы простить мнѣ, что я осмѣливаюсь посвятить сей маловажный трудъ знаменитости оной; но истинность моего чувствованія благодарности, ученость, острота и удачливость прославившагося въ ученомъ свѣтѣ своими умопроизведеніями въ такихъ, каково есть сіе сочиненіе, о нравахъ и склонностяхъ подобныхъ себѣ сочленовъ міра разсужденіяхъ, солію благоразумія и остроты разтворен-

ныхъ сочинителя, и Ваше въ наукахъ упражненіе, любовь къ онымъ, и знаніе разпознавать труды переводящихъ и сочиненія трудящихся, ободрили меня посвятить знаменитому Вашего Сіятельства имени. Примите его, Милостивый Государь, какъ знакъ моего искреннѣйшаго высокопочитанія и преданности, съ которыми есмь и пребуду навсегда

ВАШЕГО СІЯТЕЛЬСТВА,

Милостиваго государя,

Всепокорнѣйшій слуга,

Ѳедоръ Сапожниковъ.

ЧУДНЫЯ ПОХОЖДЕНІЯ
ДОНА СИЛЬВІО де РОЗАЛЬВЫ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Глава первая.

Свойство нѣкотораго рода тетокъ.

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ въ королевствѣ Валенціи жила въ старомъ и къ паденію клонившемся замкѣ знатная госпожа, которая въ то время, когда она въ слѣдующей повѣсти играла свою ролю, чрезъ цѣлую половину вѣка весьма мало въ свѣтѣ прославилась подъ именемъ Донны Менціи де Розальвы.

Сія госпожа потеряла надежду отличиться прелестями лица своего еще со временъ наслѣдственной вой-

ны (*), въ которое время она была хотя и молода и не имѣла несклонности ощастливить достойнаго любовника, но хладнокровіе мущинъ наносило ей всегда толь чувствительныя оскорбленія, что не однажды покушалась она въ уединеніи монастырской кельи пожертвовать небесамъ тѣмъ сердцемъ, коего столь недостойнымъ оказалъ себя свѣтъ. Но по благоразумію своему всегда примѣчала она, что симъ средствомъ, такъ какъ и всѣми другими обыкновенно негодованіемъ

(*) Подъ наслѣдственною войною разумѣется здѣсь та, которая по послѣдовавшей въ исходѣ 1700 года кончинѣ Карла втораго Короля Испанскаго производима была въ сей Монархіи и въ зависящихъ отъ нее государствахъ, между Австрійскимъ и Бурбонскимъ домами и ихъ союзниками, и кончилась тремя славными заключеніями мира, Утрехтскимъ (1713-15) Баденскимъ (1714) и наконецъ Вѣнскимъ (1724).

емъ внушаемыми, достигла бы она своего намѣренія весьма несовершенно, и наказала бы неблагодарность свѣта только *на себѣ самой*.

И такъ по щастію выдумала она другой способъ, стоявшій ей не столь много и гораздо способнѣйшій споспѣшествовать ея намѣренію, которое при столь превратныхъ обстоятельствахъ казалось быть ея достойнымъ. Она сдѣлалась *суропою* и предпріяла мстить за обиженныя свои прелести всѣмъ тѣмъ нещастнымъ, коихъ почитала она облаками, затмившими и обезсилившими все сіяніе оныхъ. Она публично объявила себя заклятою непріятельницею *красоты* и *любви*, и напротивъ того приняла на себя быть защитницею всѣхъ тѣхъ достопочтенныхъ Весталокъ, коихъ природа одарила *переходнымъ цѣломудріемъ*, тѣхъ тварей, единаго взора которыхъ довольно уже для обузданія самаго резвѣйшаго Фавна.

Донна Менція не довольна была однимъ дружествомъ, которое основано было ближайшимъ обхожденіемъ,

единонравіемъ и сходствомъ судьбы между ею и нѣкоторыми госпожами сего класса, съ коими она въ Валенціи, гдѣ была воспитана, мало по малу свела знакомство. Она составила съ ними нѣкоторой родъ общества, которое въ *женскомъ* или *изящномъ свѣтѣ* было тоже самое, что (по мнѣнію многихъ) *монашескіе ордены* въ политическомъ. Такого ордена выгода состоитъ въ томъ, что бы другимъ наносить всевозможной уронъ, и сестры сего общества получили названіе *Антиграцій*, поелику онѣ со всемъ царствомъ любви находились въ столько же открытой и непримиримой враждѣ, какъ Мальтійскіе Кавалеры съ Музульманами.

Для ученія своихъ собраній столько же полезными обществу, сколько оныя самимъ имъ пріятны были, избрали онѣ предметомъ великодушныхъ своихъ попеченій разпространеніе добродѣтели и добрыхъ нравовъ между своимъ поломъ; ибо плачевное повреждение онаго было, по ихъ разсужденію, подлиннымъ и единственнымъ источникомъ всего зла въ свѣтѣ.

Онѣ

Онѣ положили основаніемъ своего нравоученія, что женщинѣ, имѣющей пріятное лицо не возможно быть добродѣтельною, и по сему основанію всѣ ихъ разсужденія цѣлью своею имѣли дѣйствія и нравственное достоинство каждой особы ихъ пола. Женщина, которая нравилась, была въ ихъ глазахъ нещастная погибшая тварь, зараза человѣческаго общества, жилище и орудіе злыхъ духовъ, Гарпія, Гіенна, Сирена и Гидра, и все сему подобное, и еще нѣчто злѣйшее по мѣрѣ носимаго ею въ себѣ заразительнаго яду, которой по системѣ сихъ нравоучительницъ былъ столько же смертеленъ для добродѣтели, сколько лестенъ для самолюбія и обманчивъ для бѣдныхъ мущинъ.

Въ семъ строгомъ характерѣ Донна Менція уже пятнатцать лѣтъ устрашала свѣтскихъ людей, какъ Донъ Педро де Розалва, братъ ея принялъ намѣреніе оставить Мадритъ, гдѣ онъ проживалъ остатокъ имѣнія, употребленнаго имъ на службу новому Королю, ожидая пенсіи, которой не получилъ, и тогда, когда уже поздо

до было, не мало сожалѣлъ, что не употребилъ онаго лучше на то, чтобъ сдѣлать годнымъ для житья небольшой старой за́мокъ, отстоящій на два или на три часа ѣзды отъ Ксельвы: единое наслѣдство, оставшееся ему отъ его предковъ.

Онъ имѣлъ отъ своей супруги, которая у него не задолго предъ тѣмъ умерла, сына и дочь. Какъ ихъ нѣжной возрастъ, такъ и управленіе малымъ его стяжаніемъ требовало женскаго присмотра. Онъ препоручилъ должность сію своей сестрѣ, которую удобно можно было уговорить промѣнять униженіе, претерпѣваемое въ Валенціи, на удовольствіе быть знатнѣйшею госпожею въ деревнѣ. Сей родъ размышленія переняла она можетъ быть у Цезаря, которой проѣзжая чрезъ бѣдненькой городокъ въ Пиренейскихъ горахъ увѣрялъ своихъ друзей, что онъ охотнѣе бы согласился быть первымъ въ семъ маленькомъ городкѣ, нежели вторымъ въ Римѣ (*). Пе-

(*) См. Плутарха въ жизни цезаря. Vitar. Parall. Tom. IV. pag. 112. ed. Bryan.

Печаль о рушившейся надеждѣ не допустила Дона Педро наслаждаться долго прiятностями свободы и деревенской жизни, подлинныя выгоды коея не извѣстны еще его единоземцамъ. Онъ умеръ, оставя сыну своему Дону Силвiо, поколѣнную роспись, которая терялась во временахъ Гаргариса и Габида (*), обвалившейся за́мокъ съ тремя башнями, нѣсколько откупныхъ дворовъ, и надежду раздѣлить съ сестрою своею по смерти Донны Менцiи наслѣдство, состоящее въ нѣсколькихъ старинныхъ драгоцѣнныхъ камешькахъ, очкахъ и четкахъ купно съ знатнымъ запасомъ рыцарскихъ книгъ и романовъ.

Донъ Педро умеръ тѣмъ спокойнѣе, что оставилъ сына своего, хотя оному едва только тогда наступилъ десятой годъ, въ рукахъ столь мудрыя

(*) Имена двухъ древнѣйшихъ Испанскихъ Королей, изъ коихъ первой сказываютъ изобрѣлъ искуство отбирать у пчелъ медъ.

рыя госпожи, каковою казалась ему Донна Менція. Ибо удивительное ея начитаніе въ лѣтописяхъ рыцарскихъ книгъ, и краснорѣчіе, съ какимъ она обыкновенно за столомъ и въ другихъ случаяхъ оказывала великое свое свѣденіе въ политикѣ и нравоученіи, внушили ему тѣмъ большее мнѣніе о ея разумѣ, чѣмъ менѣе собственная его жизнь оставляла ему времени пріобрѣсть болѣе познанія о томъ, что называется *подлинною ученостію*, нежели весьма не многое, оставшееся у него не слишкомъ въ вѣрной памяти отъ временъ его ученья.

Глава вторая.

Какъ воспитанъ былъ Донъ Силвіо своею теткою.

Донъ Педро не обманулся надеждою, воспріятою имъ о стараніи и искуствѣ сестры своея; ибо какъ скоро молодой Силвіо научился у деревенскаго Викарія столько по латинѣ, что могъ

могъ разумѣть Овидіевы превращенія, и перенялъ у цирюльника въ сосѣдственномъ селѣ, которой почитался Амфіономъ той стороны, столько играть на музыкѣ, что могъ пробренчать на цитрѣ нѣсколько дюжинъ старыхъ балетовъ; то она взяла на себя наставить его во всѣхъ прочихъ свойствахъ, составляющихъ по ея понятіямъ *соверщеннаго кавалера.*

Всего хуже было, что она всѣ сіи понятія почерпнула изъ Дона Палмерина де Оливы, Фарамонда, Клеліи, великаго Кира (*), и другихъ книгъ сего рода, которыя съ приключеніями две-

(*) Имена рыцарскихъ похожденій и героическихъ романовъ, изъ коихъ особливо оба послѣдніе (Клелія и Киръ) безспорно можно бы было читать съ несравненно величайшею пользою, естьли бы только сіе было въ модѣ, нежели большую часть модныхъ Romans du Jour, помогающихъ поврежденію вкуса и развращенію нравовъ нашихъ времянъ.

двенатцати Французскихъ Перовъ и Кавалеровъ круглаго стола составляли главнѣйшую часть ея книгохранительницы. По ея мнѣнію въ сихъ книгахъ сокрыто было все богатство высокихъ и полезнѣйшихъ знаній. Почему думала она, что для наученія своего племянника небыло ничего лучше, какъ внушить ему вкусъ и понятія, почерпнутыя ею самою изъ толь чистыхъ источниковъ. Удачныя способности молодаго Дона Силвіо столько соотвѣтствовали ея намѣреніямъ, что онъ еще до пятнатцати лѣтъ былъ по крайней мѣрѣ столько же ученъ, какъ и его любезная тетушка. Онъ уже имѣлъ въ семъ нѣжномъ возрастѣ почти столь же обширное познаніе въ исторіи, физикѣ, теологіи, метафизикѣ, морали, политикѣ, военномъ искуствѣ, древностяхъ и изящныхъ наукахъ, какъ бы кто нибудь изъ ученѣйшихъ героевъ великаго Кира; и умѣлъ съ такимъ краснорѣчіемъ отвѣтствовать на самые тончайшіе вопросы изъ сихъ наукъ, что домашніе слуги, викарій, школьной учитель, вышеупомянутой ци-

цирюльникъ и другія отмѣнныя особы, имѣвшія свободной входъ въ домъ, не могли довольно надивиться какъ чуднымъ дарованіямъ молодаго господина, такъ и мудрымъ правиламъ воспитанія его тетушки.

Что Доннѣ Менціѣ болѣе всего нравилось въ своемъ племянникѣ, то было воспламѣняющее его чрезвычайное желаніе подражать славнымъ примѣрамъ, коихъ великими подвигами и геройскими добродѣтелями былъ онъ восхищаемъ до очарованія, и коими онъ столько наполнилъ свое воображеніе, что наконецъ увѣрился, что не большаго будетъ стоить труда исполнить оныя, и что ему надобно только сдѣлать себѣ представленіе оныхъ. Донна Менціа не сумнѣвалась, чтобы Донъ Силвіо съ толь благородными склонностями и съ толь геройскимъ разсужденіемъ не могъ играть когда нибудь великой роли въ свѣтѣ и сравняться съ героями, коимъ она наиболѣе удивлялась, въ славѣ и щастіи столько же, сколько онъ имъ уподобляяся въ красотѣ и пріятностяхъ лица.

Глава третія.

Психологическія разсужденія.

Тѣмъ менѣе удивительно будетъ, что воображеніе Дона Силвіо отъ толь чуднаго воспитанія долженствовало получить столь рѣдкую силу, когда мы скажемъ, что необыкновенная чувствительность, и, что непосредственно съ оною сопряжено, также великая нѣжность принадлежали къ дарованіямъ, коими природа одарила его даже до излишества.

Молодые люди сего рода любятъ вообще всѣ представленія, дѣлающія въ сердцѣ ихъ живыя впечатлѣнія, и возбуждающія страсти, кои, находясь въ легкомъ снѣ, пробужаются отъ малѣйшаго шума.

Естьли къ тому воспитаны они будутъ въ отдаленіи отъ свѣта, въ сельскомъ уединеніи и простотѣ, посреди природныхъ удовольствій деревенской жизни, и не зная трудовъ оныя; то чудныя и страстныя представленія получаютъ надъ сердцемъ

ихъ

ихъ сугубую, и тѣмъ сильнѣйшую власть, чѣмъ болѣе въ такихъ обстоятельствахъ фантазія упражняется въ наполненіи пустоты, оставляемой въ душѣ всегдашнимъ единообразіемъ предметовъ, являющихся чувствамъ. Воображеніе непримѣтно смѣшивается съ чувствованіемъ, чудное съ естественнымъ, а ложное съ истиннымъ. Душа, обработывающая по одному токмо врожденному побужденію нелѣпости столь же правильно, сколь и истинны, составляетъ себѣ изъ всего сего цѣлое, и пріучается почитать то за истинное, понеже находитъ въ томъ свѣтъ и связь, и поколику фантазія ея столькожъ знакома съ нелѣпицами, составляющими большую часть того, какъ и чувства ея съ дѣйствительными предметами, окружающими ихъ всегда безъ особливой перемѣны.

Въ такомъ положеніи находился сей юноша, которой будетъ героемъ нашей повѣсти. Врожденная ему живость духа была неспособна подозрѣвать, не обманывается ли онъ; и такъ

воображеніе его вмѣстило въ себя нелѣпыя существа, представляемыя стихотворцами и писателями романовъ, такимъ же образомъ, какъ и чувства его вмѣщали въ себя впечатлѣнія естественныхъ вещей. Чѣмъ пріятнѣе было ему чудное и сверхъестественное (*), тѣмъ удобнѣе могъ онъ обмануться и почитать то за дѣйствительное; а особливо когда онъ не сумнѣвался о невозможности невѣроятнѣйшихъ вещей. Ибо для незнающаго все возможно. Такимъ образомъ *стихотворной* и *волшебной* свѣтъ заступилъ въ головѣ его мѣсто *дѣйствительнаго*, и созвѣздія, стихійные духи, волшебники и феи были въ его системѣ столько же *движителями природы*, какъ тягость, притягательная сила, упругость, электрической огонь и другія естественныя причины въ системѣ нынѣшняго философа.

Ка-

(*) — — — — ut omne
Humanum genus est auidum nimis auricularum. *Lucret.*

Кажется, что сама *природа*, прилѣжное наблюденіе коея есть безопаснѣйшее *средство* противу нелѣпостей сумасбродства, съ другой стороны непосредственными впечатлѣніями, производимыми величественнымъ ея зрѣлищемъ въ душѣ нашей, есть первымъ *источникомъ* онаго.

Пріятное ужасеніе, ощущаемое нами при входѣ въ темной лабиринтъ густой рощи, безъ сомнѣнія подало поводъ къ тому, что въ древнія времена всеобще вѣровали, что лѣса и рощи обитаемы богами. Сладкое содроганіе, удивленіе, ощутительное разширеніе и возвышеніе нашего существа, испытываемыя нами въ свѣтлую ночь при воззрѣніи на испещренное звѣздами небо, подали причину вѣрить, что сія исполненная блистанія, безчисленными и никогда неугасаемыми лампадами освѣщенная бездна есть жилище безсмертныхъ существъ.

Уповательно изъ сего источника произходитъ, что *земледѣльцы*, коимъ труды ихъ не оставляютъ времени познать яснѣе смѣшенныя впеча-

тлѣнія, производимыя въ нихъ природою, суть вообще гораздо *суевѣрнѣе* другихъ людей. Оттуда тѣло имѣющіе духи, коими вся природа кажется имъ быть наполнена, оттуда невидимыя ловли въ лѣсахъ, волшебницы, танцующія хороводами на поляхъ по ночамъ, добрые и злые домовые, стѣнь, душащая дѣвокъ, горные духи, русалки, огненные мужики, и не вѣсть сколько другихъ привидѣній, о коихъ они столь много умѣютъ разсказывать, и о дѣйствительности коихъ они столь увѣрены, что не можно отрицать оной не показавшись большей части ихъ рода глупцомъ или безбожникомъ.

И такъ естьли мы разсудимъ теперь о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ, соединившихся дать полную силу романическому воспитанію нашего молодаго кавалера, то не будетъ намъ не понятно, что ему не много еще оставалось, чтобъ взять въ голову такія чудныя мысли, какія со временъ единоземца его ла Манхскаго рыцаря, когда либо входили въ помѣшанной мозгъ.

Гла-

Глава четвертая.

Какимъ образомъ Донъ Силпіо познакомился съ полшебницами.

Къ нещастію для его разума находилось между книгами, наполнявшими великую комнату въ домѣ, множество волшебныхъ сказокъ, до коихъ Донъ Педро былъ великой охотникъ, хотя мудрая его сестрица и не рѣдко журила его за вкусъ въ такихъ безполезныхъ вракахъ, такъ она ихъ называла; ибо въ толикомъ уваженіи находились у нее рыцарскія книги, кои она щитала на ровнѣ съ лѣтописями, исторіями, и описаніями путешествій, столько презирала всѣ сіи малыя игрушки остроты, которыя пишутся только для забавы дѣтей, или для препровожденія времени взрослыхъ, и людямъ знающимъ вкусъ ничѣмъ инымъ не могутъ понравиться, какъ пріятнымъ образомъ повѣствованія.

Донъ Педро признавался ей охотно, что онѣ суть пустошь; но онѣ прогоняютъ мнѣ, говорилъ онъ, иногда скучные часы; чѣмъ шутливѣе

замыслы, кои произносить дурачина, сочинитель ихъ, тѣмъ болѣе я смѣюсь, и сіе есть все, чего я въ нихъ ищу.

Мудрая Донна Менціа, щитающая какъ всѣ чудные люди, только свои собственныя грезы благоразумными, хотя не довольствовалась симъ отвѣтомъ; но арабскія и персидскія повѣсти, новости, (*) и волшебныя сказки остались въ спокойномъ мѣстѣ въ ея книгохранительницѣ, и какъ онѣ по большей части переплетены были только въ синюю бумагу, то столь скромно скрывались за достопочтенными томами въ листъ и въ четвертку, что по смерти стараго рыцаря въ короткое время были совсѣмъ забыты.

Но

(*) Новостями (nouvelles) называется нѣкоторой родъ повѣстей, кои отъ большихъ романовъ разнствуютъ простотою расположенія и малою обширностію выдумки, или содержатся къ онымъ такъ, какъ малыя піесы къ большимъ трагедіямъ и комедіямъ.

Но чаятельно волшебница, вмѣшавшаяся въ судьбу молодаго Силвіо, не хотѣла допустить, чтобъ предопредѣленіе его не исполнилось: ибо онъ нѣкогда въ отсутствіе своей тетки, которыя важность и безпрестанное нравоученіе начинали ему становиться весьма обременительными, рывшись въ книгохранительницѣ, чтобъ сыскать себѣ что нибудь для препровожденія времени почитать, нашелъ нечаянно, или тайнымъ руководствомъ помянутыя волшебницы, большую кипу волшебныхъ сказокъ. Онъ подхватилъ ее будучи отъ радости внѣ себя, и удалился сколько можно скорѣе въ садъ, чтобъ тамъ узнать цѣну своей находки безъ всякаго помѣшательства; ибо надпись предвѣщала ему, что въ сихъ книгахъ надобно быть весьма пріятнымъ вещамъ.

Сіи сказки понравились ему вопервыхъ краткостію; ибо толстые фоліанты, изъ коихъ онъ ежедневно нѣсколько часовъ долженъ былъ что нибудь прочитывать своей теткѣ, весьма ему наскучили. Какъ же скоро

прочиталъ онъ сказки двѣ, то ничто не могло сравниться съ удовольствіемъ, какое онъ въ нихъ ощущалъ, и съ жадностію, съ коею онъ, такъ сказать, пожиралъ всѣ прочія.

Нѣкоторое побужденіе, научающее и самыхъ простѣйшихъ изъ молодыхъ людей, что они могутъ сказать своимъ надзирателямъ и что умолчать, предостерегло его въ томъ, чтобъ не дать любезной своей тетушкѣ ничего примѣтить о своей находкѣ; но принужденіе, которое онъ долженъ былъ въ семъ терпѣть, дѣлало ему волшебницу тѣмъ милѣе, и онъ бы прочиталъ тогда во всю ночь, естьли бы могъ для того имѣть кошичьи глаза, какихъ желалъ Тассо въ своей темницѣ: ибо попеченіе Донны Менціи о его здоровьѣ и о сбереженіи свѣчь, отняли у него уже давно средства къ ученымъ по ночамъ бдѣніямъ.

Но какъ скоро разсвѣло, то онъ уже проснулся, и вытащивъ тотчасъ изъ подъ подушекъ свои тетрати прочитывалъ бѣгло одну сказку за дру-

другою, и прочитавши всю кипу, начиналъ опять съ начала не скучившись. Онъ удалялся, сколь часто токмо могъ, въ садъ или въ ближней лѣсъ и бралъ съ собою свои сказки. Вооображенïе его вмѣщало оныя въ себя съ толь чрезвычайною живостïю; онъ не читалъ, но видѣлъ, слышалъ, чувствовалъ. Ему казалось, что прекраснѣйшая доселѣ имъ знаемая и исполненная чудесами природа предъ нимъ открывалась, и смѣшенïе чуднаго съ простотою естества, которое составляетъ содержанïе большей части бездѣльныхъ сказокъ сего рода, было для него неложнымъ знакомъ истинны оныхъ.

Онъ тѣмъ менѣе сумнѣвался въ семъ пунктѣ, будучи совершенно къ тому предуготовленъ прежнимъ образомъ своея жизни. Ибо съ начала его ученïя, которое сдѣлано Овидïевыми превращенïями, не попадалась ему въ руки ни одна книга, изъ коей бы могъ онъ почерпнуть правильнѣйшïя понятïя. Напротивъ того разные писатели тѣхъ временъ, въ кои Пифагори-

ко-

ко-кабалистическая Философія (*) по всей Европѣ находилась въ уваженіи сво-

(*) Сіи времена начались *Раймундомъ Луллом* и продолжались чрезъ другую половину пятнатцатаго и чрезъ все шестнатцатое столѣтіе. Въ которое время не токмо сумасбродныя головы, какъ то *Пико де Мирандола*, *Парацелсъ*, *Іорданъ*, *Брунъ*, *Карданъ* и имъ подобные, но и разумнѣйшіе мужи, какъ *Марсилій Фицинъ*, *Рейхлинъ*, *Францъ Патриціо* (издатель подложныхъ сочиненій Гермеса Трисмегиста и Зороастра) и другіе думали открыть глубочайшія таинства духовнаго и тѣлеснаго міра въ чудной смѣси Египетскихъ загадокъ, восточныхъ изображеній и Греческихъ басенъ. Здѣсь не мѣсто изслѣдывать, мало ли *истинны*, а можетъ быть и болѣе, нежели въ модной Философіи нашихъ временъ, находится въ бредняхъ сихъ мужей и древнѣйшихъ Философическихъ сумасбродовъ, отъ коихъ они научились. Довольно, что важ-

своими систематическими беднями о планетныхъ и стихiйныхъ духахъ, о заклинанiяхъ, о таинственныхъ числахъ и талисманахъ и о ложной мудрости, могущей обладателей своихъ сдѣлать повелителями всего естества, утвердили его столько въ его воображенiи, что и чудесами исполненной Бабiолинъ орѣхъ (*), кусокъ полотна въ четыре ста

важный тонъ, въ которомъ Донъ Силвiо нашелъ отъ весьма важныхъ мужей въ весьма важныхъ книгахъ, утверждаемыми тѣ понятiя и правила, служившiя основанiемъ его вообраҗенiямъ, помогаетъ нѣсколько сдѣлать вразумительнѣе то, какъ онъ съ такимъ расположенiемъ и въ такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ писалъ его сочинитель, могъ впасть въ сумасбродство, которое сколько *намъ* ни кажется нелѣпымъ, ему должно было казаться совсѣмъ естественнымъ и разумнымъ.

(*) Въ обезьяну превращенная Принцесса *Бабiола* получила въ подарокъ отъ

ста аршинъ, которой любовникъ бѣлой кошки выпрялъ изъ льнянаго зерны.

отъ Короля **Магота**, требовавшаго ее въ супружество между прочимъ оливу и орѣхъ, кои имѣли талисманическую силу, когда въ побѣгѣ, къ коему побудилъ ее страхъ склонностямъ ея несоразмѣрнаго супружества, принуждена будучи наконецъ раскусить оливу, то чрезъ масло ея получила паки прежней прекрасной свой образъ, а по разгрызенiи орѣха вышло изъ онаго множество архитекторовъ, плотниковъ, каменщиковъ, обойщиковъ, живописцовъ, рѣщиковъ, садовниковъ, и пр. кои въ нѣсколько минутъ сострoили великолѣпнѣйшiя палаты съ прекраснѣйшими садами въ свѣтѣ. Вездѣ блистало золото и лазурь. Накрыли пышной столъ, шестьдесятъ Принцессъ, ведомыя своими Кавалерами, убранныя богатѣе Королевъ и въ провожанiи своихъ пажей приняли прекрасную Бабiолу съ великими комплиментами, и привели въ столовую залу.

нышка, и шесть разъ продѣлъ сквозь тонкія иглиныя ушки въ глазахъ его не имѣли ничего непонятнаго.

И такъ ему ничто не препятствовало отдаться совсѣмъ удовольствію, почерпаемому имъ изъ волшебныхъ сказокъ, коихъ великое множество вытаскивалъ онъ изъ подъ драной бумаги, покрывавшей полъ книгохра-

---

лу. Послѣ кушанья казначеи ея принесли ей пятнатцать тысячь сундуковъ, наполненныхъ золотомъ и діамантами, изъ чего заплатила она работникамъ и художникамъ, состроившимъ ей толь прекрасныя палаты, съ такимъ условіемъ, чтобъ они построили ей скорѣе городъ, что тотчасъ было исполнено и городъ въ три четверти часа поспѣлъ, не взирая на то, что онъ былъ въ пять разъ болѣе Рима..... Довольно чудесъ изъ онаго маленькаго орѣха говоритъ сама по себѣ чудесная госпожа Донуа, изобрѣтательница сея удивленія достойной сказки. См. Contes de Fées par Mad. D * * *. Tom. IV.

хранительницы, изъ коихъ одна другой была чудеснѣе, и въ коихъ находилъ онъ забаву, которой не промѣнялъбы на всѣ веселости въ свѣтѣ.

Онъ не могъ быть столько осторожень, что бы наконецъ столькоже проницательная, какъ и строгая надзирательница не узнала причину толь частыхъ его прогулокъ въ увеселительномъ лѣсу и не проговорила ему за то весьма жестокой, ученой и длинной наказательной проповѣди; но сiе, какъ обыкновенно случается, служило ни къ чему иному, какъ что Донъ Силвiо сдѣлался осторожнѣе и болѣе старался скрывать отъ нея свои склонности и вознамѣренiя.

Правду сказать, онъ всегда больше боялся, нежели любилъ: но съ тѣхъ поръ, какъ мозгъ его наполнился Флоринами, Розеттами, брилліантами, Кристаллинами, и не вѣсть сколь многими другими сверьхземными и не естественно прекрасными красотами, что онъ не рѣдко покушался почитать добрую старушку тетку свою, за нѣко-

которой родъ Карабоссы (*), которыя мучительное начальство день отъ дня становилось ему несноснѣе.

(*) Находится два рода волшебницъ, добрыя и злыя. Первыя суть наипрекраснѣйшія госпожи въ свѣтѣ, а послѣднія наигнуснѣйшие уроды, какихъ только можно себѣ представить. *Карабосса* есть между ими одна изъ знатнѣйшихъ. Въ сказкѣ La princeſſe Printanniere (Cont. de Fées Tom. II.) изображается она наигнуснѣйшимъ чудовищемъ, имѣющимъ кривыя ноги, большой горбъ, загноившіяся глаза, какъ уголь черную кожу, и къ весьма короткому толстому трупу столь большую голову, что колѣна досязали до подбородка. Она пріѣхала на телѣгѣ, запряженной двумя скаредными карлами представить себя матерѣ Принцессы Преньтанніеры въ кормилицы; и всѣ дурачества учиненныя потомъ сею доброю Принцессою купно съ нещастіями, произходившими изъ того, были дѣйствія отказа, даннаго сей толь любви достойной мамкѣ.

И такъ, чтобъ она ни говорила, очарованія, діамантовые и рубинные замки, превращенные или въ башни и въ подземныя полаты заключенныя Принцессы и нѣжные любовники, благополучно избѣгающіе казней злой волшебницы подъ чудотворнымъ покровительствомъ доброй, обладали совершенно его воображеніемъ. Онъ кромѣ сего не читалъ ничего инаго, ничто иное не было предметомъ его удивленія и вымысловъ, онъ чрезъ цѣлой день ни съ чемъ инымъ не обходился, и ему не грезилось чрезъ всю ночь ничего инаго.

Глава пятая.

Удивительное дурачество Дона Силвіо. Любовь его къ мысленной Принцессѣ.

Въ толь рѣдкомъ расположеніи ума не могло ничто быть естественнѣе, какъ что Донъ Силвіо наконецъ впалъ въ дурачество, желать себѣ такихъ же приключеній, какихъ повѣствованіе въ сказкахъ причиняло ему столько удовольствія.

Въ

Въ скоромъ времени простерлось сїе еще далѣе; онъ старался воображенїя, которыми голова его наполнена была, претворить въ вещи и преселиться, сколь ему было возможно, въ свѣтъ волшебницъ.

Сего ради далъ онъ всѣмъ предметамъ его окружающимъ имена изъ своихъ сказокъ. Пригоженькую свою собачку назвалъ онъ вмѣсто Аморетты, какъ она прежде называлась, *Тинтиномъ* (*); ибо собачка Принцессы *Мерцельезы* имѣла такое имя. И онъ промѣнялъ пепельнаго цвѣта кошку съ бѣлыми лапками, которая была его любимицею на совсѣмъ бѣлую, которую въ честь Принцессы бѣлой кошечки осыпалъ онъ всевозможными учтивостями.

Всякое утро и всякой вечеръ ходилъ онъ осматривать нѣкоторыя рисованныя оконнишныя рамы въ полуобвалившейся галлереѣ зáмка, надѣясь

(*) Смотр. Le Mouton, Cont. de Fées. Tom. III.

подобно Принцу Гекериху (*) найти на оныхъ изображенія, могущія ему открыть нѣсколько о будущей его судьбѣ; и онъ обшаривалъ разъ по двативцати всѣ углы за́мка, отъ кровли до погреба, не сыщетъ ли гдѣ очарованнаго постава или заваленной лѣсницы, которая бы вела въ подземную палату. Онъ не нашелъ конечно ничего и рамы не показывали ему никогда ничего, кромѣ одѣтыхъ въ латы рыцарей, которые съ направленными копьями вѣковъ уже около двухъ стремилисъ одинъ на другаго; но онъ умѣлъ утѣшиться. Ему еще не было осьмнатцати лѣтъ, а изъ большей части сказокъ зналъ онъ, что Принцъ или рыцарь долженъ по меньшей мѣрѣ быть совершенно въ осьмнатцать лѣтъ, чтобъ имѣть приключенія.

Между тѣмъ сдѣлалъ онъ въ углу своего сада нѣкоторый родъ бѣседки, которая долженствовала походить на цвѣточной за́мокъ, гдѣ волшебница

псе-

(*) Смотр. le Rameau d'or, cont. des Fées T. II.

всегда прекрасна, обыкновенно скрывала отъ своего двора тѣ сладкія минуты, которыми она наслаждалась въ объятіяхъ возлюбленнаго своего пастуха. (*) Онъ приказалъ нѣсколько липъ, найденныхъ имъ къ тому способными, такъ разсадить, чтобъ пни сихъ деревьевъ были столбами, на коихъ основывалось бы строеніе, нижніе сучья составляли полъ, а вершины кровлю. Стѣны сего удивленія достойнаго увеселительнаго домика переплетены были розами и козьими листами, а позади онаго сдѣлана была такъ искусно дерновая лѣсница, что ее никакъ не можно было примѣтить.

Въ семъ зеленомъ *замкѣ*, какъ Дону Силвіо угодно было назвать оный, поставилъ онъ маленькой кабинетъ, который онъ, что бы придать ему тѣмъ больше волшебнаго вида, убралъ прекраснѣйшими бабочками, коихъ онъ наловилъ прогуливаясь въ близкомъ

 лѣ-

(*) Смотр. Jeune et Belle dans les nouveaux Contes des Fées par Mad. de M * *. стр. 334.

лѣсу и на берегахъ Гвадалавіара, протекающаго мимо недалеко отъ его сада.

Въ семъ кабинетѣ препровождалъ онъ часто половину ночи въ бредняхъ о чудныхъ приключеніяхъ, которыхъ себѣ желалъ и которыя въ скоромъ времени надѣялся испытать. Непримѣтно засыпалъ онъ въ сихъ размышленіяхъ и благосклонные сны продолжали тѣ приключенія, въ которыхъ онъ бодрствуя начиналъ заблуждаться. Прекрасная Принцесса имъ любимая была обыкновенно предметомъ оныхъ. Но только въ томъ было затрудненіе, что онъ видалъ ее всегда во власти волшебницы Фанферлюши (*) или

(*) Имя одной изъ знатнѣйшихъ подругъ волшебницы *Карабоссы*. *Фанферлюшь* хотя не такъ зла, какъ Карабосса, однако столько злобна, что радовалась, когда могла сыграть съ людьми худую шутку съ честнымъ добросердечнымъ видомъ. Знатная исторіописательница волшебницъ описываетъ ее ма-

ленъ-

или другой завистливой старой вѣдьмы, которая любви его наидосаднѣй-

ленькою старухою въ локоть; она имѣла на себѣ платье изъ бабочкиныхъ крылышковъ, башмаки изъ орѣховыхъ скорлупъ и терновый вѣнецъ, и выѣхавъ изъ камина на трехъ помѣлахъ, объѣхала три раза по горницѣ въ то время, какъ являлась Королевѣ, неимѣвшей дѣтей и обвинявшей Фанферлюшу, что она ее въ томъ заговорила. „въ доказательство моей правости„ сказала волшебница, возвѣщаю „вамъ„ что чрезъ годъ родите вы „дочь, но я опасаюсь, чтобъ оная не „стоила вамъ столька слезъ, чтобъ „вы лучше хотѣли ее не имѣть со„всѣмъ.„ Королева весьма опечалилась отъ сего извѣстія, и со слезами умоляла волшебницу сжалиться надъ нею. „Судьба сильнѣе меня;„ отвѣчала Фанферлюшь, „все, что я могу для васъ „сдѣлать, есть то, что дамъ вамъ „сей терновый вѣнецъ; обвяжите имъ „голову маленькія Принцессы, какъ

шія наносила препятствія. То надлежало ему драться съ драконами и крылатыми кошками, то находилъ онъ всѣ входы въ тѣ палаты, въ коихъ Принцесса сія заключена была, усѣянны терновыми головками, кои въ ту минуту, какъ онъ къ нимъ прикасался, превращались въ толикоежъ множество исполиновъ, вооруженныхъ большими стальными булавами и оспоривавшихъ ему путь. Тогда хотя онъ и вступалъ съ ними въ бой, какъ прилично храброму рыцарю, и рубилъ од-

„скоро она родится; чрезъ сіе сохра-„ните вы ее отъ многихъ нещастій.„ Съ сими словами отдала она Королевѣ вѣнецъ и изчезла какъ молнія. Какъ скоро Принцесса, удивительно прекрасное дитя, родилась, то ни о чемъ такъ не старались, какъ чтобъ съ поспѣшностію обвязать ей голову вѣнцемъ волшебницы Фанферлюши; но едва сіе было сдѣлано, то Принцесса превратилась въ прекраснѣйшую обезьянку, какой никогда почти не было видано. См. Babiole въ 4 части C. d. F.

однимъ замахомъ по двѣ дюжины, но едва, управясь съ ними, намѣрялся войти въ палаты, то принужденъ былъ видѣть, какъ возлюбленная его Принцесса на запряженной нетопырями колесницѣ чрезъ трубу увезена была. Въ другой разъ нашелъ онъ ее сидящую на цвѣточной лавочкѣ при источникѣ, бросился къ ея ногамъ, говорилъ ей нѣжнѣйшія рѣчи, кои она, казалось, слушала съ удовольствіемъ; но какъ онъ ее хотѣлъ обнять, (ибо извѣстно что любовь во снѣ наблюдаетъ не всѣ степени предписанныя пастуху на берегахъ Лигнонскихъ (*), то увидѣлъ съ ужасомъ, что держалъ въ своихъ объятіяхъ тварь, подобную толстой Мариторнѣ, домашней коровницѣ, и получилъ съ губъ, изъ коихъ минутою прежде казалось изходило благовоніе нектора и амброзіи чеснокомъ и старымъ козьимъ

(*) т. е. *Селадону*. См. *Астрею* господина де Урфу или новую Астрею (сокращеніе оной) въ Bibliotheque de la campagne.

имъ сыромъ столь сильно приправленой поцѣлуй, что отъ омерзенія и отвращенія едва онъ не умеръ.

Сколь ничего незначущи были сіи мнимыя нещастія, столь однако велико было прискорбіе, причиняемое ему оными. Онъ считалъ сны сіи за злыя предзнаменованія, и не сумнѣвался что имѣетъ сильную злодѣйку, старающуюся сдѣлать его нещастнымъ въ любви, которую онъ уже въ высокомъ степени ощущалъ къ очаровывающей незнакомкѣ, которую онъ по опредѣленію судьбы назначенъ былъ любить.

Глава шестая.

Чудеса съ трапяною лягушкою. Для чего Донъ Сильвіо не примѣтилъ, что лягушка не волшебница.

Мысль имѣть невидимаго врага толикой важности, обезпокоивала не мало нашего молодаго героя; однако какъ онъ въ своихъ сказкахъ не нашелъ ни одного волшебницами или чародѣями гонимаго Принца, которой бы

бы не былъ защищаемъ другою волшебницею, то опять надежда его ободрила, что онъ не будетъ первымъ, изключеннымъ изъ сего правила.

Но поколику въ волшебномъ мірѣ такъ, какъ и въ нашемъ повседневномъ свѣтѣ есть обычай, что рѣдко кто обыкновенно оказываетъ услуги тому, отъ кого бы не ожидалъ таковыхъ же или еще большихъ услугъ; то Донъ Силвіо ничего такъ усердно не желалъ, какъ получить случай заслужить благодарность какой нибудь великодушной волшебницы.

Нѣкогда идучи въ сихъ мысляхъ подлѣ рва въ своемъ саду, увидѣлъ на другой сторонѣ самца аиста, (нѣкоторыя извѣстіи гласятъ, хотя безъ довольнаго основанія, что то была самка,) намѣревающагося схватить вертлявую лягушку, которая безпечно квакая прыгала въ травѣ.

Донъ Силвіо изъ одного побужденія своего сердца, которое весьма милостиво и сострадательно было, не облѣнился бы притти на помощь сей претерпѣвающей нужду лягушкѣ.

Но

Но мысль, что это можетъ быть волшебница, или также та благодѣтельная лягушка, которая Принцессѣ Муфеттѣ (*) и ея матерѣ столь добрыя оказала услуги, придала ему крылья; онъ перепрыгнулъ черезъ ровъ и прогналъ палкою, которую онъ имѣлъ также въ рукѣ, долгоногаго заклятаго врага лягушекъ въ ту минуту, какъ онъ намѣревался проглотить малую сію невинную квакушу. Аистъ уронилъ свою добычу, а лягушка спрыгнула въ ровъ не безпокоясь о томъ, кому она обязана благодарностію за свое спасеніе.

Донъ Силвіо остался у рва и ожидалъ, что она въ видѣ прекрасныя

(*) Смотр. la grenouille bienfaisante въ I части сказокъ г. Донуа. Благотворительная лягушка, которая въ сей сказкѣ имѣетъ пещись о чудномъ, есть родъ волшебницы между лягушками. Все волшебное искуство сея рѣдкія феи состоитъ въ маленькомъ розовомъ чепчикѣ (petit chaperon de roses), которой она обыкновенно надѣвала.

сныя Нимфы, или по крайней мѣрѣ съ своимъ розовымъ чепчикомъ на головѣ выдетъ отблагодарить его весьма учтиво за столь важную, оказанную ей услугу. Онъ ожидалъ съ полчаса; но къ немалому его удивленію не появилась ни лягушка ни Нимфа.

Столь необыкновенная неблагодарность въ волшебницѣ была ему непонятна. Хотя бы то, думалъ онъ, была сама маленькая гнусная Маготина, старая Раготта, или волшебница Конкомбре (*), то мнѣ кажется, что услуга такого роду могла бы побудить ее къ нѣкоторой признательности. Но не можетъ ли быть, подумалъ онъ послѣ того, что ей не позволено показаться мнѣ теперь въ ея соб-

(*) Три волшебницы худо оглашенныя. *Маготина* играетъ свою ролю въ зеленомъ серпентинѣ (змѣиномъ камнѣ) (tome IV. des C. d. F. de Mad. D.). *Раготтина* — свою въ царѣ баранѣ; и кому не извѣстна нѣжная *Конкомбре* изъ остроумнаго и легковѣрнаго уполовника (Ecumoire)?

собственномъ видѣ, или, что она сіе по другимъ причинамъ откладываетъ до такого случая, въ которомъ она мнѣ благодарность свою докажетъ дѣйствительнымъ оказаніемъ услугъ.

Упованіе сіе, поколику оно съ его нелѣпыми желаніями всего лучше согласовалось, казалось ему при большемъ размышленіи столь правдоподобнымъ, что онъ исполненъ удовольствія, возвратился въ свой зеленой замокъ, не сумнѣваясь ни минуты, что бы по семъ приключеніи въ скоромъ времени не воспослѣдовало какой либо важной перемѣны въ его судьбѣ.

Упователыно, что нѣкоторые читатели удивятся, какъ возможно, чтобъ Донъ Силвіо столько могъ быть глупъ, что бы изъ противнаго слѣдствія сего чуда не вывесть заключенія, естественно изъ того слѣдовавшаго, то есть, что лягушка сія дѣйствительно была не волшебница. Но они позволятъ намъ доложить себѣ, что они не довольно силу предразсужденій примутъ въ разсужденіе, а можетъ быть и собственной свой

опытъ

опытъ. Нѣтъ ничего между людьми обыкновеннѣе сего образа ложныхъ заключеній; предразсужденіе и страсть не дѣлаетъ другихъ.

Старой волокита, думающей купить своею щедростію вѣрность своея возлюбленныя, приписываетъ сверкающія глаза и горящія щеки, съ какими она его принимаетъ, радости, которую въ ней причиняетъ его прибытіе, не помысля, сколь вѣроятнѣе бы было поставить ихъ на щетъ молодаго любовника, которой между тѣмъ прячется въ поставѣ и смѣется надъ его легковѣрнымъ безсиліемъ.

Индіанецъ откупаетъ у своего Бонзы амюлеты, которые должны служить противъ всѣхъ болѣзней; онъ занемогъ, а амюлеты ничего не помогаютъ. Что заключаетъ онъ изъ того? Можетъ статься, что его амюлеты не имѣютъ такой изцѣлительной силы, и что Бонза обманщикъ? Никакъ; все, что онъ изъ того заключаетъ, состоитъ въ томъ, что не довольно молился онъ идолу, кото-

рага

раго образъ носилъ на шеѣ, и не довольно подавалъ милостыни Бонзамъ.

Никакіе люди не видятъ больше достоинствъ въ самихъ себѣ, какъ тѣ, въ которыхъ никто другой никакихъ не видитъ; и кто бы могъ подумать, что презрѣніе, которое они почитаютъ дѣйствіемъ зависти, должно приписывать гораздо естественнѣйшей причинѣ, что другимъ не возможно быть къ нимъ столь пристрастными, какъ они суть сами къ себѣ.

Такихъ примѣровъ набрать можно до безконечности. Хотя и правда, что дурачество Дона Силвіо не покажется чрезъ то менѣе; но довольно для его извиненія, что онъ по крайней мѣрѣ не дѣлаетъ худшихъ заключеній, нежели другіе честные люди.

Глава седьмая.

Донъ Силвіо находитъ чуднымъ образомъ портретъ своея возлюбленныя Принцессы.

Спустя нѣсколько дней послѣ приключенія съ лягушкою, пошелъ Донъ Силвіо на разсвѣтѣ въ лѣсъ искать бабочекъ, коихъ не доставало ему еще нѣсколька на украшеніе его кабинета.

Онъ уже съ лишкомъ часъ удалился отъ своего за́мка, какъ увидѣлъ чрезвычайной красоты бабочку, которая сѣла на цвѣтокъ на нѣсколько только шаговъ отъ него. Крылья сего несѣкомаго были свѣтлолазоревыя съ пурпуровыми каймами, кои при солнцѣ блистали какъ золото. Донъ Силвіо накрывъ ее своею соломенною шляпою, думалъ, что уже ее поймалъ; но она вылетела изъ подъ оной и скрылась въ самой густой кустарникъ.

О, вскричалъ Донъ Силвіо, я тебя достану, хотя бы надлежало мнѣ

преслѣдовать тебя даже до подземнаго государства Короля Барана (*),
гдѣ

(*) См. Барана (le Mouton) въ новости Ponce de Leon, томъ 3. въ C. de F. r. D. Мѣсто, къ которому здѣсь клонится, кажется быть подражанiемъ Лукiяну, которой намъ во второй части истинныя повѣсти подобно описываетъ изобилiе, какимъ наслаждаются жители Елисейскихъ полей, или щастливыхъ острововъ. „Тамъ царствуетъ вѣчная весна (говоритъ онъ), виноградныя лозы приносятъ въ годъ двенатцать разъ зрѣлые плоды, а всѣ прочiя овощныя деревья по тринатцати разъ. Изъ колосьевъ произрастаютъ вмѣсто пшеницы дѣйствительные хлѣбы, какъ грецкiя губы; источники вина, молока, меду и благоуханныхъ мастей разливаются во множествѣ по лугамъ и рощамъ; мѣсто, гдѣ блаженные кушаютъ, есть наипрiятнѣйшiй лугъ, окруженной высокими деревьями, подъ тѣнiю ко-
„ихъ

гдѣ дождитъ маленькими пирожками, и гдѣ жареныя куропатки растутъ на деревьяхъ.

,,ихъ они возлегаютъ на цвѣтахъ.
,,Вѣтры ставятъ кушанье на столъ
,,и прислуживаютъ каждому по изво-
,,ленію; только не подаютъ вина; ибо
,,окрестъ стоятъ великія деревья
,,чистѣйшаго хрусталя, на коихъ вмѣ-
,,сто плодовъ растутъ всякаго рода
,,стаканы и рюмки разнаго вида и ве-
,,личины. Каждой, идущей къ столу,
,,сламываетъ себѣ одинъ или два ста-
,,кана или рюмку, и ставитъ передъ
,,собою; сіи непосредственно наполня-
,,ются тотчасъ, и сколь часто угодно,
,,виномъ. Между тѣмъ, какъ бла-
,,женные кушаютъ и пьютъ, то баль-
,,замныя облака испускаютъ на нихъ
,,самую мѣлчайшую росу, а чтобъ из-
бавить ихъ отъ труда увѣнчиваться-
,,ся цвѣтами, то щиплютъ пѣвчія
,,птицы, приставленныя для столовой
,,музыки, своими носиками наипре-

Бабочка, которая положилась на выгоду своихъ крыльевъ, казалось, что хотѣла пощадить его отъ столь дальнаго путешествія. Не успѣлъ Силвіо потерять ее изъ виду, какъ нашелъ ее опять шага черезъ два передъ собою, сидящую на розмариновомъ кустѣ. Онъ хотѣлъ ее опять поимать, но случилось то же, что и прежде; прекрасная бабочка, казалось, что смѣялась только надъ нимъ; часто попархивала она около его въ малыхъ кругахъ, потомъ опять садилась, но всегда улетала, когда онъ намѣрялся ее поимать.

Игра сія продолжалась до тѣхъ поръ, пока Донъ Силвіо наконецъ примѣтилъ, что онъ забрелъ совсѣмъ въ незнакомую ему сторону.

Тогда началъ онъ раскаиваться, что пустился такъ далеко за бабочкой: но какъ уже сіе случилось, то онъ

„краснѣйшіе цвѣты на ближайшихъ „лугахъ, и низспускаютъ оныя на ихъ „головы такъ часто, какъ снѣгъ.„

онъ не хотѣлъ трудовъ своихъ потерять напрасно и не отсталъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ не сдѣлался столько щастливымъ и не поималъ бабочку, которая ему больше надѣлала труда, нежели сколько когда нибудь суровая любовница съ того времени, какъ оныя находятся, причинила своему любовнику.

Радость его была необыкновенна, и въ самомъ дѣлѣ не удастся никогда увидѣть прекраснѣе сей бабочки. Онъ разсматривалъ ее долго съ тѣмъ живѣйшимъ удовольствіемъ, чѣмъ больше стоила она ему труда, и онъ уже былъ намѣренъ посадить ее въ маленькую клѣточку, которую онъ для сего при себѣ носилъ, какъ ему показалось, что поиманная бабочка взираетъ на него съ умоляющимъ видомъ и опущенными крыльми; и онъ вообразилъ себѣ (ибо воображенія не стоили ему ничего), что она такъ громко вздохнула, какъ только когда либо можетъ вздохнуть бабочка.

Больше сего не надобно было для приведенія его на обыкновенныя бред-

ни, и ему совсѣмъ представилось вѣроятнымъ, что это можетъ быть волшебница или превращенная Принцесса. Ибо, думалъ онъ, естьли Принцесса Тронгюнъ (*) была кузнечикомъ, то другая столь же легко можетъ быть бабочкою. И такъ онъ не размышляя ни минуты, даровалъ ей паки вольность, о которой она казалось просила его столь убѣдительно.

Освобожденная бабочка улетела съ радостію; а Донъ Силвіо пошелъ за нею исполненъ ожиданія, что изъ того произойдетъ, какъ онъ шага на два передъ собою увидѣлъ нѣчто въ травѣ блистающее, которое привлекло на себя его вниманіе. Онъ поднялъ оное, и нашелъ, что то было родъ клейнода, осыпаннаго крупными бриліантами и прикрѣплено на ниткѣ чистѣйшаго жемчуга. Онъ разсматривалъ оной со всѣхъ сторонъ, но коль велико

(*) Смотр. золотую отрасль (den goldnen Zweig) во 2 части волшеб. сказ. г. Ц.

ко было его удивленіе, какъ онъ нечаянно подавивши одну пружинку, коей онъ не примѣтилъ, увидѣлъ большой тиркизъ въ срединѣ, спрыгнувшей на сторону и появившейся маленькой весьма искусно на финифтѣ написанной грудной образъ, представляющей молодую пастушку необыкновенной красоты.

Онъ стоялъ нѣсколько минутъ неподвиженъ, и не зналъ, долженъ ли онъ былъ вѣрить своимъ глазамъ; онъ часто снова осматривалъ, и осязалъ клейнодъ, чтобы увѣриться, что то не воображеніе, и чѣмъ болѣе онъ разсматривалъ его, тѣмъ болѣе увѣрялся, что это образъ богини, или по крайней мѣрѣ наипрекраснѣйшей изъ смертныхъ, которая нѣкогда была или впредь будетъ.

Наши прекрасныя читательницы тѣмъ скорѣе извинятъ его въ семъ поспѣшномъ рѣшеніи, когда онѣ разсудятъ, что онъ отъ своей тетки, которая по извѣстнымъ причинамъ видала очень мало общества, былъ воспитанъ въ толь строгомъ уединеніи,

что кромѣ собственнаго ея пріятнаго лица, горнишной ея служанки, (вдовы Сеннора Скудеро, которой уже минуло тритцать пять лѣтъ), толстой Мариторны и деревенскихъ бабъ въ жизни своей не видывалъ ничего такого, что бы хотя только въ несобственномъ смыслѣ могло причислено быть къ прекрасному полу. Ибо сестра его, которая въ самомъ дѣлѣ была прекрасная маленькая дѣвочка, пропала еще на пятомъ году своего возраста, и думали, что она украдена цыганкою, которую нѣкто около того времени не подалеку отъ за́мка хотѣлъ поимать.

И такъ Дону Силвіо необходимо надлежало быть тронуту чрезвычайно красотою сея пастушки, когда она между фигурами, къ которымъ онъ свои глаза долженствовалъ пріучить, не иначе казалась, какъ Латона между жителями Делоса, какъ оные, превращены будучи въ лягушекъ, по берегу квакали ей напротивъ. Однимъ словомъ, ему казалось невозможнымъ, что бы Гаціэза, Беллабелла,

кра-

красавица съ золотыми волосами, или сама Венера могла быть столько прекрасна, и онъ при первомъ воззрѣніи столько влюбился въ сей образъ, сколько нѣкогда странствующій рыцарь или аркадской пастухъ въ свою Дулцинею или Амариллиду.

Наконецъ, вскричалъ онъ въ своемъ восхищеніи, наконецъ нашелъ я ее, ту, которую искалъ я вездѣ съ предвѣщающимъ усердіемъ, которую опредѣлено мнѣ любить, и о! да не обманываетъ меня дерзская надежда! ту, которую благополучная моя судьба опредѣлила меня любовію своею уподобить въ радости богамъ. О! благодѣтельная волшебница, пекущаяся обо мнѣ, кто бы ты ни была, тебѣ единой обязанъ я благодарностію за сіе внезапное щастіе! Кому другому кромѣ тебя положить небесной сей образъ на пути моемъ въ сей пустой степи, которой можетъ быть до меня не касалась нога ни единаго изъ смертныхъ? О! соверши твое благодѣяніе, покажись мнѣ и возвести мнѣ поверженному къ стопамъ твоимъ,

имъ, гдѣ я ее могу найти, ее, образа тѣни которыя довольно уже для возженія въ груди моей неугасимой любви Ибо клянусь всѣми богами, благосклонными къ любви, хотя бы мнѣ надлежало искать ее въ ртутномъ озерѣ, посреди чудовищъ волшебницы Лїонны, въ кольцѣ Сатурновомъ, да и въ самой большой бутылкѣ живой воды (*) волшебницъ, то бы

(*) Принцесса Бабїола (о которой въ примѣч. въ главѣ 4 и 5 была уже рѣчь) странствуя долгое время по облакамъ, куда она похищена была злою Фанферлюшею, низвергнулась наконецъ въ отчаянїи съ вершины высокаго облака на землю въ надеждѣ прекратить купно жизнь и мученіе свое. Но судьба сдѣлала нѣчто другое. Она упала въ бутылку, въ которой волшебницы свой ратафїй обыкновенно выставливаютъ на солнце, въ такую бутылочку, которая больше и пространнѣе, нежели самая большая башня

бы до тѣхъ поръ не спустился никакой спокойной сонъ на мои глаза, пока бы не нашелъ я ее!

Такъ пѣщалъ онъ и клялся; нимфы пъ рощахъ пнимали.

И Фанферлюша!...

Э. Э! право! это ужъ и гекзаметры! какая прилипчивая лихорадка есть возторгъ! Оживотворенная рѣчь Донна Силвіо восхитила насъ такъ, что мы того и не примѣтили, и есть-

ли

шня въ цѣломъ свѣтѣ. Къ щастію бѣдной Принцессы скляница была пуста, въ противномъ же случаѣ утонула бы она въ оной какъ муха, говоритъ остроумная сочинительница сей неподражаемо нестаточной сказки. Бабіола должна была въ сей стеклянной темницѣ пробыть довольное время и питаться воздухомъ и росою какъ хамелеонъ, а днемъ и ночью остерегаема была шестью исполинами и шестью драконами, пока наконецъ Принцу, ея племяннику и любовнику пощастливилось освободить ее помощію большой очарованной рыбьей кости.

ли бы Аполлонъ въ то время не схватилъ насъ за уши, то бы наши бѣдные читатели завалены были гексаметрами, какъ цѣлымъ проваломъ облаковъ прежде, нежели бы мы примѣтили, что не очень порядочно въ нашей головѣ. И такъ мы намѣрены здѣсь на минуту отдохнуть и дать время крови нашей прохладиться, что бы продолжать повѣствованіе наше въ прозѣ.

Глава осьмая.

Разсужденія сочинителя и Дона Силвіо.

Иной думаетъ, что ловитъ рыбу, анъ ловитъ раковъ, говоритъ мудрый Санхо при нѣкоторомъ случаѣ своему глупому господину. Ничто чаще не случается, какъ что искавши чего нибудь находимъ нѣчто совсѣмъ иное. Саулъ искалъ ослицу отца своего и нашелъ корону; Донъ Силвіо искалъ бабочекъ и нашелъ прекрасную дѣву-

шку,

шку, или по крайней мѣрѣ ея портретъ.

Онъ влюбился, и влюбился такъ, какъ токмо можно, и единственно о томъ помышлялъ, какъ бы ему сыскать и подлинникъ маленькой своей картинки. Ибо хотя онъ теперь и зналъ лице своей любовницы, но не зналъ, кто она была такова, и гдѣ она обрѣталась.

Удобно можно угадать, что бы обыкновенной человѣкъ на мѣстѣ его подумалъ или сдѣлалъ; но рѣчь идетъ не о томъ; Донъ Силвіо не думалъ и не дѣлалъ ничего такого, что дѣлаютъ обыкновенные люди. Мысли, кои намъ другимъ сперва встрѣчаются, приходили ему въ голову всегда послѣ всѣхъ, а по большой части и совсѣмъ не приходили; а когда случалось съ нимъ особливое приключеніе, то онъ обыкновенно полагалъ оному такую причину, которая по теченію природы наименѣе быть могла.

Какъ удобно сія маленькая штучка миніатурной работы могла быть единою выдумкою живописца? Или не столь-

столько ли же возможно было, чтобы оная представляла такую особу, которая давно уже умерла, и такъ не могъ ли Донъ Силвіо одуматься и помыслить о Принцѣ Зеиф-ел-Мулюкѣ въ персіанскихъ сказкахъ, которой опоздавъ двумя тысячами лѣтъ, влюбился въ наложницу Царя Соломона? (*)

Сіи и симъ подобныя мысли не приходили тогда нашему герою въ голову. Чѣмъ болѣе размышлялъ онъ о приключеніи сего утра, тѣмъ болѣе увѣряли его всѣ обстоятельства, что оно есть начало столь чрезвычайнаго приключенія, какое когда либо могло случиться какому нибудь молодому Принцу или рыцарю.

Но что надлежало ему начать? Гдѣ должно было ему искать прекрасную пастушку? У кого ему спрашивать? Голубая бабочка, которая ему уповательно могла подать о ней извѣстіе, изчезла, а безъ ближайшаго по-

(*) См. тысячу и одинъ день, томъ 3.

показанія на угадъ въ семъ лѣсу итти далѣе, казалось ему тѣмъ опаснѣе, когда одна изъ его невидимыхъ непріятельницъ, коихъ злобы онъ столько чаялъ имѣть опытовъ, столько же удобно могла его привести на неправой путь, какъ доброе его щастіе на правой.

По долгомъ размышленіи, которое часто прерывалось разсматриваніемъ прекраснаго портрета, казалось ему напослѣдокъ безопаснѣйшимъ подождать, пока онъ отъ голубой бабочки получитъ точнѣйшее извѣстіе о своей возлюбленной. Ибо для него было нѣчто несомнѣнное, что она была волшебница; и какъ она за свободу, дарованную имъ ей, начала оказываться столь признательною, то онъ не сумнѣвался, что она будетъ продолжать оную и дастъ ему почувствовать дѣйствія своея милости.

Между тѣмъ Тинтинъ, его собачка, которая, выключая языка, собачкѣ Принцессы Чуднопрекрасы,

да

да и самому маленькому *Тютю* (*) ни сколько не уступала ни въ живости, ни въ разумѣ, искала его по всему лѣсу, и радость была съ обѣихъ сторонъ весьма велика, когда она наконецъ нашла своего господина.

Въ самомъ дѣлѣ началъ Донъ Силвіо примѣчать, что скоро наступитъ время обѣдать, и ему весьма было пріятно, что онъ получилъ путеводителя, которой могъ его вывести домой изъ сего лѣсу, въ коемъ онъ еще никогда столь далеко не заходилъ. Ибо сколько бы очарованы ни были въ новѣйшихъ временахъ любовники, однако, какъ уже одинъ славный писатель прежде насъ сіе примѣтилъ (**), мода, пробывать цѣлые годы безъ ѣствы и питія и жить только отъ одной любви, въ нынѣшніе дни столько вывелась, что и самой величайшей и горячнѣйшей любов-

(*) Маленькой *Тютю* довольно извѣстенъ изъ романа господина Бибіена.

(**) Фильдингъ въ Томасѣ Іонесѣ, томъ III.

бовникъ въ семъ случаѣ есть совершенной Епикуреецъ! Такую перемѣну мы съ своей стороны тѣмъ менѣе можемъ похулить, думая, что прекрасной полъ ничего при оной не потеряетъ.

И такъ Донъ Сильвіо пошелъ, или лучше поплелся съ сокровищемъ, которое онъ такъ нечаянно нашелъ, домой; ибо онъ идучи дорогою такъ часто на него смотрѣлъ, что каждую минуту спотыкался о палку, или набродилъ на дерево.

Дорóгою въ размышленіяхъ о своемъ приключеніи приходили ему въ голову тысячи чудныхъ мыслей. Ему вздумалось, что картина сія представляетъ можетъ быть самую волшебницу, которая ему въ видѣ голубой бабочки являлась. Можетъ быть она меня любитъ, (ибо не въ первые бы смертной имѣлъ сію честь,) и хотѣла сдѣлать опытъ, какое впечатлѣніе на мое сердце учинитъ подлинной ея видъ.

Воображеніе сіе понравилось ему столько, что онъ его продолжалъ

долгое время; но наконецЪ долженствовало оно уступить мѣсто другому, и симЪ образомЪ слѣдовало одно за другимЪ, пока онЪ прибылЪ домой. ОднимЪ словомЪ, голубая бабочка и прекрасная пастушка возвысили фантазїю его на столь чрезвычайную степень, что читатель не обманется, когда будетЪ ожидать вЪ коропткомЪ времени весьма чудныхЪ дѣйствїй оныя.

ВпрочемЪ могло бы казаться, что будто бы дурачество нашего молодаго рыцаря сЪ нѣкотораго времени такЪ сильно усугубилось, что подозрительному состоянїю его мозга, не возможно бы было укрыться отЪ его прозорливой тетки. ВЪ самомЪ дѣлѣ сїе произошло бы не иначе, естьлибЪ сїя госпожа имѣла время и досугЪ примѣчать за своимЪ племянникомЪ. Но сверьхЪ того, что она сЪ того времени, какЪ минуло ему семнатцать лѣтЪ, освободила его отЪ строжайшаго надзиранїя и поученїя, которыя не приличествовали болѣе его возрасту; то была она сЪ нѣсколько недѣль

упра-

упражнена нѣкоторымъ дѣломъ, для коего принуждена была очень часто отсутствовать и ѣздить въ сосѣдственной городокъ.

Чаятельно долженствовалъ сей случай быть для нее не малой важности! ибо возвращаясь назадъ, показывалась она противъ своего обыкновенія столь глубокомысленною и разсѣянною, столь мало заботилась о домашнихъ дѣлахъ, столь много говорила сама съ собою, и столь мало въ сообществѣ, и когда имѣла что нибудь сказать слугамъ, то столь часто говаривала одно вмѣсто другаго, что кромѣ ея племянника всякой не могъ довольно надивиться столь великой перемѣнѣ.

Легко можно подумать, что о причинѣ онаго чинимы были всякія догадки; но прозорливость Донны Менціи и молчаливость госпожи Беатриксы выдерживали такъ хорошо, что дѣло сіе оставалось тайною; и мы умолчимъ о томъ до того времени, когда наконецъ все откроется, и пока оно достигнетъ до того пункта зрѣлости, въ которомъ тайны сего

 ро-

рода обыкновенно сами собою вообще обнаруживаются.

Глава девятая.

Следствія приключенія съ бабочкою. Читатель познакомливается съ новою особою.

Верной Тинтинъ такъ хорошо разположилъ свое время, что онъ прибылъ съ своимъ господиномъ въ то самое время, какъ надлежало итти къ столу. Глубокое молчаніе царствовало за столомъ, и Донъ Силвіо, какъ удобно можно угадать, не прервалъ онаго. Онъ такъ углубился въ свои дѣлà, что ему не можно было примѣтить, сколько государыня его тетушка занималась своими обстоятельствами. Столько же мало примѣтилъ онъ, что она необыкновенно разрядилась, и что отъ времени до времени смотрясь въ противустоящее зерькало дѣлала разныя мины, которыя прислуживающему Педриллѣ столько

ко представлялись необыкновенными, что онъ обкусалъ себѣ всѣ губы, что бы не захохотать во все горло.

Послѣ кушанья объявила Донна Менціа своему племяннику, что дѣла принуждаютъ ее ѣхать въ городъ и тамъ переночевать.

Донъ Силвіо былъ съ лишкомъ учтивъ, нежели чтобъ показать нѣкоторое любопытство о сихъ дѣлахъ, и онъ могъ быть тѣмъ удобнѣе вежливымъ, когда въ самомъ дѣлѣ былъ нелюбопытенъ. И такъ они разстались другъ съ другомъ весьма довольны, и нашъ молодой рыцарь вскорѣ послѣ того изчезъ, такъ что никто не примѣтилъ, куда онъ пошелъ.

Какъ онъ обыкновенно отдыхалъ въ полдни въ своемъ зеленомъ замкѣ, то хватились уже его передъ ужиномъ; потомъ искали его въ домѣ, въ саду, на поляхъ, въ лѣсу, но вездѣ напрасно; кликали его по имени, но нигдѣ не было Дона Силвіо.

Вышепомянутой Педрилло, молодой дѣтина изъ деревни, которой

данъ ему былъ для услуженія, повариха, конюхъ и прекрасная Мариторна, о коей мы уже упомянули, составляли во время отсутствія Донны Менціи и госпожи Беатриксы, ея вѣрной горнишной служительницы, всѣхъ домашнихъ. Сіи четыре добрые человѣка не мало безпокоились о томъ, что они не знали, что сдѣлалось съ ихъ молодымъ господиномъ; ибо они любили его за пріятное и ласковое его свойство прямо искренно: имъ, пронскавшимъ его по пустому при лунномъ сіяніи даже до глубокой ночи, пришло на мысль, что онъ можетъ быть ушелъ къ своей теткѣ; ибо городокъ отстоялъ отъ за́мка едва на три часа ѣзды. И такъ они пошли домой и легли спать.

Однако Педрилло, бывавшій часто около своего господина, и зная склонность его къ волшебству, разсудя хорошенько, подумалъ, что онъ на обыкновенныхъ своихъ прогулкахъ въ лѣсу можетъ быть при какомъ нибудь приключеніи заблудился. Почему на слѣдующее утро вставъ онъ

ра-

рано, переходилъ весь лѣсъ не съ большею удачею, какъ и прежде въ вечеру; онъ хотѣлъ опять возвратиться домой, какъ въ нѣкоторой каменной горѣ, около которой вокругъ стояло нѣсколько рядовъ лавровыхъ деревьевъ, примѣтилъ обросшую козьимъ листомъ пещеру.

Педрилло, которому не смотря на его весьма простоватой видъ не недоставало въ остротѣ, и которой въ рыцарскихъ книгахъ и сказкахъ не менѣе своего господина начитался, разсмотрѣвъ, почелъ сіе мѣсто довольно волшебнымъ, и что онъ его тамъ можетъ быть найдетъ. Въ чемъ и не обманулся; ибо онъ пришедши ко входу пещеры, увидѣлъ его разтянувшагося на моховой и цвѣточной постелѣ, и лежащаго въ глубокомъ снѣ; маленькой Тинтинъ спалъ у ногъ его, возлѣ него лежала цитра, а на шеѣ висѣлъ клейнодъ съ портретомъ прекрасной пастушки.

Сіе послѣднее привлекло тотчасъ на себя все его вниманіе. Онъ былъ сіяніемъ жемчуга и каменьевъ, коими бли-

блисталЪ оной, не мало ослѢпленЪ; и хотя онЪ невеликой былЪ знатокЪ вЪ драгоцѢнныхЪ каменьяхЪ, однако ему казалось, что оные по крайней мѢрѢ могли стоить десяти такихЪ деревень, какова его. ОнЪ разсматривалЪ ихЪ долгое время, и не могЪ понять, откуда бы ДонЪ Силвіо могЪ получить столь драгоцѢнной уборЪ. Любопытство его сдѢлалось наконецЪ столько сильно, что онЪ едва могЪ удержаться, чтобЪ не разбудить своего господина. Хотя онЪ сего и не сдѢлалЪ, ибо Педрилло былЪ столь учтивой деревенской малой, какихЪ мало водится вЪ Андалузіи; однако онЪ взялЪ цитру и бренчалЪ на ней столь громко, сколько могЪ, а наконецЪ и припѢвалЪ, однако не достигнулЪ своего намѢренія.

Тьфу кЪ черту! вскричалЪ онЪ наконецЪ сЪ великой нетерпѢливости. Это ненатурально; развѢ это не заколдованной ли сонЪ? МожетЪ быть волшебство состоитЪ вЪ этомЪ клейнодѢ; естьли такЪ, то лучше я сниму его у него сЪ шеи, или совсѢмЪ его разшибу,

бу, когда надобно, нежели чтобЪ мой молодой баринЪ прохрапѣлЪ здѣсь тысячи двѣ лѣтЪ, какЪ сурокЪ.

Выговоривши сіе, полезЪ за портретомЪ, но нечаянно задѣлЪ локтемЪ Дона Силвіо, которой отЪ того проснулся, и поколику онЪ еще не успѣлЪ совсѣмЪ глаза продрать, то не такЪ скоро узналЪ Педриллу, а увидѣлЪ только видЪ человѣческой, хотящей украсть его возлюбленную пастушку.

ОнЪ воспалился на то чрезвычайною яростію. Проклятая волшебница, вскричалЪ онЪ, не довольно ли тебѣ, что ты сію невинную Принцессу лишила ея небесныя красы, и превратила вЪ бѣдную бабочку? Ты хочешь еще похитить у меня единую вещь, которая мнѣ чрезмѣрность моего злополучія можетЪ еще дѣлать сносною? Но знай, прежде должна ты исторгнуть сердце сіе, на которомЪ образЪ ея начертанЪ пламенными чертами.

Бога ради, сударь, вскричалЪ Педрилло, отпрыгнувши кЪ входу пещеры, что разумѣете вы подЪ сими чудными рѣчами? Я, благодаря

 Бога,

Бога, ни волшебникъ ни чернокнижникъ; я Педрилло, вашъ слуга, стараго христiанскаго поколѣнiя, и во всемъ нашемъ приходѣ (*) доброй христiанинъ, и мнѣ очень жаль, что я искавши васъ во всѣхъ четырехъ краяхъ свѣта, нашелъ въ сей проклятой пещерѣ и въ такомъ состоянiи. Что вы говорите о волшебни-

(*) Новыми христiанами называютъ въ Ишпанiи потомковъ Ишпанскихъ Мавровъ и Жидовъ, принявшихъ прежде и послѣ временъ Фердинанда Католицкаго христiанской законъ; старыми же христiанами именуются тѣ, которые ведутъ свой родъ, или сказываютъ о себѣ такъ, отъ Готовъ, обитавшихъ въ Ишпанiи до нападенiя Мавровъ(въ 714 гуду). Родиться отъ древнихъ христiанъ, было (по меньшей мѣрѣ около тѣхъ временъ, когда филиппъ третiй выгналъ всѣхъ Маврскихъ подданныхъ изъ Ишпанiи) преимущество, коимъ Ишпанецъ гордился, какъ высочайшею степенью чести.

никахЪ и чрезмѣрности бабочекЪ, превращенныхЪ вЪ ПринцессЪ? БогЪ вамЪ заплатитЪ, я думалЪ, что вы не сЪ проста здѣсь уснули.

Ты ли Педрилло, сказалЪ ДонЪ Силвіо, протерши между тѣмЪ себѣ глаза? Когда ты Педрилло, какЪ видЪ твой свидѣтельствуетЪ, то я уже доволенЪ, и выговоры, мною тебѣ сдѣланные, до тебя не касаются, я тебя счелЪ за другаго. Но что хотѣлЪ ты начать сЪ симЪ портретомЪ?

СЪ какимЪ портретомЪ, спросилЪ Педрилло?

БездѣльникЪ, отвѣчалЪ ДонЪ Силвіо, сЪ портретомЪ, которой ты намѣренЪ былЪ у меня украсть, какЪ я былЪ разбуженЪ невидимою рукою для предупрежденія столь великаго злощастія.

По чести моей, господинЪ ДонЪ Силвіо, отвѣчалЪ Педрилло, я думаю, вы говорите во снѣ, естьли что либо дѣлаете еще не хуже. Мы вчерась васЪ искали цѣлой вечерЪ до самаго того времени, вЪ которое обыкновенно, будь крестная сила сЪ нами! ходятЪ домо-

вые;

вые; но все напрасно. Сего утра околесилъ я весь лѣсъ и перешарилъ всѣ кусты и сучечки, наконецъ нашелъ васъ спящаго въ сей пещерѣ. Увидя сей клейнодъ и васъ погруженнаго въ глубокой сонъ, вообразилъ я себѣ, что это можетъ быть не талисманъ ли, чрезъ которой бы надлежало вамъ въ сей пещерѣ очарованному лежать въ вѣчномъ снѣ, пока бы кто не пришелъ и не разбилъ талисмана, какъ я такихъ примѣровъ много читывалъ въ большихъ толстыхъ книгахъ, стоящихъ въ книгохранительницѣ барыни вашей тетушки; но какъ я васъ люблю, сударь, и мнѣ было васъ жаль, что вы на подобіе Демоніона, котораго богиня Дина нѣкогда очаровала, (*) что

(*) Педрилло при всемъ своемъ начитаніи подверженъ той ошибкѣ, что въ своихъ разсказахъ или пришучиваніяхъ весьма перемѣшивалъ приключенія, имена, мѣста̀, и времена. Здѣсь, какъ удобно можно видѣть, идетъ рѣчь, о Діанѣ и Ендиміонѣ.

что бы онъ проспалъ лѣтъ со сто для того, дабы ей можно было нацѣловаться его до сыта. — Старая влюбчивая вѣдьма! — Да вить вы, сударь, знаете эту исторію? Она стоитъ въ старой книгѣ, которую я изъ наслѣдства по смерти моей бабушки долженъ былъ принять за тринатцать мараведисовъ (*), хотя на ней не было уже болѣе ни переплета ни надписнаго листа; въ ней было премножество рисованныхъ фигуръ, коими я, будучи еще ребенкомъ, забавлялся, а бабушка моя читала мнѣ повѣсти, находящіяся при оныхъ, мнѣ кажется такъ, какъ будто я теперь на нее гляжу, она была для меня, дай ей Богъ царство небесное, предобрая старушка! Да что бишь я хотѣлъ говорить? Да, посмотрите-ка, какъ мнѣ васъ было больно жаль, хотѣлъ я сказать, что вы такъ долго проспите, такъ я приготовился талисманъ

(*) Мараведисъ мѣдная монета, составляющая тритцать четвертую часть реала.

сманъ разбить; вотъ все тутъ, вотъ видите, я думаю, что вамъ не начто сердиться.

Донъ Силвіо, сколько ему ни хотѣлось сердиться, не могъ удержаться отъ смѣха, услышавъ такія Педриллины рѣчи. Слушай, Педрилло, сказалъ онъ ему, довольно уже для меня и того, что ты не имѣлъ злаго намѣренія; но я тебя увѣряю, что ты хотѣлъ было сыграть со мною дурную шутку. Это подлинно, что я очарованъ тѣмъ, что ты почелъ за талисманъ; но я лучше бы согласился потерять жизнь, нежели допустить, что бы сіе очарованіе было разрушено. Я испыталъ сію ночь вещи великой важности; но не спрашивай меня, что это такое, ты все узнаешъ, какъ придетъ время; ибо я имѣю нужду въ твоихъ услугахъ: больше я тебѣ не могу теперь сказать.

Педрилло не понялъ ни единаго слова изъ сихъ рѣчей; но отъ того сдѣлался онъ тѣмъ любопытнѣе. Да я и не хочу ничего спрашивать, сударь, сказалъ онъ на возвратномъ пу-

пути домой, вы мнѣ это запретили, а я знаю довольно послушаніе, которымъ я вамъ долженъ; ибо во первыхъ вы мой помѣщикъ, потому что я изъ вашей деревни, а во вторыхъ вы мой господинъ; потому что я живу на вашемъ хлѣбѣ и соли; ибо хотя и барыня правитъ домомъ, однако я знаю, что все идетъ изъ вашего кошелька. О я вамъ въ томъ ручаюсь, хотя я съ виду и похожъ на дурака, однако примѣчаю, гдѣ залегъ заецъ. И такъ я не хочу любопытствовать и спрашивать, что то за вещи, о коихъ я не смѣю спрашивать, потому что вы объ нихъ не можете мнѣ сказать, хотя и хотѣли, какъ время придетъ, что бы я ихъ зналъ? Не такъ ли вы говорили, сударь? Но это что то рѣдкое, я думаю, я и самъ очарованъ, потому что прежде я все понималъ, что вы мнѣ ни говорили; а какъ дотронулся до сего талисмана, то мнѣ кажется, будто вы говорите по Индѣйски. Что бы мнѣ съ мѣста не сойти, естьли я изъ всего, что мы тамъ между собою

бою ни говорили, разумѣю хотя слово. Я часто слыхалъ, что естьли много станешь знать, такъ скоро состарѣешся; но естьли бы кто зналъ, гдѣ вы были нынѣшнюю ночь, когда мы васъ по всему свѣту искали, то тотъ бы можетъ быть угадалъ, .. больше я не говорю, а то бы вы подумали, что я любопытенъ и хочу васъ спрашивать, а этого порока любопытства за мною не водится. Что меня не жжетъ, на то я и не дую. На примѣръ, естьли бы я былъ любопытенъ, то бы я могъ скоро узнать, для чего барыня съ недѣлю такъ часто ѣздитъ въ городъ: ибо между нами сказано, сударь, ибо я имѣю какую нибудь довѣренность въ госпожѣ Беатриксѣ, хотя бы вы того и не думали; ее это держитъ за уши, я вамъ въ томъ порука, хотя она и носитъ за поясомъ такія долгія чотки какъ пустынница, и ходитъ такъ тихо, какъ бы по яицамъ. Гдѣ вода течетъ тихо, тамъ глубоко, и не всякъ монахъ, на комъ клобукъ. Короче сказать, сударь, я шелъ вчерась мимо ея комнаты, и

она

она увидя, что это я, потому что дверь была до половины отворена, меня кликнула, и просила, что бы я ей повязалъ галстукъ; и тогда, я не знаю, какъ это случилось, что вмѣсто того, что бы мнѣ завязать назади, а я завязывалъ напереди, и не могъ завязать. Она шутила надъ моимъ неумѣніемъ; прости Господи, я думаю, я бы еще не отсталъ, естьли бы барыня не позвонила въ колокольчикъ. Въ первой разъ мы не слыхали ничего; но она опять позвонила, да и такъ громко, что госпожа Беатрикса сказала: я пойду, Педрилло, а то вить она будетъ бранить; естьли бы я знала, что ты будешь столько неумѣющь, то бы я тебя не позвала; какъ ты долго завязываешь, а теперь я должна сама завязать. И такъ она побѣжала, сударь, и что-бишь я хотѣлъ говорить? Да, тогда-то бишь могъ я спросить, для чего барыня такъ часто ѣздитъ въ городъ, и къ кому, и о томъ, и о семъ; но какъ я сказалъ, за галстухомъ-то все и забылъ. И такъ вы видите,

что я нелюбопытенъ; ибо госпожа Беатрикса была весьма весела, и я думаю, что она бы мнѣ все сказала.

Въ семъ тонѣ продолжалъ Педрилло чрезъ всю дорогу; Донъ же Силвіо не слушалъ, что онъ болталъ, углубясь совсѣмъ въ мысли. Но какъ скоро пришли они домой, то желудокъ напомнилъ ему, что онъ съ самыхъ полдней прошедшаго дня постился; ибо, какъ мы примѣтили, то очарованіе никогда не простиралось у него до желудка. И такъ онъ приказалъ изготовить себѣ яишницу и зажарить пару цыплятъ для завтрека, и ѣлъ съ толь великимъ аппетитомъ, что Педрилло опять ободрился и началъ имѣть лучшее мнѣніе о разумѣ своего господина, нежели какое имѣлъ поутру, когда онъ съ нимъ разговаривалъ о превращеніяхъ, Принцессахъ и очарованныхъ бабочкахъ.

Глава десятая.

Въ которой выступаютъ волшебницы, Саламандры, Принцессы и зеленые карлы.

Какъ скоро большой жаръ миновался, то удалился Донъ Силвіо съ своимъ вѣрнымъ Педрилломъ въ садъ, сѣлъ въ самомъ тенистомъ мѣстѣ онаго подъ жасминовую бесѣдку; и заказавъ ему важно не перебивать своихъ рѣчей, что было его привычкою, разсказалъ ему обстоятельно все произходившее съ нимъ отъ приключенія съ травяною лягушкою до самой той минуты, когда онъ нашелъ его спящаго въ гротѣ.

Мы пропускаемъ то, что нашимъ читателямъ уже извѣстно, и начинаемъ его повѣствованіе тамъ, гдѣ наше остановилось, а именно: при удаленіи его, причинившемъ домашнимъ толь великое безпокойство.

Какъ скоро тетка моя уѣхала, продолжалъ Донъ Силвіо, то пошелъ я опять въ лѣсъ искать того мѣста,

гдѣ голубая бабочка изчезла, и мнѣ вмѣсто себя оставила сей портретъ, отъ коего теперь зависитъ щастіе и нещастіе моей жизни. Я взялъ маленькаго Тинтина съ собою, поелику надѣялся, что онъ дорогу, по которой мы вмѣстѣ шли, чрезъ свое чутье удобнѣе сыщетъ, нежели какъ я ее могъ упомнить. Я не обманулся, я узналъ то мѣсто, и обыскавъ его со всякимъ стараніемъ въ надеждѣ можетъ быть найти нѣчто такое, что бы мнѣ могло подать нѣкоторое свѣденіе, кому принадлежитъ сей образъ, началъ я вездѣ бѣгать, не сыщу ли опять голубой бабочки, которую я послѣ приключившагося со мною не могъ почитать за обыкновенную бабочку. Естьли она, думалъ я, волшебница, чему вѣрить имѣю причину, то можетъ быть подвигнетъ ее безпокойство, въ которомъ она меня видитъ, ко мнѣ опять появиться и подать мнѣ извѣстія, безъ которыхъ я не могу долѣе жить.

И такъ я перешелъ весь лѣсъ, находилъ много бабочекъ, но голубой ни гдѣ не видалъ. Ночь уже приближалась и Тинтинъ такъ усталъ, что не въ состояніи былъ больше за мною бѣгать. Да и я также, подобно ему, выбился изъ силы, и примѣтя ту пещеру, въ которой ты меня нашелъ, вознамѣрился препроводить въ ней ночь. Я сдѣлалъ себѣ постелю, а Тинтинъ заснулъ возлѣ меня, между тѣмъ какъ я предался размышленіямъ о моихъ обстоятельствахъ. Луна свѣтила столь пріятно, что казалось, будто она приглашала меня къ прогулкѣ между деревьями, стоявшими предъ пещерою.

Я не долго прохаживаясь, увидѣлъ внезапное сіяніе, позлатившее окрестъ деревья и кусты на весьма дальное разстояніе. Я изумился, и усмотрѣлъ въ воздухѣ огненной шаръ, которой, казалось, носился гораздо выше луны, и низспускался весьма медлительно на то мѣсто, гдѣ я стоялъ. Ты не можешь себѣ представить, Педрилло, коль велика была

радость, чувствуемая мною при семъ узрѣніи.

Радость? прервалъ его Педрилло; ну, право, сударь, вы не такъ сотворены, какъ прочіе люди; я бы такого чуда до смерти испугался, а вы могли радоваться? — Не сказывалъ ли я тебѣ, что я не могу терпѣть междорѣчій? отвѣчалъ Донъ Сильвіо; естьли я радовался, то я имѣлъ важную причину; ибо я довольно зналъ, что это означало прибытіе волшебницы, и сердце мое предсказывало мнѣ, что это та самая, которую я искалъ. Ожиданіе мое не обмануло меня. Огненной шаръ, которой въ приближеніи все больше становился, лопнулъ близко надо мною съ великимъ трескомъ, и вмѣсто его увидѣлъ я чудной красоты женщину на карбункульной колесницѣ, везомой двумя крылатыми змѣями огненнаго цвѣта. Около ихъ на маленькомъ серебреномъ облакѣ летало премножество Саламандровъ (*) въ видѣ не-

(*) Саламандры занимаютъ первое мѣсто между четырьмя классами воз-

небольшихъ крылатыхъ мальчиковъ сверьхъестественной красоты; волосы ихъ казались кудрявыми солнечными лучами, крылья ихъ огненными пламями, тѣло ихъ бѣлѣе снѣга при солнечномъ сіяніи, и цвѣтъ утренней зори блисталъ около ихъ лбовъ и на щекахъ ихъ. Не смотря на сіе, были они всѣ помрачены сіяніемъ волшебницы, которое столь было ослѣпительно, что я едва не лишился зрѣнія, естьли бы она не употребила осторожности и не дотронулась до меня своимъ жезломъ.

душныхъ духовъ, (коихъ дѣйствительное бытіе по преданію мудраго *Парацельса* есть нѣчто несомнѣнное, что и подтверждено недавно опытами славнаго духовидца *Шведенборга.*) Они обитаютъ въ сферѣ огня, и суть какъ прекраснѣйшіе, такъ и разумнѣйшіе между воздушными Геніями, говоритъ остроумной Графъ де Габалисъ. Voy. les Entretiens ſur les Sciences ſecrettes par l'Abbe de Villars de l'edit. de 1742. Tom. I. pag. 28 и д.

Донъ Силвіо, сказала она мнѣ, я волшебница Радіанта, которой ты не давно въ видѣ маленькія лягушки спасъ жизнь, отъ которой, сколь презрительно ни казалось, зависело то, въ чемъ ты меня теперь видишь. Ты знаешь, что мы всякіе сто лѣтъ ровно на восемь дней должны принимать видъ какой нибудь птицы или звѣря, что мы въ сіе время теряемъ употребленіе всей нашей силы, и подвержены бываемъ всѣмъ приключеніямъ скотской жизни. Восемь дней, въ кои принуждена я была быть травяною лягушкою, протекли за нѣсколько часовъ, какъ удовольствіе, увидѣть скоро себя въ собственномъ своемъ видѣ, сдѣлало меня довольно неосторожною оставить мой ровъ и подвергнуть себя опасности, которая бы безъ твоей великодушной помощи была пагубною. Страхъ, выдержанный мною въ носу аиста, воспрепятствовалъ мнѣ отблагодарить тебѣ въ то же время за мое избавленіе; а чрезъ нѣсколько часовъ меня, достигнувшую собственнаго моего виду, принудили Саламандры, у коихъ я Королевою, посвя-

святить первыя мои минуты ихъ дѣламъ. Но какъ скоро возымѣла я время помыслить о своихъ, то вспомнила, сколько тебѣ одолжена, и помышляла, какъ бы оказать тебѣ мою благодарность. Книги мои, съ коими я посовѣтовалась, научили меня, что ты опредѣленъ судьбою любить нѣкоторую Принцессу, но что щастію твоему предстояли затрудненія, которыя бы ты безъ сильной помощи съ трудомъ въ состояніи былъ побѣдить. И такъ я пришла предложить тебѣ мое споспѣшествованіе. Любовница твоя гонима волшебницею Фанферлюшею, потому что она не могла себя принудить вытти замужъ за нѣкотораго карла, племянника сей волшебницы, которой для своего зеленаго цвѣта, или также потому, что онъ обыкновенно ѣздитъ на шершнѣ, называется рыцаремъ шершня. Какъ Принцесса осталась всегда непреклонною, то и была не задолго предъ симъ жестокою сею волшебницею превращена въ голубую бабочку съ пурпуровыми краишками, съ такимъ

условіемЪ, что сіе очарованіе не прежде кончится, пока она вЪ семЪ состояніи не сыщешЪ малаго любовника, которой бы ей голову и крылья оборвалЪ. Нещестный ДонЪ Силвіо! голубая бабочка, которую ты сего утра поймалЪ, была твоя Принцесса, она тебя видѣла вЪ лѣсу, и полюбила сЪ перваго взгляду; она летала передЪ тобою для того, что хотѣла видѣть, пойдешЪ ли ты за нею; и допустила себя добровольно поймать, какЪ скоро была увѣрена, что ты кЪ ней и вЪ самомЪ видѣ бабочки былЪ не безпристрастенЪ. Она увидя себя вЪ твоихЪ рукахЪ, старалась тебѣ сказать, сколь пріятенЪ ей плѣнЪ; но жестокая Фанферлюша отняла у нее и языкЪ, и она не могла ничего произнести, кромѣ вздоха, которой ты нещастнымЪ образомЪ почелЪ за знакЪ, что она жалуется на потерю своея вольности. Жалостливое твое сердце побудило тебя даровать ей вольность. Она полетела печально, но уповательно возвратилась бы очень скоро назадЪ, естьли бы вЪ тужЪ самую

ми-

минуту не примѣтила зеленаго карлу, прискакавшаго на своемъ шершнѣ и оскаливщаго на нее столь гнусно зубы, что она съ ужаса желала имѣть тысячь десять крыльевъ, что бы можно было тѣмъ скорѣе улететь. По щастію ея намѣрена я была тебя искать, и увидя опасность, въ которой находилась бѣдная Принцесса, поспѣшила къ ней на помощь приказавъ одному изъ моихъ Саламандровъ образъ ея положить тебѣ на дорогу. Я преслѣдовала зеленаго карлу, которой, будучи слабъ вступить со мною въ бой, принималъ всевозможные виды, дабы отъ меня убѣжать. Наконецъ превратился онъ въ маленькое облако, но я оное тотчасъ примѣтила, и сжала его столь крѣпко моими руками, что онъ растекся каплями. Люди, работавшіе въ низу на полѣ, увидя, что дождило кровію, почли сіе за худое прознаменованіе. Зеленому карлѣ столь худо было въ сихъ тискахъ, что онъ принялъ паки естественной свой видъ: но хранилъ оной не долго; я превратила его въ костяную зубочистку съ такимъ

кимъ договоромъ, что не прежде паки получитъ онъ прежней свой видъ, пока не послужитъ къ чищенію задняго кореннаго зуба осьмидесятилѣтней непорочной дѣвицы.

Ха! ха! перервалъ его Педрилло, я покорной слуга волшебницѣ Радугантѣ, но она не думаетъ о томъ, что дѣлаетъ, и такимъ образомъ бѣдной зеленой карла пробудетъ вѣкъ зубочисткою; послушайте, сударь, Донъ Силвіо, будь я не Педрилло, естьли вы мнѣ найдете въ старомъ и новомъ свѣтѣ осьмидесятилѣтнюю дѣвицу, которая бы чистила зубы, или осьмидесятилѣтнюю дѣвицу съ зубами, а притомъ бы она была еще и непорочна.

Оставь сіе на попеченіе зеленаго карла, отвѣчалъ Донъ Силвіо, по крайней мѣрѣ довольно ему должно будетъ ее искать, такъ что мнѣ нечего будетъ его опасаться. Но не сказывалъ ли я уже тебѣ раза два, что я не хочу быть въ моихъ рѣчахъ прерываемъ? Естьли мы должны остаться добрыми друзьями, господинъ Педрилло, то не допускай меня въ третей разъ себѣ о семъ докладывать.

Из-

Изрядно, сударь, отвѣчалъ Педрилло, продолжайте только, и не гнѣвайтесь; я такъ буду тихъ какъ мышъ, вы знаете, что вить я впрочемъ не люблю болтать; но какъ вы о зубочисткѣ и осьмидесятилѣтней дѣвицѣ — —

Тьфу, вскричалъ Донъ Силвіо, ты проклятой пустомѣля, опять начинаешъ сызнова — —

Нѣтъ, сударь, сказалъ Педрилло, я хотѣлъ только сказать, что я васъ больше перебивать не стану, и что я теперь бы этова не сдѣлалъ, естьли бы не зубочистка —

Я бы желалъ, вскричалъ Донъ Силвіо, что бы ты самъ былъ зубочистка: ну слушай же да молчи, или это послѣднее слово, какое ты отъ меня услышалъ.

Угроза сія устрашила Педриллу, любившаго чрезмѣрно своего молодаго господина: онъ положилъ руку на ротъ, въ знакъ, что больше не скажетъ ни слова, и Донъ Силвіо продолжалъ слѣдующимъ образомъ:

Волшебница не много помолчала, окончавъ свою повѣсть, и я воспользовался сею минутою, повергнулся къ ногамъ ея, и засвидѣтельствовалъ благодарность мою въ чувствительнѣйшихъ выраженіяхъ.

Высокомочная волшебница, примолвилъ я, вы столько для меня сдѣлавъ, можете ли отказаться совершить вашъ трудъ! естьли вы могли зеленому карлѣ дать видъ зубочистки, то будетъ ли вамъ многаго стоить возвратить моей возлюбленной Принцессѣ собственной ея видъ?

Не въ моей власти состоитъ, отвѣчала волшебница, разрѣшить очарованіе, сдѣланное одною изъ моихъ сестръ. Сіе чудо предоставлено для тебя. Не теряй времени Донъ Силвіо. Возьми своего вѣрнаго Педриллу и маленькаго Тинтина съ собою, и ищи голубую бабочку до тѣхъ поръ, пока ты ее сыщешь. Я весьма опасаюсь, что бы злобная Фанферлюша не постаралась отмстить за своего племянника ему и тебѣ; но не отстрашайся никакими затрудненіями, и будь увѣренъ,

ренъ, что ты никогда моей помощи, гдѣ только она потребна будетъ, не попросишь напрасно.

Съ сими словами изчезла волшебница, колесница и Саламандры. Я столько ослабѣлъ, что впалъ въ глубокой сонъ, и спалъ бы можетъ быть еще, естьли бы ты меня не разбудилъ.

Теперь слышалъ ты, Педрилло, что мнѣ приказала волшебница; не должно терять времени. Намъ надлежитъ отправиться въ путь, искать возлюбленной моей Принцессы, и я надѣюсь, что ты не откажешся меня провожать.

Глава одиннатцатая.

Разговоръ между Педрилломъ и его господиномъ. Приуготовленія къ предпринимаемому странствованію.

Педрилло слушалъ господина своего съ великимъ удовольствіемъ, когда онъ разсказывалъ исторію о волшеб-

шебницѣ, Принцессѣ и о зеленомъ карлѣ, ибо онъ былъ чрезвычайной охотникъ до сказокъ и чудныхъ повѣстей. Но услышавъ, что Донъ Силвіо принялъ сіе не за шутку, и что дѣло идетъ о странствованіи по свѣту для исканія голубой бабочки, то сіе ему не очень показалось. Онъ чесалъ затылокъ, пожималъ плѣчами, и сказалъ наконецъ нѣсколько помѣшкавъ:

По чести моей, господинъ Донъ Силвіо, я не знаю, что вамъ отвѣчать, но мнѣ кажется, что все это столько же легко могло вамъ пригрѣзиться, какъ что либо другое; а естьли бы я не зналъ, что вы имѣете пренаичестнѣйшую на свѣтѣ душу, то иной бы, Богъ меня прости, почти подумалъ —— ——

Какъ? перервалъ рѣчь его Донъ Силвіо, не сумнѣваешся ли ты о истиннѣ моей повѣсти?

Нѣтъ, право, отвѣчалъ Педрилло, объ этомъ я ни мало не сумнѣваюсь; но огненной шаръ и лягушка, волшебница и зеленой карло, влюбившейся въ

Прин-

Принцессу, и зубочистка —— Естьли вамъ сударь признаться истинно, не погнѣвайтесь, посмотрите, то я думаю, что это все вамъ такъ представилось только во снѣ. Часто грезятся весьма чудныя вещи; на примѣръ, мнѣ не давно видѣлось —

Вотъ тебѣ на! вскричалъ Донъ Сильвіо, вышедши изъ терпѣнія, мнѣ теперь нѣчего вить иного дѣлать, какъ слушать твои сны. Скажи мнѣ, безразсудная ты скотина, естьли это былъ сонъ, что я видѣлъ волшебницу Радіанту, и что она мнѣ сказала, что я долженъ дѣлать, дабы сыскать несравненную мою Принцессу; такъ по этому и это сонъ, что я ношу ея образъ на моей шеѣ?

При сихъ словахъ Донъ Сильвіо взялъ клейнодъ, пожалъ пружинку и показалъ Педриллѣ маленькой портретъ, которой находился подъ большимъ тиркисомъ.

Педрилло розинулъ ротъ, увидя образъ дѣвицы, которая по его мнѣнію въ тысячу разъ была прекраснѣе самой госпожи Беатриксы.

Клянусь святымъ Велтеномъ, вскричалъ онъ, теперь я не скажу болѣе слова. Такъ это та Принцесса, которую вамъ волшебница Радиканта обѣщала, и которая превращена въ голубую бабочку? Теперь конечно я долженъ вѣрить, что все правда, что вы мнѣ разсказывали; истинно, когда я ее собственными своими глазами вижу, то какъ мнѣ не вѣрить. Это удивительно! Но отъ кого бы впрочемъ могли вы сіе получить, какъ не отъ волшебницы? ибо я голову свою прозакладую, что самой малѣйшей изъ сихъ камней стоитъ съ лишкомъ десяти крестьянскихъ домовъ. Но я часто читывалъ, что такія вещи считаются у волшебницъ за бездѣлицы: у нихъ бралліанты такъ общій, какъ простые камни, и я увѣренъ, что госпожа Радиканта больше имѣетъ дорогихъ камней на ур. . . . . . ., нежели Королева, помилуй ее Господи, на своемъ ожерельѣ. Право, такихъ вещей во снѣ не сыщешь: я начинаю понимать, что вы довольно бодрствовали, а естьли вы бодрствовали, то

то вы не могли во снѣ видѣть, какъ я сказалъ, и такъ это должно быть справедливо, что Принцесса бабочка. Позвольте мнѣ еще посмотрѣть одинъ разъ — По чести моей, какъ она прекрасна! Какъ она ласково посматриваетъ! Естьли бы кто не зналъ, что она нарисована то бы подумалъ, что она скоро ротъ растворитъ и заговоритъ. Чортъ возьми проклятыхъ вѣдьмъ, которыя могли быть столько немилосерды, и превратили столь прекрасное маленькое личико въ несѣкомое! Право, господинъ ѣздокъ на шершняхъ, такихъ прекрасныхъ Принцессъ дѣлаютъ для равныхъ только тебѣ! Проваль тебя возьми! Страмникъ! Не думаешь ли ты, что когда она такъ мала, что все ея личико можно закрыть комарьимъ крыломъ, такъ уже и сотворена для такого кривоногаго, горбатаго, зеленаго жука, какъ ты?

Набитой дурачина, перебилъ рѣчь его Силвіо, я думаю, ты совсѣмъ себѣ воображаешь, что Принцесса не больше сего, какъ ты видишь ее на

портретѣ? Она здѣсь только такѣ мала написана, какъ дозволяло пространство, но это не мѣшаетъ, и она по меньшей мѣрѣ не меньше Діаны, или прекрасной Аліи (*), которая вѣроятно не изъ малорослыхъ, когда великанъ Мулино хотѣлъ ее силою взять за себя; да положимъ, хотя бы она и меньше была тѣхъ, о коихъ я тебѣ говорю, то тѣмъ она подобнѣе Граціямъ, кои стихотворцами и живописцами представляются гораздо меньше другихъ богинь, дабы тѣмъ выразить пріятность и нѣжность, за кои заслуживаютъ онѣ честь быть подругами и служительницами богини любви.

Это справедливо, отвѣчалъ Педрилло, по пословицамъ, хоть малъ золотникъ, да дорогъ; на ростъ вить не собакъ вѣшать; и хотя бы Принцесса была не больше Парижской куклы: однако я ударюсь объ закладъ, что она лучшая изъ всѣхъ маленькихъ вещицъ, какія только можно видѣть въ лѣтней день. Другъ

(*) Смотр. въ Баранѣ Графа Антона Гамильтона.

Другъ мой, Педрилло, перервалъ рѣчь его Донъ Силвіо, мы теряемъ здѣсь время въ безполезномъ болтаніи, а моя возлюбленная можетъ быть находится между тѣмъ въ опасности —

По чести моей, сударь, перервалъ его торопливой Педрилло, я лишь только это же хотѣлъ говорить; для столь прекрасной Принцессы не могло бы ничего быть досаднѣе, какъ что она ни на одну минуту не безопасна, естьли какая проклятая галка или ворона примѣтитъ и похититъ ее въ пищу своимъ дѣтямъ и съѣстъ ее! Чортъ ихъ возьми, такъ хорошо, какъ будто бы она была простое несѣкомое, а не великая Принцесса, какъ я и самъ съ того времени, какъ увидѣлъ ее портретъ, думаю, что она столь знатна.

Что ты говоришь, отвѣчалъ Силвіо, то меня ни мало не безпокоитъ, я въ этомъ полагаюсь совершенно на покровительство волшебницы Радіанты. Но хотя сія помощь сохранитъ ее отъ хищности всѣхъ галокъ и воронъ на свѣтѣ, однако не достанетъ оной

избавить ее отЪ ухищренiй злобной фанферлюши; ибо ты слышалЪ, что разрушенiе очарованiя голубой бабочки предоставлено мнѢ одному. КакЪ ты думаешь, Педрилло, не лучше ли намЪ теперь пуститься вЪ путь, не ожидая прибытiя домой моей тетушки? Мы всѢ здѢсь собрались вмѢстѢ, я, ты и ТинтинЪ, пойдемЪ не мѢшкая, пойдемЪ любезной мой Педрилло искать Принцессу, гдѢ бы она ни была; о прочемЪ будетЪ имѢть попеченiе волшебница Радiанта.

Вы весьма торопливы, милостивой государь, отвѢчалЪ Педрилло, но мнѢ кажется, что вы о томЪ не думаете, что на дорогу всякiя вещи потребны, которыми вЪ случаѢ нужды запастись должно. . .

А мнѢ кажется, перервалЪ его ДонЪ Силвiо, ты не знаешь, что ты говоришь. ГдѢ ты когда нибудь слыхалЪ или читалЪ, что бы ПринцЪ или рыцарь, странствующей по свѢту подЪ покровительствомЪ волшебницЪ, употреблялЪ такую предосторожность? Они имѢютЪ всегда хорошiя платья,

тон-

тонкія рубашки и деньги, сколько имъ надобно; они переначовываютъ обыкновенно въ очарованныхъ палатахъ, гдѣ угощаются наилучшимъ образомъ, а естьли когда и случится заблудиться имъ въ лѣсахъ и пустыняхъ, то однако передъ ними прежде, нежели они осмотрятся, стоитъ столъ, которой накрывается невидимыми руками, и уставливается самыми вкуснѣйшими кушаньями, а засыпаютъ они въ пріятныхъ гротахъ или бесѣдкахъ, насажденныхъ нимфами, на постелѣ изъ цвѣтовъ.

Это все очень хорошо, сказалъ Педрилло, но выговорить правду, милостивой государь, я бы на это не очень положился. Есть между волшебницами пріятели и непріятели, и я читывалъ бывало о Принцахъ и Принцессахъ, коимъ въ подобныхъ путешествіяхъ съ добрыми зубами иногда нѣчего бывало перекусить. Осторожность никогда не вредитъ, говаривала моя бабушка; воробей въ рукѣ лучше журавля въ небѣ; однимъ словомъ,

 есть-

естьли вы изволите послушаться, сударь, такъ я пойду, и нѣсколько бѣлья, студенаго кушанья, и нѣсколько бутылокъ вина накладу въ суму; а вы постарайтесь набить кошелекъ червонными, а приготовя это отправиться можемъ, коли это не минуемо, въ путь, и дай Господи не найти намъ ни голубаго, ни зеленаго карла, которой хочетъ у насъ отнять нашу Принцессу.

Донъ Силвіо, которой выключая его калабродства, былъ наилучшій человѣкъ въ свѣтѣ, послушался Педрилла, и возвратился съ нимъ въ замокъ, спрятавши, что бы не возбудить любопытства своихъ домашнихъ, клейнодъ съ портретомъ мнимой Принцессы въ карманъ. Не смотря на свою довѣренность къ волшебницамъ, не преминулъ однако онъ между тѣмъ, какъ Педрилло ворочался въ погребѣ и поварнѣ, прибрать къ себѣ нѣсколько перстней, доставшихся ему послѣ отца въ наслѣдство, и всю свою наличную казну, которая вся, признаться по правдѣ, не стоила больше десятиц

ти или двенатцати пистолей; но въ его глазахъ казалась такою суммою, съ которою онъ надѣялся подъ покровительствомъ Радіанты дойти до самыхъ противоножныхъ жителей. Онъ надѣлъ самую тонкую свою рубашку съ манжетами, камзолъ изъ зеленаго атласа, обложенной узинькою золотою бахрамою и подложенной розовою тафтою, розовыя штаны и чулки, и такогожъ цвѣта палимажъ на шляпѣ. Въ семъ нарядѣ, въ коемъ его можно было принять въ число всѣхъ стихотворческихъ Нарциссовъ и Гіацинтовъ, дожидался онъ съ нетерпѣливостію своего соспутника, въ твердомъ намѣреніи отправиться тайно еще до возвратнаго прибытія своей тетки.

Глава двенатцатая.

Авкторскія мысли.

Когда бы мы могли написать сію повѣсть вѣковъ за шесть прежде, то сія глава была бы излишна. Есть

такія времена, въ кои то, что называется чудомъ, столь повседневно, что люди не находятъ въ томъ ничего чуднаго кромѣ естественнаго приключенія. Но въ сихъ, въ кои мы живемъ, противной образъ разсужденія кажется столько усилился, что мы едва можемъ надѣяться, что бы между всѣми, кои можетъ быть станутъ читать сію повѣсть, сыскался хотя одинъ, котораго бы можно было увѣрить, что въ прежней главѣ ничего такого не разсказано, что бы не могло случиться всякой день. Съ того времени, какъ изобрѣтены увеличительныя стекла, невидимыя вещи имѣютъ злую игру, и надобно только быть духомъ, чтобъ имѣть всякой на свѣтѣ трудъ, увѣрить людей о своемъ бытіи. Однимъ словомъ, что бы мы ни говорили, однако бы намъ никто не повѣрилъ, что есть волшебница Радіанта, или когда нибудь голубая бабочка бывала Принцессою, а зубочистка зеленымъ карломъ.

Въ таковыхъ обстоятельствахъ считаемъ мы за лучшее, добровольно

признаться, что мы и сами всему, что Донъ Силвіо разсказывалъ своему вѣрному Педриллѣ, столько же мало вѣримъ, какъ и призракамъ смиренной нашей единоземки, сестры Маріи Агреды (*) или повѣстямъ о краснинькой

(*) Сестра *Марія Коронелъ*, названная по мѣсту своего пребыванія *Агредою*, въ седьмомъ надесять вѣкѣ привлекла на себя вниманіе книгою, кою издать по объявленію ея, точно приказали ей Богъ и святая Дѣва. Сія книга имѣетъ надпись *таинственный градъ Божій*, и содержитъ ложную исторію жизни Богородицы, описанную изъ непосредственныхъ откровеній, какія будто бы имѣла сія монахиня. Сокращенія изъ чудесной сей книги, находящіяся въ Journal des Savans 1696 года, кажется довольно оправдываютъ *цензуру Сорбонны* при случаѣ Французскаго перевода сей книги, и вольное изъясненіе нашего сочинителя. Смотр. *Bayle* подъ членомъ *Marie d' Agreda*.

кой шапочкѣ, или другой какой сказочкѣ, коими насЪ нѣкогда любезная наша нянька обыкновенно усыпляла.

Не смотря на сіе принуждаетЪ насЪ истинна, о коей мы вЪ теченіи сей повѣсти стараемся увѣрять, что ДонЪ Силвіо во всемЪ своемЪ повѣствованіи ничего такого не сказалЪ, что бы вЪ нѣкоторомЪ смыслѣ не столько же дѣйствительно было, какЪ большая часть другихЪ повѣстей изЪ свѣта духовЪ.

Дабы понять сіе невѣроятное, но справедливое мнѣніе (парадоксЪ), должны мы напомнить, что есть два рода дѣйствительности, кои in concreto, не всегда столь удобно можно различить, какЪ многіе думаютЪ.

КакЪ, вопреки всѣмЪ ЕгоистамЪ, есть такія вещи, кои дѣйствительно внѣ насЪ находятся, такЪ есть и другія, кои существуютЪ только вЪ нашемЪ мозгу. Первыя суть, хотя мы не знаемЪ, что онѣ находятся; а другія существуютЪ только, покуда мы воображаемЪ се-

бѣ, что онѣ суть. Онѣ сами для себя суть ничто, но на того, которой ихъ почитаетъ за дѣйствительныя, производятъ такоежъ дѣйствіе, какъ будто бы онѣ что нибудь были; и что бы люди меньше о нихъ думали, онѣ суть побужденія большей части дѣйствій человѣческаго рода, источникъ нашего благополучія и нещастія, нашихъ гнуснѣйшихъ пороковъ и блистательнѣйшихъ добродѣтелей.

Какая волшебница или какой волшебной за́мокъ есть нелѣпѣе той славы, о которой величайшіе мужи признавались, что она была цѣлью ихъ изящнѣйшихъ предпріятій? Александръ, почетшій баснословной походъ Бахуса въ Индію дѣйствительнымъ, добровольно ввергался въ тысячу опасностей, дабы Аѳинянамъ было что о немъ говорить, гонялся за столь же несбыточною нелѣпостію, какъ и Донъ Силвіо, выступившей разрушить очарованіе голубой бабочки. Въ глазахъ безпристрастнаго зрителя человѣческихъ дѣйствій, первой стольколжъ

глупъ какъ и другой, и сей по крайней мѣрѣ имѣетъ то преимущество, что его химера не причинила никакого вреда тогда, когда химера завоевателя Азіи потрясла половиною свѣта.

Однако мы начинаемъ примѣчать, что мы углубились въ разсужденія, отдалившія насъ довольно отъ нашего намѣренія, дабы привести насъ въ раздумчивость, какимъ бы образомъ найти искусной переходъ, какъ-то дѣлаютъ обыкновенно писатели смѣси, когда они сдѣлавъ полдюжины отступленій, захотятъ паки возвратиться туда, откуда они произошли.

И такъ дабы опять возвратиться къ дѣлу, то намъ должно при повѣствованіи нашего молодаго рыцаря сдѣлать различіе между тѣмъ, что съ нимъ дѣйствительно случилось, и между тѣмъ, что сила его воображенія къ тому присоединила. Мы оставили его, какъ можно еще припомнить, послѣ приключенія съ бабочкою и портретомъ въ такомъ состояніи, въ коемъ его фантазія возвышена была на чрезвычайную степень.

Жи-

Живость образовЪ ему представлявшихся, усугублялась сЪ ночью тѣмЪ болѣе, чѣмЪ менѣе ослабляема она была внѣшними чувствованіями; еще не доставало токмо одной степени, дабы сдѣлаться ей родомЪ чувствованія. ВЪ такомЪ расположеніи увидѣлЪ онЪ огненной шарЪ, которой носяся по воздуху, и спустя нѣсколько времени не далеко отЪ него лопнулЪ. Сіе необыкновенное воздушное явленіе, на которое бы испытатель естества взиралЪ наблюдательными очами, совершило очарованіе Дона Силвіо. ОнЪ вспомнилЪ, что вЪ своихЪ сказкахЪ часто находилЪ такіе пламенные шары, изЪ коихЪ всегда выѣзжала волшебница на алмазной колесницѣ, запряженной шестью лебѣдями сЪ дватцатью четырьмя златорунными баранами. И такЪ по его мнѣнію было сіе естественное явленіе началомЪ сверьхЪестественнаго; и больше не надобно было, дабы фантазіи, кои уже обЪобразованы и готовы родиться находились вЪ его головѣ, превратить вЪ мнимыя чувствованія, кои отЪ сновидѣнія отличались только тѣмЪ, что

что онъ не спалъ, и связью ихъ съ его предыдущими и послѣдующими идѣями, тѣмъ сильнѣе былъ обманутъ, и почелъ ихъ за дѣйствительныя.

Сіе есть по крайней мѣрѣ по нашему мнѣнію наивѣроятнѣйшее объясненіе, какое можно дать о таковыхъ видѣніяхъ; но мы весьма отъ того далеки, что бы захотѣли кому нибудь ихъ присвоивать. Донъ Силвіо находился *одинъ*, когда ему волшебница Радіанта показаться долженствовала, и можно всѣмъ сумнящимся, Матеріалистамъ, Деистамъ, и Пантеистамъ вопреки отважно нѣкогда доказать, что волшебница Радіанта или ея явленіе было что нибудь *невозможное*. И такъ мы не можемъ наше объясненіе ни за что болѣе выдать, какъ за одну только догадку, и естьли любители чуднаго будутъ столько благосклонны, и повѣрятъ въ семъ самому Дону Силвіо, которой безспорно былъ очевидной свидѣтель и безъ всякаго подозрѣнія какого нибудь обмана; то мы ничего противъ онаго сказать не имѣемъ.

ЧУДНЫЯ ПОХОЖДЕНІЯ *ДОНА СИЛВІО де РОЗАЛВЫ.*

КНИГА ВТОРАЯ.

Глава первая.

Между тѣмъ, какъ Донъ Силвіо дѣлалъ пріуготовленія къ чудесному своему странствованію, Донна Менціа занималась стараніемъ удержать его чрезъ такое средство, о какомъ ему столь же мало грѣзилось, какъ и ей о любви его къ очарованной бабочкѣ.

Мы уже объявили, что она съ нѣкотораго времени весьма часто ѣзжала въ сосѣдственной городокъ, о чемъ Донъ Силвіо хотя ни сколько не заботился, но сіе предметомъ своимъ

имѣло ничто иное, какъ чтобъ сыграть ему худшую шутку, нежели какой онъ только когда либо могъ ожидать отъ совокупной злобы всѣхъ Фанферлюшей и Карабоссъ въ цѣломъ свѣтѣ.

Читатель можетъ быть еще вспомнитъ, что Донна Менціа не взирая на чрезвычайную свою суровость въ молодыхъ лѣтахъ была не совсѣмъ непріятельница любви; и естьли сказать истинну безъ всякой прикрасы, то можетъ быть никогда не бывало женщины, коей бы добродѣтель, къ которой присудило ее немилосердіе мущинъ, казалась обременительнѣе. Да и думаютъ, что съ того времени, какъ она изъ великаго свѣта удалилась въ уединеніе, которое обыкновенно принужденной суровости не весьма благосклонно, похотѣнія ея не однажды столь усиливались, что она (когда сіе можно сказать безъ оскорбленія того пола, къ коему она принадлежала,) одному дворовому слугѣ дѣлала поощренія, коибъ можетъ статься и не остались безъ дѣйствія, есть-

естьлибъ прелести молодой Мариторны не учинили сего грубаго любовника нечувствительнымъ ко всѣмъ преимуществамъ высокоблагороднаго скелета.

Хотя сіе извѣстіе и учинилось вѣроятнымъ по характеру Донны Менціи, по худому мнѣнію, какое подали о себѣ въ свѣтѣ такъ называемыя *суропыя*, и по различнымъ примѣрамъ знатныхъ госпожъ (какія можно читать у *Брантома*, и за которыхъ справедливость можетъ онъ постоять!): однако мы признаемся, что по добрымъ причинамъ имѣемъ великую недовѣренность ко всѣмъ извѣстіямъ такого рода. Хотя и свойственно малой злобѣ, въ какой обвиняютъ человѣческое сердце, уличенныхъ *въ нѣкоторомъ степени* слабости и глупости почитать способными ко всякому высочайшему степени оной. Но сей образъ разсужденія не рѣдко бываетъ несправедливъ; и что касается до бѣдной Донны Менціи, то думаемъ мы, что неотрицаемые опыты ея слабости хотя были всегда

довольно велики, однако такЪ, что не должно было превращать ее чрезЪ предосудительныя *догадки* вЪ *посмѣшищѣ*.

И такЪ, чтобЪ не задержать долѣе читателя, то совершенно извѣстно было только то, что ни добродѣтель ея, ни справедливая гордость и знатная порода, ни шестьдесятЪ лѣтЪ, кои она уже пережила, не возмогли защитить ея сердце отЪ любви, кою вліять вЪ нее имѣлЪ щастіе нѣкоторой Ксельвской *Прокураторъ*.

Она познакомилась сЪ нимЪ у одной пожилой своей пріятельницы, которую онЪ по дѣламЪ часто посѣщалЪ; и извѣстія полученныя ею обЪ немЪ, казались быть весьма благосклонными кЪ намѣренію, которое она воспріяла сЪ его особою при первомЪ взорѣ.

Сей достойной мужЪ назывался Родриго СанхецЪ, и былЪ (кромѣ дарованія своего вЪ *ябедничествѣ*) достопамятнѣе тѣлесными своими преимуществами, нежели пріятностями духа. ОнЪ былЪ плотной посредственнаго роста человѣкЪ, имѣлЪ широкія

плѣ-

плеча, кудрявые волосы, малые сверькающїе глаза, отѣневаемые большими черными бровями, какъ бы темнымъ кустарникомъ, большой ястребиной носъ, ноги, кои въ случаѣ нужды довольнобъ имѣли силы для подкрѣпленїя Атланта, короче сказать, онъ имѣлъ совсѣмъ такую фигуру, которая, какъ изволятъ нѣкоторые наблюдатели знать; должна быть опасна *сурпымъ профессїонкамъ*. Не извѣстно, объяснилась ли когда Донна Менцїа о впечатлѣнїи, какое учинилъ онъ въ ней сею фигурою. Но тѣмъ болѣе увѣряетъ нашъ сочинитель, (которой кажется, что не малое имѣетъ дарованїе читать въ душахъ,) что Родриго Санхецъ имѣлъ честь сею фигурою при первомъ взорѣ побѣдить отвращенїе, какое она всегда чувствовала къ супружескому состоянїю, и возбудить въ ней желанїе подвергнуться съ нимъ сему игу, не смотря на то, что онъ еще едва сорокъ лѣтъ имѣлъ отъ роду, и былъ еще молодецъ.

Хотя очи новаго сего Адонида не были довольно благодарны, чтобъ зрѣть въ ней Венеру; однако имѣлъ онъ, какъ скоро примѣтилъ, что дѣло идетъ до брака, побудительную причину, которая въ людяхъ такого рода дѣйствуетъ столь же сильно, какъ и прелести лица въ любовникѣ нѣжнѣйшаго сложенія.

Господинъ *Прокураторъ* имѣлъ отъ старшаго брата племянницу, называемую *Мергелиною*, которая по смерти своихъ родителей со сто тысячами червонныхъ находилась подъ его опекою. Сколь безпристрастенъ онъ былъ къ собственной особѣ своея племянницы, столь нѣжно любилъ онъ ея червонные, и давно уже вымышлялъ законное средство овладѣть всѣми ими, или по крайней мѣрѣ большею частію оныхъ: какъ страсть, которую имѣлъ онъ щастіе влiять въ Донну Менцію, казалось, подала ему желанной случай къ достиженію своего намѣренія. Племянница его, обладающая безспорно весьма плѣняющимъ имѣніемъ, отказала уже нѣсколькимъ женихамъ для того,

го, что они были только изъ мѣщанъ; ибо она положила или быть госпожею, или умереть дѣвицею. И такъ господинъ Родриго не сомнѣвался уговорить ее ко всему, что бы онъ ни хотѣлъ, только бы могъ выдать ее за дворянина; но трудность состояла въ найденіи столь угоднаго, какого хотѣлось господину Родригу. Извѣстія полученныя имъ отъ пріятельницы Донны Менціи обнадежили его, что никто не могъ способнѣе быть къ его предпріятію, какъ Донъ Силвіо, описанный ему молодымъ дворяниномъ, которой не имѣя опытности и не зная свѣта былъ чрезвычайно великодушенъ, и притомъ обыкъ поступать во всемъ по повелѣніямъ своея тетки. И такъ онъ рѣшился испытать свое щастіе, и отъ влюбленнаго нападенія старой Менціи получить столько прибыли, сколько токмо было возможно. Въ самомъ дѣлѣ игралъ онъ ролю воздыхающаго пастуха столь смѣшно, какъ только можно себѣ представить; однако онъ употребилъ въ оной довольно жару

для убѣжденія такой нѣжной особы, какова была Донна Менціа, что онъ есть между всѣми людьми наивлюбчивѣйшій.

Однако, какъ скоро сія госпожа побѣду свою почла несомнѣнною, то вспомнила о томъ, чѣмъ она обязана была своей добродѣтели и характеру, и дѣлала столь много околичностей, что господинъ *Прокураторъ* мало знавши искуство умягчать суровыхъ, потерялъ бы разъ десять терпѣніе, когда бы не удерживанъ былъ сильнѣйшею властію, нежели застарѣлыми пріятностями своея свирѣпыя. Всего лучше было для него то, что ей самой столь многаго стоило труда скрыть непорочное пламя, коимъ она пылала, что разсудила за благо сократить время своего испытанія, не находя никакихъ причинъ сомнѣваться о сильной его страсти. Почему согласилась она наконецъ господина Родриго ощастливить; двоякой бракъ дяди съ теткою и племянника съ племянницею былъ опредѣленъ, и господинъ *Прокураторъ* сочинилъ контрактъ, въ котторомъ

ромъ выгоды первыхъ не были позабыты.

Донна Менціа воспитала своего племянника лучше, нежели чтобъ могла хотя мало сомнѣваться о его согласіи. Между тѣмъ дѣлала ей нѣкоторое затрудненіе мысль, что сіе сугубое сочетаніе было бы въ очахъ свѣта не мало предосудительно знатности ея породы, въ чемъ она всегда была горда; и хотя жестокость сея страсти, казалась быть оправдаема ослѣпляющими достоинствами господина Родрига Санхеца, однако едвали бы рѣшилась она пожертвовать оной толь уваженія достойною вещію, естьли бы господинъ Родриго, которой былъ сильной Генеалогистъ, не обнадежилъ ее въ короткомъ времени совершить поколѣнную роспись, въ которой хотѣлъ онъ произхожденіе свое вывесть по прямой линіи отъ роднаго сына короля Кастиліанскаго Санха великаго.

Глава вторая.

Картина по вкусѣ остада.

ДонЪ Сильвіо, у котораго голова наполнена была бабочками и зелеными карлами, весьма мало думалЪ о томЪ, чтобЪ милостивая его государыня тетушка, между тѣмЪ какЪ онЪ мыслилЪ о освобожденіи крылатыя своея Принцессы, пеклась о томЪ, чтобЪ женить его на нѣкоторой мещанской дѣвушкѣ изЪ Ксельвы, а правду сказать, на гнуснѣйшемЪ животномЪ, какое только когда либо выдавано было за мужЪ.

Почему изумился онЪ не мало, увидя ее прежде, нежели Педрилло управился сЪ пріуготовленіями кЪ путешествію, возвращающуюся вЪ провожаніи одной женщины и мущины, совсѣмЪ ему незнакомыхЪ особЪ. ОнЪ ужаснулся еще болѣе, разсматривая сіи незнакомыя лица вЪ близи; особливо же молодая госпожа показалась ему столь чрезвычайною, что сЪ начала почелЪ онЪ ее за одѣтую мартышку.

Пе-

Педриллѣ, помогавшему имъ вылезать изъ кареты, стоило величайшаго труда, чтобъ взглянувъ на нее, удержаться отъ смѣха, и Донъ Сильвіо сколь ни былъ въ другомъ случаѣ вежливъ, въ первомъ изумленіи отступилъ на два шага назадъ не примѣтя удовольствія, разпространившагося при воззреніи на него по милому ея личику.

Въ самомъ дѣлѣ мудрая Менціа не могла выбрать способнѣйшія особы, какъ Донну Мергелину, чтобъ имѣть племянницу, котораябъ не помрачала собственныхъ ея прелестей.

Мы хотимъ попытаться, не можемъ ли силу воображенія нашихъ читателей привести въ состояніе сдѣлать себѣ о ней нѣкоторое представленіе.

Вышиною была она ровно въ два фута и четыре дюйма, а шириною отъ одного плеча до другаго почти столько же, и вообще имѣла столь правильное разположеніе, что голова ея составляла почти четвертую часть ея вышины, шея, грудь, и нижняя

часть

часть тѣла терялись тоже непримѣтно одна въ другой, что не возможно было усмотрѣть, гдѣ одна начиналась, а другая кончилась. Однако не смотря на чрезвычайную длину ея подбородка, лице ея представляло довольно правильной квадратъ; ибо лобъ ея былъ прямо столько узокъ, сколько подбородокъ длиненъ Глаза ея были столь круглы и такъ далеко выпучились изъ лба, что эпитетъ или прилагательное, которое Гомеръ обыкновенно придаетъ Юнонѣ, (*) казалось быть точно

(*) Сочинитель нашъ кажется только для шутки издѣвается надъ обыкновеннымъ латинскимъ переводомъ βοῶπις, которое Гомеръ обыкновенно придаетъ *Юнонѣ*. Переводчики поставляя, достопочтенная *бычьеглазая Юнона*, подвергаютъ невиннаго Гомера хулѣ неученыхъ. Ничего нѣтъ справедливѣе, какъ критической гнѣвъ, оказываемый на сіе *Грепіемъ* (v. Lect. Hesiod. ad vers. 355 Theogon.) „Го-
„ меръ

чно сдѣланъ для Донны Мергелины. Ротъ ея былъ толь обширнаго простран-

„ меръ для означенія какъ бы одною „ чертою красоты и величины очей Царицы боговъ, называетъ ее βοωπιν, говоритъ мудрый *Ливаній.* И такъ справедливо и сходственно съ намѣреніемъ Гомеровымъ, но не съ *обыкновеніемъ* его описываетъ *Попе* прилагательныя βοωπις и ποτνια

—— —— the Goddefs of the ſkies.
Roll'd the *large orbs* of her *majeſtic* eyes.

Но между тѣмъ кажется быть не отрицаемо, что употребленіе сего прилагательнаго, (кое въ древнѣйшемъ своемъ значеніи безъ всякаго сомнѣнія значило *бычьеглазый*) такъ, какъ тысячи другихъ Гомеровыхъ прилагательныхъ рѣченій, сравненій и другихъ изображеній или цвѣтовъ, наилучше могутъ оправданы быть глубокою древностію сего неоцѣненнаго стихотворца, *и грубоватою простотою*, въ какой обрѣтались еще то-

странства, что безъ всякой опасности широкимъ ея зубамъ можно было

ло

тогда нравы, вкусъ, и языки. Быки и коровы были въ Гомеровы времена весьма знатными и высокопочитаемыми членами домашняго сообщества, такъ какъ были и нынѣ суть у Арабовъ лошади. Корова (съ позволѣнія госпожи *Дасіеръ*) имѣетъ безспорно большіе глаза, нежели женщина. И такъ для описанія госпожи съ преимущественно большими глазами называли ее *коропьеглазою*; сіе прилагательное было выразительно и изображающе, и не имѣло ничего оскорбительнаго для грубаго чувствованія такого народа, коего понятія, родъ жизни, и нравы были еще толь близки къ природной дикости: и такъ употребляли оное толь же неразборчиво, какъ нынѣ Турки въ важнѣйшихъ своихъ стихотвореніяхъ употребляютъ прилагательное, *оленьеглазы*; и въ Гомеровы времена чаятельно было

ло

ло въ ономъ поворачивать туда и сюда уполовникомъ Принца Танція, и естьлибъ ея губы нѣкогда стихотворцу захотѣлось назвать седалищемъ Грацій, то мы должны признаться, что оныя были канапе, на которомъ сіи богини довольно бы имѣли мѣста въ случаѣ нужды поскакать вокругъ еще съ нѣсколькими молодыми божками любви. Носъ ея былъ въ самомъ дѣлѣ нѣсколько помалъ; ибо стоило не малаго труда между ея толстыми и отвислыми щеками открыть нѣчто возвышенное, которое бы наконецъ

ло уже обыкновенно, что какъ скоро кто услышитъ слово βοῶπις, то тотчасъ представляетъ себѣ прекрасные большіе глаза, не помышляя о *произхожденіи* слова, кое бы возбужденіемъ неблагороднаго приступнаго понятія могло уничтожить понятіе о величествѣ, какое въ насъ Гомеръ произвесть старается. Но мы вспомнили, хотя и поздо, что здѣсь не мѣсто для такихъ примѣчаній.

нецЪ по поднявшимся ноздрямЪ можно было почесть носомЪ; однако сіе было только одно во всей ея особѣ, при чемЪ природа оказалась скупою. ВЪ замѣну сего имѣла она излишне высокую спину, весьма долгіе уши и столь широкіе руки и ноги, какЪ будто бы намѣреніе природы состояло вЪ томЪ, что бы она, какЪ обоюдныя животныя равно способно могла жить какЪ вЪ водѣ, такЪ и на сушѣ. Но что по самому собственному ея разсужденію должно было помрачить всѣ сіи красоты, то были груди, какихЪ особливо вЪ Ишпаніи мало можно видѣть; груди толь неизмѣримой величины, что бы онѣ годились быть моделью совсѣмЪ другаго члѣна совершенной красоты вЪ Венериной статуѣ. Казалось, что она столько чванилась симЪ совершенствомЪ, что оказывала ихЪ сЪ такою щедростію, которая бы отЪ строгихЪ нравоучителей могла названа быть соблазнительною, естьлибЪ груди сіи менѣе были гнусны.

Что касается до красокъ, употребленныхъ природою для вымалеванія такого примѣрнаго образца, то оныя были конечно такъ чудно смѣшаны, чтобъ довольно надѣлали труда Вандику. Она имѣла не бѣлые волосы, какъ Церера, не черные, какъ Венера и не златоцвѣтные, какъ красавица съ золотыми волосами; но огненнаго цвѣта, и притомъ съ природы столь прямые и короткіе, что могли бы они постыдить искуство и терпѣливость *Ципассиды* (*). Глаза ея были свѣтлосѣрые, лобъ и щеки оливнаго цвѣта, и гдѣ надобно, оттуше-

(*) Имя горнишной дѣвушки Овидіевой любовницы, которая въ глазахъ сего легкомысленнаго любовника была столь прелестна, что иногда дѣлала его невѣрнымъ своей госпожѣ. Онъ хвалитъ ее за искуство убирать локоны своея госпожи на тысячу манеровъ;

Ponendis in mille modis perfecta capillis
Comere sed solas digna, Cypassi, deas.

шеваны багровымъ, ротъ ея, (когда позволено употребить на сей разъ сіе слово) казался быть нѣсколько свѣтло-зеленаго цвѣта и не мало терялъ изъ своей пріятности чернотою большихъ и неровно выросшихъ зубовъ; а плѣча ея и руки имѣли толь природной цвѣтъ лайки, что ей совсѣмъ можно было обойтися безъ того расхода, какой другія женщины должны употреблять на лайковыя перчатки.

Все сіе, безъ сомнѣнія составлявшее родъ фигуръ, какія рѣдко индѣ случается увидѣть, какъ только на каминахъ, украшено было такимъ уборомъ, которой по вкусу прекрасной Мергелины возбуждалъ толь хорошее мнѣніе, что стоило только на нее посмотрѣть, чтобъ удивляться чрезвычайной стройности тѣла ея и души, составляющей по Пифагоровымъ правиламъ высочайшую красоту. Она носила юпку изъ желтаго атласа, вышитую серебромъ, кофту изъ зеленой тафты, лѣнты небеснаго цвѣта, перо огненнаго цвѣта, кармазинные башмаки съ золотомъ и чул-

ки

ки розоваго цвѣта съ серебреными стрѣлками.

Сія любви достойная особа едва вошла съ помощію вѣжливаго Дона Силвіо въ малую залу, въ которой Донна Менція обыкновенно принимала посѣщенія, то первое ея дѣло было кинуться къ зеркалу, чтобъ, какъ она говорила, поправить безпорядокъ, причиненной переѣздомъ въ ея уборѣ. Потомъ онѣ сѣли и въ ожиданіи госпожи Беатриксы съ нѣкоторыми заѣдками, всякая особа казалась быть въ неизвѣстности, что бы зачать съ собою и съ другими. Донна Мергелина играла съ своимъ опахаломъ, или поглядывала въ зерькало, насупротивъ котораго она сѣла, господинъ Родриго посматривалъ то на молодую Менцію, то на свои ноги, Донъ Силвіо смотрѣлъ на нихъ выпуча глаза, и казался быть разсѣяннымъ, а добрая тетка держала ротъ всегда полуразтвореннымъ, не зная что сказать.

Донъ Родриго лишь только было вознамѣрился сдѣлать примѣчаніе, что — погода хороша, какъ вошла услу-

жливая Беатрикса для оживленія разговора большимъ коробомъ свѣжихъ, сухихъ и запеченыхъ плодовъ. Тогда вдругъ сдѣлалось у компаніи у сердца полегче. Донна Мергелина имѣла случай оказать хорошее свое воспитаніе, сожалѣя со многими учтивостями и ужимками о безпокойствѣ, какое для нее принимаютъ. На сіи учтивости и кривлянья вѣжливая Донна Менціа отвѣтствовала взаимными учтивостями и взаимными кривляньями. Потомъ дѣлали примѣчаніе, что земляника весьма крупна и вишни превосходнаго вкуса, хвалили запеченые орѣхи и шепталы, и Донна Менціа получила поводъ къ ученому разсужденію объ искуствѣ дѣлать конфекты; при чемъ господинъ *Прокураторъ* такъ скучился, что всевозможное употреблялъ стараніе перемѣнить предметъ разговора, и склонить оной къ тяжебному дѣлу, которое онъ дѣйствительно имѣлъ въ рукахъ, и которымъ онъ, какъ скоро получилъ случай начать рѣчь, занималъ госпожъ весьма пріятнымъ образомъ.

Гла-

Глава третія.

Разговоръ между теткою и племянникомъ.

Спустя нѣсколько времени госпожа Беатрикса, возвратилась въ залу съ разными винами и настоянными водами, госпожа ея давши ей знакъ, чтобъ забавляла гостей живымъ своимъ разговоромъ, вышла съ племянникомъ своимъ въ другую горницу для изъясненія ему, что значило сіе посѣщеніе?

Вы чрезвычайно разряжены, Донъ Силвіо, начала она; вить вы не знали, что я пріѣду съ гостями.

Нѣтъ, сударыня тетушка, отвѣчалъ Донъ Силвіо закраснѣвшись, и заикаясь, но - - я не знаю - - я думалъ. —

Вамъ ненужны никакія извиненія, сказала Донна Менціа, вы не могли бъ убраться въ пристойнѣйшее время, и я склонна приписать сіе нѣкоторому роду предчувствованія.

Потомъ она сѣла, покашляла нѣсколько разъ, и наконецъ по различ-

ныхъ предисловіяхъ открыла ему не безъ нѣкотораго закраснѣнія, сугубое свое предпріятіе сочетать его съ прекрасною Мергелиною, а право обладанія надъ собственною своею особою уступить исполненному достоинствами господину родригу Санхецу. Она не преминула выхвалить ему великія выгоды, какія бы получилъ онъ изъ сего бракосочетанія, и по ея рѣчамъ имѣлъ онъ причину почитать себя весьма ей обязаннымъ за толь изящный опытъ попеченія ея о его благополучіи.

Но Донъ Силвіо былъ гораздо отдаленъ отъ того, чтобъ быть толь умнымъ и благодарнымъ, какъ чаяла его тетка. Изумленіе, въ какое онъ ввергнутъ былъ при началѣ ея рѣчей, превратилось на концѣ оныхъ въ негодованіе, которое онъ едва могъ скрыть. Однако онъ дѣлалъ себѣ крайнѣйшее насиліе, и напослѣдокъ помолчавъ довольно долгое время, сказалъ съ видомъ, въ коемъ являлось болѣе отчужденія, нежели досады. Я признаюсь вамъ, сударыня тетушка, что я не понимаю, что вы

со

со всемъ симъ хотите дѣлать. Мнѣ еще едва наступаетъ осьмнатцатой годъ; порода моя и воспитаніе, данное мнѣ вами, повелѣваютъ мнѣ въ скоромъ времени оставить праздную деревенскую жизнь, и искать пристойнаго щастія на пути рыцарскихъ приключеній. Вы сами вперили въ меня сей образъ разсужденія, а теперь хотите вдругъ женить меня на подлой мѣщанской дѣвкѣ, которыя безобразіе и личные недостатки въ состояніи были бы отстрашить и сребролюбивѣйшаго Гарпакса, и съ коею бы я осужденъ былъ на всю мою жизнь запереться въ сей бѣдной деревнѣ для сокрытія моего нещастія и стыда отъ цѣлаго свѣта.

Вы позабываете, сказала Донна Менціа, почтеніе, которымъ мнѣ должны, и я признаюсь, что я болѣе повиновенія . . .

Повиновенія? перервалъ съ жаромъ рѣчь ея Донъ Силвіо, когда вы хотите приковать меня къ чудовищу, для избѣжанія единаго взора

ра

ра котораго готовъ я стремиться въ отверстый львиной зевъ?

Всѣмъ весьма извѣстно, отвѣчала Донна Менція съ насмѣшливымъ видомъ, что вы чрезвычайно много чванитесь своею красотою; но мы не станемъ объ этомъ спорить. Донна Мергелина совсѣмъ не заслуживаетъ презрѣнія, какое вы къ ней имѣете, она есть милая особа, да хотя бы она и менѣе была любви достойна, то сто тысячь червонныхъ заподлинно суть не такая вещь, которую бы малой дворянинъ, получающій въ годъ едва сто пистолей, могъ отвергать толь упря о.

Не такъ давно, милостивая государыня, отвѣчалъ Донъ Силвіо учтивѣе, цѣнили вы достоинство одного дворянина не подоходамъ его; и когда сто тысячь червонныхъ не могутъ столько обворожить глазъ моихъ, что бы я сію особу, кою вы называете Донною Мергелиною, нашелъ любви достойною, то нѣтъ никого въ подсолнечной, кому бы я имѣлъ благодарить за благородство моего сердца, кромѣ Донны Менціи, научившей меня пре-

зи-

зирать богатство, какъ скоро должно его купить подлостію.

Да въ чемъ состоитъ подлость, отвѣчала она, когда вы женитесь на Доннѣ Мергелинѣ? Какъ предки ваши нещастными случаями принуждены были утаить произхожденіе, которое можетъ быть есть одно изъ благороднѣйшихъ во всемъ королевствѣ (я знаю Донъ Силвіо, что я говорю), то щастіе, кое имъ съ тѣхъ поръ было благосклоннѣе, привело ихъ въ состояніе возвысить паки собственную свою фамилію, и нашей придать блеску, которой поносная скудость готова уже была потушить.

Невинная скудость никогда непоносна, сказалъ Донъ Силвіо съ горящимъ благородною краскою лицемъ; оставьте мнѣ стараться о блескѣ моего имени; я довольно ощущаю въ себѣ бодрости, сопротивиться нещастію, которое кажется осудило его къ помраченію. Пусть Донна Мергелина будетъ благородна, когда то вамъ угодно; но я увѣряю васъ, что хотя бы она происходила отъ самаго

великаго Вида, а принесла бы мнѣ въ приданое всѣ Перувскіе рудокопные заводы, то однако я на ней не женюсь.

Ты на ней не женишься? вскричала Донна Менціа такимъ голосомъ, которой бы лучше годился для воспитанника двенатцати лѣтъ. А я тебѣ сказываю, что ты на ней женишься, или увидишъ, что Донна Менціа умѣетъ утвердить власть, данную ей надъ тобою природою и волею твоего отца: ты долженъ на ней жениться, говорю я, или —

Не грозите понапрасну, перервалъ рѣчь ея Донъ Силвіо съ видомъ и постоянствомъ, изумившимъ ее нѣсколько; я знаю мѣру должностей моихъ къ вамъ, и границы вашихъ правъ надо мною. Выдьте всегда за добраго господина Родрига Санхеца, мнѣ никогда не придетъ на умъ почесть сіе за худо; но дозвольте мнѣ въ моихъ лѣтахъ отказаться отъ бракосочетанія, негодящагося никоимъ образомъ для меня.

При

При сихъ словахъ воспалилась Донна Менціа. Я понимаю тебя, вскричала она, скрежеща нѣсколькими гнилыми зубами, кои, какъ древніе монументы, вызовывались по мѣстамъ изъ широкаго ея рта. Я вижу всю злобность тайнаго твоего предпріятія; но я презираю тебя и все, что ты можешь сказать. Какъ? мальчикъ въ твои лѣта можетъ знать лучше меня, что годится и что не годится? Но что мнѣ горячиться? Когда ты еще молодъ видѣть цѣну моего о тебѣ попеченія, то однако я не допущу, чтобъ ты чрезъ твою безразсудность пропустилъ щастіе, превосходящее все, чего ты когда либо могъ надѣяться. Ты рано еще дѣлаешь опытъ свергнуть съ себя иго, кое я могу учинить тяжеле или облегчить, какъ найду за потребное; ибо короче и лучше сказать, господинъ мой племянничекъ, вы находитесь въ моей власти, и я умѣю сыскать въ васъ себѣ повиновеніе.

Ваши поступки доказываютъ, отвѣчалъ Донъ Силвіо весьма разсердив-

дившись, что сѣдые волосы не всегда суть надежные поруки разума. Однако знайте, что я ни старъ ни молодъ, чтобъ учинить себя жертвою смѣшной вашей страсти. Я увольняю васъ отъ всей должности пещись о моемъ благополучіи; и когда я отвергаю уродливую вашу Мергелину и сто тысячь червонныхъ, на кои она хочетъ купить мою любовь, такъ повѣрьте, что я имѣю свои причины (и я знаю, Донна Менціа, что я говорю!), и что я подъ покровительствомъ, подъ которымъ нахожусь, могу презирать всѣ угрозы, коими вы думаете испужать меня какъ маленькаго питомца.

Съ сими словами, поспѣшилъ онъ изъ горницы и удалился въ садъ, гдѣ съ негодованіемъ бѣгалъ въ задъ и въ передъ ожидая съ нетерпѣливостію вѣрнаго своего Педриллу.

Гла-

Глава Четвертая.

Замыслы Дона Силвіо. Онъ уговаривается о побѣгѣ своемъ съ Педрилломъ.

Педрилло, которой, что бы ни говорилъ, былъ столь же предостороженъ, сколь и боязливъ, подслушалъ въ маленькія боковыя двери весь разговоръ, которой имѣлъ господинъ его съ Донною Менціею.

Увидѣвъ, что Донъ Силвіо въ величайшемъ гнѣвѣ побѣжалъ въ садъ, поползъ онъ за нимъ и нашелъ его въ аллеѣ каштанныхъ деревъ похаживающаго, закинувъ руки за спину, взадъ и впередъ большими шагами и говорящаго съ самимъ собою довольно громко. Онъ казался толь звѣрообразнымъ, что Педрилло не осмѣливался подойти къ нему ближе. Но какъ скоро Донъ Силвіо его увидѣлъ, то подозвавъ его къ себѣ сказалъ: Я довольно вижу, что ты боишся моихъ выговоровъ; ибо естьлибъ не твои безвременныя старанія, то бы мы теперь

перь далеко были отъ сего проклятаго дома, изъ котораго, какъ я опасаюсь, нынѣ безъ помощи сильной Радіанты трудно намъ уйти. Но не печалься, другъ мой; я знаю, что ты не имѣлъ злаго намѣренія; и я не столько несправедливъ, чтобы сталъ приписывать тебѣ приключенія, коихъ виною только противной мой рокъ и злоба волшебниковъ моихъ враговъ.

Съ сими словами взялъ онъ его за руку, повелъ въ бесѣдку, и приказавъ осмотрѣться на всѣ стороны, одни ли они были, сказалъ ему тихимъ голосомъ: Слушай, Пелрилло, я хочу тебѣ открыть сокровеннѣйшія мои мысли. Я совершенно увѣренъ, что сія старая сухая баба, кою ты видѣлъ вылѣзающую изъ кареты съ двумя чудовищами, не есть моя тетка Донна Менціа, хотя я и самъ съ перваго взгляда обманулся, и почелъ ее такъ. Это всеконечно злобная Фанферлюша, принявшая ея видъ, дабы тѣмъ удобнѣе разрушить предпріятія, учиненныя къ моему щастію благодѣтельною Радіантою. Я

имѣю

имѣю признаки, Педрилло, кои не оставляютъ мнѣ никакого сомнѣнія. Ибо какъ хорошо ни притворялась мнимая сія Донна Менція, но я нѣсколько разъ примѣтилъ разговаривая съ нею въ ея глазахъ нѣчто ужасное, чего тетка моя никогда не имѣла. Короче сказать, я не могу теперь обстоятельно изъясниться, но я о семъ пунктѣ ни малѣйшаго не имѣю сомнѣнія. Фанферлюша увѣдавъ о превращеніи зеленаго карлы, прибыла сюда въ видѣ Донны Менціи для воспрепятствованія тому, чтобъ мнѣ съ помощію сильной Радіанты не удалось разрушить очарованія голубой бабочки, и чтобъ принудить меня къ такому бракосочетанію, коимъ бы я столько же гнушался, когдабъ та, на которой хочетъ она принудить меня жениться, столько же была прекрасна, сколько теперь она гадка.

Педрилло слушавши его съ великимъ вниманіемъ отвѣчалъ: повѣрите ли вы этому, милостивой государь, естьли признаться въ правдѣ, такъ я самъ почти думалъ, что вы пра-

правы, ибо я тотчасъ примѣтилъ, увидя ее вылезающую, что дѣло идетъ неладно, и какъ вы мнѣ сказали ваше мнѣніе, то я радъ биться объ закладъ, что сія Донна Шмергелыня, или какъ она называется, есть родная сестрица зеленому карлѣ, естьли, спаси насъ Господи, что нибудь не хуже; ибо пусть я буду нечестной человѣкъ, естьли въ жизнь мою видалъ столь гадкаго урода. Теперь жаль мнѣ, что я не посмотрѣлъ тотчасъ ей на ноги; однако видѣлъ, что у нее лицо и тѣло было совсѣмъ зелено, и что она имѣла горбъ и пару ужасно долгихъ ушей.

Со всѣми сими красотами, отвѣчалъ Донъ Силвіо, желаетъ она не менѣе, какъ бы я на ней женился.

Вамъ на ней жениться? вскричалъ Педрилло, жениться? вамъ жениться на такомъ уродѣ? вы бъ потеряли разумъ; простите мнѣ, милостивой государь, что я такъ говорю, ибо я знаю, что вы этого не сдѣлаете. Ну къ чорту! что такъ много объ себѣ думаетъ эта обезьяна! это былъ бы

вѣч-

вѣчной уронъ, естьли бы толь прекрасной молодой господинъ лежалъ въ объятiяхъ такой маленькой мартышки. Пфуй къ чорту! изъ этого ничего не выдетъ, убирайся госпожа Шмергельня домой, или когда ты хочешь быть за мужемъ, такъ пусть женится на тебѣ Карло Мигоннетъ (*), тотъ для тебя гораздо

луч-

(*) *Мигоннетомъ* назывался супругъ, определенной волшебницами Принцессѣ бѣлой кошечкѣ прежде, нежели она за свое непослушанiе наказана была превращенiемъ въ бѣлую кошку. Сей Царь Магоннетъ имѣлъ для любовника, намѣрившагося понравиться, чудную фигуру. Съ тѣхъ поръ, какъ находятся карлы, (говоритъ госпожа Донуа, его творица) никогда не видано столь малорослаго. Царская его порфира была длиною въ одинъ только аршинъ и болѣе трети оной таскалось по полу. Онъ имѣлъ орлиныя ноги, но какъ не было у него въ бер-

лучше годится, ги! ги! ги! то-то бы была пара, ужъ бы была по Сенькѣ и шапка! кстатѣ! Когда у него на носу сидѣла дюжина зяблицъ и щегловъ, какъ повѣствуетъ исторія, то бы она посадила полдюжины тюлениковъ на свои широкія груди! Это бы было хорошо! чтобъ тебя черная немочь поразила! Женись ко на едакой лепюшкѣ! Хотя я и слышалъ, что она очень богата; да хотя бы она по уши въ золотѣ ходила, такъ я бы ее не взялъ, хоть я и бѣдной дѣтина; а хоть и голъ, да правъ. Поменьше денегъ, да побольше красоты госпожа Фанферлюша, или ищи себѣ индѣ гдѣ жениха, естьли тебѣ угодно.

Донъ

берцахъ костей, то долженъ былъ таскаться на колѣняхъ. Голова у него была съ четверикъ, а носъ толь знатной мѣры, что онъ обыкновенно нашивалъ на немъ полдюжины птицъ, коихъ пѣніемъ увеселялся. Уши его возвышались на пядень надъ головою, а борода была столь долга и густа, что въ ней вили гнѣзда канарейки.

Донъ Силвіо долженъ былъ смѣяться ревности, съ какою произнесъ Педрилло весь сей глупой вздоръ, хотя и мало имѣлъ къ тому охоты; но какъ уже господинъ Педрилло съ лишкомъ заболтался, то онъ прервавъ его разсказни, сказалъ ему: любезной Педрилло, сіе дѣло есть важнѣе, нежели какъ ты можетъ быть воображаешь себѣ; Фанферлюша есть одна изъ злѣйшихъ и мстительнѣйшихъ волшебницъ, какія когда либо бывали, и власть ея также не мала; когда она пріѣхала сюда сегоднишней вечеръ въ образѣ моей тетки для принужденія меня жениться на сей Мергелинѣ —

Пфуй чортъ! (перервалъ рѣчь его Педрилло, заговорившей отъ сихъ словъ другимъ голосомъ) когда сударыня, ваша тетушка, есть не тетушка ваша, а, какъ вы сказали, проклятая Фанферлюша, такъ спаси насъ Господи! А то кому бы спасти насъ отъ волшебниковъ и привидѣній?

Слушай, другъ мой Педрилло, сказалъ Донъ Силвіо, болѣе не осталось

лось никакого способа, какъ чтобъ намъ сію ночь убраться изъ сего дома.

Сію же ночь? вскричалъ Педрилло весьма испугавшись; охъ, милостивой государь, одумайтесь, что вы говорите! Ночь и безъ того всякому недругъ, а въ такихъ обстоятельствахъ, воля ваша, я не выду ни по ногу изъ дому, хоть бы вы мнѣ дали столько же ударовъ, сколько у меня на головѣ волосовъ. Чтобъ мнѣ съ мѣста не сойти, ежели намъ при всякомъ шагѣ не будутъ попадаться страшилищи, драконы и колючія свиньи, кои намъ вездѣ будутъ перебивать дорогу. Я прошу васъ, Донъ Силвіо —

Молчи съ пустыми своими вракими, сказалъ Донъ Силвіо; развѣ у меня нѣтъ портрета Принцессина, которыя одного воззрѣнія довольно уже для удержанія въ почтеніи и страхѣ всѣхъ Африканскихъ чудовищъ, а притомъ на всякой случай волшебница Радіанта обѣщала намъ свое покровительство. Мы по видимому будемъ имѣть прекрасную свѣтлую ночь; да хотя бы и мѣсяцъ не свѣтилъ, то

я не сомнѣваюсь, что бы волшебница Радіанта въ случаѣ нужды не послала къ намъ одного или нѣсколькихъ изъ своихъ Саламандровъ, кои будутъ освѣщать нашу дорогу, и приводить насъ въ безопасность отъ всѣхъ Фанферлюшиныхъ гоненій. Однимъ словомъ Педрилло, другъ мой, естьли ты меня любишь, то помогай мнѣ въ моемъ предпріятіи; ибо ежели мы пропустимъ сей случай къ уходу, то Богъ знаетъ, найдемъ ли его опять когда-либо. Будь увѣренъ, что я не останусь неблагодарнымъ. Я не хочу обѣщать болѣе, нежели могу исполнить; но естьли я найду мою Принцессу, то ты смѣло надѣйся, что щастіе твое совершится. А естьли ты меня не хочешь провожать, то будь увѣренъ, что я лучше пойду одинъ, лучше умру тысячу разъ, нежели пробуду еще одну ночь въ семъ проклятомъ замкѣ.

Педрилло не взирая на его боязливость, былъ добросердечнѣйшій дуракъ въ свѣтѣ, у него навернулись слезы въ глазахъ, какъ онъ услышалъ госпо-

сподина своего такъ говорящаго, и онъ рѣшился вопреки всѣмъ страшилищамъ, Фанферлюшамъ и Шмергелынямъ съ нимъ уйти, въ которомъ часу ночи ему будетъ угодно.

Глава пятая.

Прогулка. Благоразуміе Дона Силвіо.

Едва они условились, какъ послышался въ нѣкоторомъ отдаленіи поражающій голосъ Донны Менціи, поведшей гостей своихъ для почерпанія свѣжаго воздуха въ садъ, которой по недостатку старанія казался довольно дикимъ, но мѣсто его и расположеніе были еще чрезвычайно пріятны. Педрилло едва успѣлъ позади нѣсколькихъ миртовыхъ кустовъ переползти въ другую аллею, гдѣ онъ могъ выйти изъ саду не будучи примѣченъ; Донъ Силвіо остался сидя на своей лавочкѣ, пока гости подошли къ нему поближе.

Какъ

Какъ, не смотря на его дурачество, не недоставало у него въ разсудкѣ, то онъ уразумѣлъ при первомъ замѣшательствѣ, что ему должно для скрытія ухода, имъ предпринимаемаго, принять на себя такіе поступки, кои бы не уменьшая весьма изъясненія, учиненнаго имъ мнимой тетушкѣ, заставляли ихъ имѣть надежду, что его можетъ быть мало по малу можно будетъ склонить.

И такъ онъ пошелъ къ компаніи тихими шагами и съ такимъ лицемъ, которое было не совсѣмъ пасмурно и не совсѣмъ весело; вмѣшался благопристойно въ ихъ разговоры, и скрывалъ, сколько возможно было, омерзеніе и внутренній ужасъ, производимыя въ немъ тѣмъ въ вышшемъ степени сестрою зеленаго карлы, чѣмъ болѣе она старалась ему понравиться и дать ему примѣтить, что онъ весьма по ея вкусу.

По щастію суетность прекрасныя Мергелины наградила все, что особа тонкаго чувствованія увидѣлаб недостаточнаго въ его обхожденіи столь

богато, что она казалась быть совершенно имъ довольною, хотя все, къ чему онъ могъ себя принудить, пребывало въ предѣлахъ безпристрастнаго учтивства, которымъ должны мы гостю и тому полу, къ которому казалось она принадлежала.

Что касается до его тетки, то ничего не могло быть излишнѣе, какъ опасеніе, не подозрѣваетъ ли она его предпріятія. Она знала, что онъ не имѣлъ ни денегъ, ни малѣйшаго знакомства во всей сторонѣ, и такъ ей не приходило на умъ ничего возможнаго, чтобъ онъ могъ предпріять уходъ, къ которому не имѣлъ никакого средства. Правда, то, что онъ осмѣлился ей противиться, а особливо послѣднія слова, проговоренныя имъ въ сердцахъ, ее изумили, и она вознамѣрилась освѣдомиться въ домѣ, не произошло ли можетъ быть въ ея отсутствіе чего нибудь, чтобъ ему могло подать поводъ къ столь необыкновеннымъ рѣчамъ. Но необходимость сдѣлать компанію возлюбленному ея Дону Родригу (ибо въ Розалвѣ господинъ

динЪ Родриго СанхецЪ былЪ столько же легко ДонЪ, какЪ и какой нибудь ГусманЪ) не дала ей на то времени; и тогда увидѣвЪ своего племянника столь учтивымЪ кЪ Доннѣ Мергелинѣ, надѣялась, что онЪ между тѣмЪ образумился, и почла за ненужное заботиться болѣе о выраженіяхЪ, кои, какЪ она думала, могли быть единственныя токмо вліянія безразсудной юношеской пылкости.

Глава шестая.

ДонЪ Силгіо посхищается вЪ сады волшебницы Радіанты. Чудная перемѣна изЪ того произшедшая. Непріятныя слѣдствія оной.

Малой нашей компаніи, или по крайней мѣрѣ госпожамЪ, составляющимЪ душу оной, показалась прогулка столь пріятною, что онѣ непримѣтно проходили до самой ночи.

ВЪ самомЪ дѣлѣ ночь сія казалась быть кЪ тому сотворенною, чтобЪ

чтобъ благодѣтельствовать любви; такая пріятная и свѣтлая ночь, чтобъ цѣломудренная Діана не могла избрать лучшей для усыпленія прекраснаго Ендиміона, или богиня любви для учиненія щастливымъ своего Адонида.

Добродѣтельная и нѣжная Менціа возымѣла о мудрости своего любовника столь великое мнѣніе, что она непримѣтно осталась съ нимъ въ густозаросшей бѣседкѣ, не смотря на то, что въ оной было довольно темно; а не менѣе нѣжная Мергелина пожимала своему вожатому руку съ такою силою, которая способнѣе была показать жестокость ея страсти, нежели легкость ея руки, въ намѣреніи возбудить его изъ задумчивости, въ какую погруженъ онъ былъ довольно долгое время.

Не менѣе прочей компаніи, тронутъ будучи красотами дремлющей природы, которая, казалось въ слабомъ лунномъ сіяніи какъ въ ночной одеждѣ изъ тончайшаго флёра, лежала разпростерта въ небрежной пріятно-

ятности, восхищенный Донъ Силвіо забылъ, гдѣ онъ и съ кѣмъ онъ находится. Онъ вообразилъ себѣ, что переселился въ очарованные сады волшебницы Радіанты; думалъ, что ходилъ подъ сдѣланною сводами аллеею изъ воздушныхъ ясминовъ и никогда неувядающихъ розъ; звѣзды почелъ онъ за Саламандровъ и Саламандръ, забавляющихся деревенскими плясками на лазуревыхъ небесахъ; и кваканье лягушекъ, слышимое изъ близкихъ рвинъ, было въ ушахъ его столькими же восхитительными гласами, воспѣвающими славу несравненной его Принцессы и щастіе его любви. Короче сказать, онъ былъ столько внѣ себя, что въ ту минуту, въ которую прекрасная Донна Мергелина заставила его почувствовать тяжелость своей руки, вообразилъ себѣ, что видитъ при себѣ возлюбленную свою Принцессу.

Какъ? вскричалъ онъ будучи весьма восхищенъ, могу ли я вѣрить глазамъ моимъ? О боги! не сонъ ли это, коимъ обманываетъ меня страстное

стное мое сердце, или я вижу васъ дѣйствительно, прекраснѣйшая Принцесса, и не уже ли жестокость моея страсти превозмогла наконецъ власть ненавистнаго чарованія, и возвратила вамъ небесной вашъ образъ, коего ослѣпляющее сіяніе замѣняетъ отсутствующее блистаніе солнца и разпространяетъ новой прелестнѣйшій день надъ прекраснѣйшею природою? —

Въ семъ тонѣ наивысочайшаго сумасбродства продолжалъ онъ долгое время насказывать изумленной Мергелинѣ такія рѣчи, о которыхъ она ни сколько не понимала не уменьшая для того своего жара. По крайней мѣрѣ примѣтила она изъ голоса и живости, съ какою онъ говорилъ, что рѣчь была о жаркихъ чувствованіяхъ, и какъ она языкъ учтиваго свѣта знала только изъ рыцарскихъ книгъ и надутыхъ романовъ, и сверьхъ того уже получила благосклоннѣйтія предразсужденія о воспитаніи Дона Силвіо, то легко увѣрилась, что знатные и модные люди обыкновенно такимъ образомъ изъясняютъ свою

лю-

любовь. Ибо мысль, что онъ можетъ статься хотѣлъ надъ нею только насмѣяться, сколь бы третьей особѣ ни казалось вѣроятнымъ, была естественно послѣдняя изъ всѣхъ, какія могли взойти въ голову женщинѣ ея рода. И такъ она внимала ему съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, надѣясь, что прелестныя вещи, о коихъ онъ ей сказывалъ, и кои бы она въ самомъ дѣлѣ охотно ему уступила, приведутъ его къ нѣкоторымъ изъясненіямъ, о коихъ она получила нѣкоторыя понятія изъ тайнаго обхожденія съ молодымъ лавошникомъ изъ ихъ сосѣдей, весьма Антиплатоническимъ человѣкомъ, и кои конечно лучше согласовались съ ея положеніемъ, нежели пышнѣйшія изъясненія любви. А чтобъ между тѣмъ не совсѣмъ быть безъ дѣла, и сколько ей было возможно, ускорить желанныя сіи минуты, облокотилась она на него нѣжнымъ образомъ, и прижимала руку его къ подымающейся своей груди, и поворачивала стекляные свои озрачки во лбу столь скоро, что они сдѣ-

сдѣлались Електрическими, и начали въ темнотѣ блистать какъ кошечьи глаза.

Однако какъ воображенiе нашего героя ужаснымъ множествомъ галиматiй, коими привѣтствовалъ онъ мнимую свою Принцессу, было изчерпано, или никакое ослѣпленiе, умоизступленiе и очарованiе не было довольно сильно выстоять противъ ближайшаго воззрѣнiя на Донну Мергелину, то по выходѣ изъ кустарника и вступивши на свѣтлое мѣсто едва кинулъ онъ одинъ взоръ на свою сопутницу, какъ дрожа отъ нея отскочилъ съ великимъ крикомъ и съ неменьшимъ ужасомъ, какъ и Принцесса Ледронетта увидя гадкаго зеленаго змѣя, лежащаго въ ея объятiяхъ вмѣсто супруга, коего воображала себѣ быть прекраснѣйшимъ самаго бога любви.

О небо! что я вижу! вскричалъ онъ въ изумленiи, какое ужасное превращенiе? а! проклятая Фанферлюша, не уже ли гоненiя, кои я отъ тебя долженъ былъ претерпѣвать, не удоволь-

вольствовали несправедливой твоей ненависти? Что я тебѣ сдѣлалъ, что ты въ самую ту минуту, въ которую я думалъ, что обнимаю любезнѣйшую мою Принцессу, поставила на ея мѣсто мерзскую сію карлицу, въ гадчайшихъ объятіяхъ которыя безъ благодѣтельнаго свѣта цѣломудренной богини я самъ можетъ быть превратился бы въ чудовище, или окаменѣлъ какъ бы отъ воззрѣнія на Медузу? Но не думай, чтобъ я такую обиду оставилъ безъ отмщенія. Говори, ты малой безобразнѣйшій уродъ, гдѣ моя Принцесса? Жизнь твоя зависитъ отъ твоего отвѣта. Мнѣ извѣстны смѣшныя намѣренія, кои ты дѣлаешъ на мое сердце; но знай, что ты, вопрѣки всѣмъ Фанферлюшамъ и зеленымъ карламъ, растоптана будешь какъ червь моими ногами, естьли ты въ сіежъ мгновеніе ока не возвратишъ ее въ мои объятія!«

Кто при сихъ словахъ какъ бы упалъ съ облаковъ, то была бѣдная Мергелина. Гнѣвной голосъ, съ какимъ

онъ

онъ на нее напалъ, и угрожающіе взоры, кидаемые имъ, испугали ее столь жестоко, что она подняла ужасной крикъ, на которой Донна Менція и благородной Родриго не преминули столь скоро поспѣшить, сколько дозволялъ имъ тотъ разговоръ, которымъ они были заняты.

Легко можно себѣ представить, сколь они испугались того, что увидѣли и услышали. Состояніе, въ какомъ застали они разгнѣвавшагося Дона Силвіо, и повѣсть, разсказанная имъ обиженною красавицею не безъ великаго пролитія слезъ о всемъ происходившемъ, произвело то, что со всѣхъ сторонъ заключено было, что онъ помѣшался въ умѣ; и рѣчи, кои онъ въ жару своея страсти продолжалъ противу всѣхъ ихъ, не способны были привести ихъ на лучшія мысли.

Между тѣмъ прибѣжали на шумъ, причиненной симъ явленіемъ, домашніе слуги, и сіе кончилось тѣмъ, что Дона Силвіо не смотря на храброе сопротивленіе, имъ чинимое, связавши ему руки и ноги, отнесли въ его горницу.

Раздѣли его, положили въ постелю, и приказали вѣрному Педриллѣ за нимъ примѣчать, между тѣмъ Донна Менціа въ малой своей домашней аптекѣ занята была приготовленіемъ для него слабительнаго порошка, а проворная Мариторна послана за цирюльникомъ для пущенія ему крови.

Глава седьмая.

Донъ Силвіо приходитъ опять самъ въ себя. Разговоръ съ Педрилломъ. Какъ искусно умѣлъ сей обмануть мнимую Фанферлюшу.

Сколь сильны были припадки, коими Донъ Силвіо иногда былъ одержимъ, столь же скоро они и проходили, когда ближайшій степень свой имѣли въ той части души, которой мѣсто божественной Платонъ опредѣляетъ между грудью и перепонкою.

И такъ пробывши едва нѣсколько минутъ одинъ, пришелъ паки самъ въ себя и удивлялся, что видитъ себя въ своей горницѣ и въ постелѣ.

Наконецъ увидѣлъ онъ въ углу Педриллу, которой по первому, примѣченному имъ движенiю своего господина заползъ туда, опасаясь, чтобъ опять не напало на него бѣшенство.

Ты здѣсь, любезной Педрилло, вскричалъ ему Донъ Силвiо такимъ голосомъ и подавая руку; я уже думалъ, что и ты меня оставилъ; но ты имѣешъ доброе сердце и не будешь сожалѣть, что оказываешь столько ко мнѣ преданности.

Педрилло заплакалъ съ радости, услыша молодаго своего господина, коего онъ почиталъ за бѣшенаго, столь смиренно и разумно говорящаго, и оказывалъ ему свою радость въ живѣйшихъ выраженiяхъ, какiя онъ въ скорости могъ найти.

Я не понимаю ни того, что ты мнѣ сказываешь, ни того, что со мною произошло. Еще нѣтъ шести

минутъ, какъ я обрѣтался въ садахъ Царицы Саламандровъ. Не можешь ли ты мнѣ сказать, какъ я зашелъ сюда, и кто связалъ мнѣ такъ руки и ноги?

Буди съ нами Крестная сила, вскричалъ Педрилло испугавшись, что вы тамъ говорите о Саламандрахъ и о Царицѣ, которую конечно вы столько же мало видали, какъ и я свою прапрабабушку. Развѣ вы не знаете, что съ вами случилось? Да съ вашей милостью такъ поступили, что не чудно, что вы упали въ обморокъ. Я лишь было только хотѣлъ вынесть тихонько изъ дому суму, анъ и услышалъ въ саду шумъ; я бросилъ ее скорѣе за кустъ и побѣжалъ во всю мочь посмотрѣть, что бы тамъ было такое, ибо мнѣ послышался вашъ крикъ; но я пришелъ ужъ поздно. Проклятые люди вопили во все горло, что вы, съ позволѣнія вашего сказать, съ ума рехнулись, али и совсѣмъ взбѣсились, они напали на васъ и связали, и я не могъ васъ защитить. Чтобъ ихъ черная немочь по-

стрѣлила! Теперь я вижу, что все было только солгано, и что у васъ также есть всѣ четыре чувства, какъ и у меня и у всякаго добраго христіанина.

Слушай, Педрилло, отвѣчалъ Донъ Силвіо — но развяжи мнѣ сперва сіи проклятыя веревки, я этого не могу долѣе терпѣть — когда я въ сей вечеръ непремѣнно думалъ, что подъ прибытіемъ сея старухи, называющейся моею теткою, сокрыта тайна, то теперь знаю совершенно, что мнѣ должно думать объ этомъ дѣлѣ; со мною случились ужасныя вещи съ тѣхъ поръ, какъ ты меня оставилъ въ саду; но теперь объ этомъ болтать не надобно. Мы здѣсь небезопасны, и Богъ знаетъ, что намъ еще предстоитъ, когда мы не постараемся избавиться скорымъ уходомъ.

Но какъ то будетъ возможно, отвѣчалъ Педрилло: еще всѣ не спятъ; и барыня, старая вѣдьма хотѣлъ я сказать, будетъ приходить всякую минуту, чтобъ дать вамъ,

какъ

какъ она говорила, принять какой-то терпентинной порошекъ.

Можетъ быть ты хотѣлъ сказать, темперирной порошекъ; перервалъ рѣчь его Донъ Силвіо.

Какъ бы онъ ни назывался, сказалъ Педрилло, однако когда я смѣю совѣтовать ващей милости, то вы не будете столько глупы, чтобъ его проглотить; злымъ людямъ не надобно никогда вѣрить въ добрѣ; она вамъ можетъ также дать мышьяку или толченыхъ иголъ, какъ и толченыхъ жерновокъ.

Этого я не опасаюся, отвѣтствовалъ Донъ Силвіо; я болѣе думаю, что она дастъ мнѣ приворотнаго питья, чтобъ воспламѣнить меня къ сей карлицѣ, которая, я и самъ не вѣдаю, дочь ли ея, или племянница. Но я прошу, Педрилло, другъ мой, выдумай средство, какъ бы мнѣ уйти въ сію же ночь, не попадаясь ни старухѣ ни молодой; ибо я увѣряю тебя, шутка, сыгранная ею со мною, столь меня трогаетъ, что

мнѣ бы не возможно было пребыть равнодушнымъ увидя ее.

Знаете ли что? сказалъ Педрилло, подумавши нѣсколько времени; кабы да госпожа Радеманта помогла намъ въ сей нуждѣ, такъ бы лучше всего. Когда она вамъ столь хорошая пріятельница, какъ она говоритъ, то для чего не придетъ и не избавитъ насъ изъ кохтей старой сей яги бабы? По крайней бы мѣрѣ могла она прислать намъ воздушную колесницу или шляпку Принца Коболта или что нибудь такое, чтобъ намъ тѣмъ скорѣе отсюда выбраться. Но такіе большіе господа и госпожи всегда вить такъ дѣлаютъ. Покамѣсть вы ничего не требуете, такъ онѣ обѣщаютъ золотыя горы; но положись-ко только кто на это! Когда въ нихъ самая большая нужда, такъ никого и дома нѣтъ. Я прозакладую, что хочешь, естьли мы превращены будемъ въ скорпіоновъ и драконовъ, такъ она тотчасъ тутъ поспѣетъ засвидѣтельствовать свое сожа-

жалѣніе, и сложитъ вину на судьбу или на опредѣленіе звѣздъ.

Не говори такъ безразсудно, сказалъ ему Донъ Силвіо; развѣ ты думаешь, что волшебницамъ нѣчего иного дѣлать, какъ стоять и ожидать, пока тебѣ взойдетъ на умъ, что они должны намъ служить. Когда мы сами болѣе не будемъ въ состояніи себѣ помочь, то я увѣренъ, что Радіанта не откажетъ въ своей помощи. Между тѣмъ надлежитъ намъ исполнять свое дѣло и думать о способѣ —

Хорошо, хорошо, перервалъ рѣчь его Педрилло, я слышу на лѣстницѣ старую кикимору, теперь дороже доброй совѣтъ! — гумъ; мнѣ вспало нѣчто на умъ; лягте на бокъ и притворитесь, будто вы спите; Такъ! храпите по немножку, а о прочемъ стараться оставьте мнѣ.

Едва онъ выговорилъ, то взошла въ горницу Донна Менціа съ своимъ порошкомъ и держа въ рукѣ стаканъ воды. Что дѣлается съ Домомъ Силвіемъ, спросила она Педриллу,

лу, подошедшаго къ ней на цыпочкахъ; я не думала такъ долго замѣшкаться, но мнѣ —

Не говорите такъ громко, шепталъ ей Педрилло, мой молодой господинъ заснулъ довольно уже давно, а вы знаете, что спящаго льва будить но должно. Покой пользуетъ ему теперь болѣе, нежели всѣ порошки и латверги всего свѣта.

Не имѣлъ ли онъ въ другой разъ припадка тогда, какъ ты былъ при немъ одинъ? спросила старая госпожа.

Нѣтъ, милостивая государыня Фанферлюша, отвѣчалъ Педрилло, поглядывая ей то на лобъ, то на ноги, онъ —

Что ты тамъ сказалъ, перервала рѣчь его Донна Менціа? какъ ты меня назвалъ, каналья? что это значитъ?

Ахъ, я прошу васъ, милостивая государыня, тысячу разъ о прощеніи, отвѣчалъ Педрилло дрожжа, я выговорилъ это не думавши; вить можно легко сказать одно вмѣсто другаго; я хо-

хотѣлъ только сказать: чтобъ это было весьма лучше, естьлибъ ваша милость молодаго моего господина оставили спокойно опочивать; ибо нѣтъ еще четверти часа, какъ онъ вскричалъ: Педрилло! Милостивой Государь, сказалъ я, не изволите ли чего! Слушай, Педрилло, сказалъ онъ, я не знаю, что мнѣ сдѣлалось, говоритъ, но я такъ усталъ, какъ будто всѣ мои члѣны говоритъ разбиты были на двое; говоритъ, но я думаю, что естьлибъ я соснулъ, то мнѣ бы было лучше, говоритъ, и съ тѣмъ легши на бокъ и заснулъ. Слышите ли, какъ онъ храпитъ?

Онъ спитъ, сказала Донна Менціа заглянувши за занавѣсъ; это мнѣ пріятно, что онъ опять такъ спокоенъ. Не буди его; а когда онъ самъ проснется, то дай ему принять этотъ порошекъ; онъ ему будетъ полезенъ. Между тѣмъ придетъ цирюльникъ, которой пуститъ ему кровь; ибо не можно быть довольно предосторожну. Онъ конечно заснулъ только отъ усталости, и лихорадка можетъ возвра-

титься тѣмъ жесточае, когда онъ пробудится.

Я думаю, сказалъ Педрилло, что ваша милость можетъ весьма спокойно лечь опочивать; я надѣюсь, что самое худшее уже прошло. Между тѣмъ я стану за нимъ примѣчать; но не дамъ его разбудить, естьли бы пришелъ и самой *Багдадской цирюльникъ* (*). Онъ можетъ мнѣ пособить ка-

(*) *Багдадской цирюльникъ* непремѣнно долженъ быть извѣстенъ всѣмъ читателямъ справедливыя тоя повѣсти изъ Арабскихъ сказокъ, которую господинъ **Гамильтонъ** описываетъ искусно шутливымъ своимъ образомъ.
Volumes des Contes ſans fin
Ou l'on avoit mis à deſſein
L'Orientale Allegorie,
Les Enigmes, & le Genie
Du Talmudiſte & du Rabbin,
Et ce bon gout de leur patrie,
Qui, loin de ſi perdu en chemin,
Parut, ſortant de chez *Barbin*,
Plus Arabe qu'en Arabie.

караулить; когда мой молодой господинъ опять задуритъ, то все лучше намъ двоимъ его стеречь, нежели одному.

Донна Менція казалась быть симъ довольною, и оставила горницу своего племянника, дабы вѣстію, что ему стало лучше, успокоить гостей своихъ, бравшихъ не мало участія въ нещастіи.

Какъ ты меня испугалъ, сказалъ Донъ Силвіо, какъ они опять были одни; когда ты будешь удерживать проклятой свой языкъ? И можетъ ли быть что безразсуднѣе и глупѣе, какъ чтобъ сказать ей въ лицо, что ты почитаешь ее за волшебницу Фанферлюшу?

Не гнѣвайтесь только, милостивой государь; отвѣчалъ Педрилло, вы сами должны признаться, что я вмигъ загладилъ мою ошибку; а это вить искуство. На всякаго мудреца довольно простоты, я хотѣлъ сказать, вить и попъ на каѳедрѣ проговаривается, да я слыхалъ, что и барыня-та часто за столомъ говоритъ, что

тотъ

томъ Генералъ и лучше всѣхъ, которой дѣлаетъ больше ошибокъ, — охъ нѣтъ! которой лучше — которой свои ошибки — я теперь не могу вспомнить, но оно было нѣчто о ошибкахъ, и очень пригодно къ теперешнему случаю —

Я думаю ты бредишь, перервалъ рѣчь его Донъ Силвіо? Что за дурацкой вздоръ ты опять заболталъ, не заботясь о томъ, что мнѣ теперь надобно исполнять важнѣйшія дѣла, нежели чтобъ слушать твои глупости? Поди, сползи между тѣмъ, какъ я одѣваюсь, тихонько на низъ, и посмотри, легла ли она спать; мы, какъ возможно, должны стараться уйти прежде, нежели придетъ цирюльникъ, а не то онъ насъ задержитъ и все будетъ потеряно.

То то и дѣло, отвѣчалъ Педрилло; Мариторна уже съ часъ какъ ушла, и когда она нашла его дома, то мы ни одной минуты не безопасны отъ его прихода.

Станемъ надѣяться лучшаго, сказалъ молодой рыцарь, которой уже

по-

почти одѣлся, поди и дѣлай то, что я тебѣ приказалъ, а какъ примѣтишь, что въ домѣ все тихо, то пройди по маленькой лѣсенкѣ въ садъ и ожидай меня у зеленаго за́мка, гдѣ легче можно перелезть чрезъ садовую стѣну, ибо она довольно обвалилась.

Да гдѣжъ вашъ ключь, спросилъ Педрилло — Да да, теперь-то я образумился, они у васъ въ саду обобрали все желѣзо, какое у васъ нашли, шпагу, ножикъ, ключь, да и самой пробошникъ, опасаясь, что бы вы имъ или себѣ не сдѣлали какого вреда.

Хорошо, хорошо, сказалъ Донъ Силвіо, поди и ожидай меня у зеленаго за́мка, намъ не должно терять ни минуты.

Педрилло повиновался, и спустя четверть часа, увидѣлъ Донъ Силвіо, коего горница лежала къ саду, что онъ обиваетъ померанцовыя деревья въ аллеѣ, ведущей къ зеленому за́мку. Онъ лишь только было хотѣлъ за

нимъ слѣдовать, какъ примѣтилъ, что у него нѣтъ шпаги. А безъ шпаги выѣзжать на приключенія, казалось ему такою непристойностію, какой никогда извинить не можно. Хотя я могу надѣятся, что волшебница Радіанта въ случаѣ нужды дала бы мнѣ алмазную, однако это бы было признакомъ трусости, естьлибъ я не хотѣлъ носить никакого другаго оружія, кромѣ волшебнаго. Наконецъ вспомнилъ онъ объ одномъ старомъ рыцарскомъ палашѣ, лежавшемъ между другими древностями въ лоскутной камерѣ не далеко отъ его горницы, и которой казалось со временъ Короля Фердинанда Католическаго, мало оказывалъ услугъ. Тяжелость достопочтеннаго сего прибочнаго оружія дѣлала ему необходимость, употреблять оное, весьма непріятною; но не зная, чѣмъ бы то замѣнить, вооружился имъ съ намѣреніемъ промѣнять его при первомъ случаѣ на ручнѣйшій.

Все-

Всеобщая тишина, владычествовавшая въ домѣ, увѣрила его, что всякой уже ушелъ на постелю. И такъ прокрался онъ весьма бодро въ садъ, гдѣ Педриллѣ всякая минута медленія казалась часомъ, столько опасался онъ, чтобъ ихъ уходъ возвращающеюся Мариторною не былъ открытъ рано. Сіе и страхъ того, чегобъ онъ имѣлъ ожидать отъ мщенія волшебницы Фанферлюши, выгоняли у него весь другой страхъ изъ головы.

Однако доброе щастіе нашего молодаго рыцаря попеклось уже о сей трудности. Мариторна либо боясь привидѣній, либо не захотѣвши отважиться итти ночью одна, дала позволеніе своему любовнику, домашнему слугѣ себя проводить. На дорогѣ нѣжная сія чета взманена была пріятностями обманчивой сей ночи сѣсть въ одномъ маломъ кустарникѣ. Что сказать намъ? Случай былъ благосклоненъ, любовникъ неотступенъ, красавица слаба; короче, податливѣйшая Мариторна забыла, что должна бы-

была привесть цирюльника, и какЪ она о томЪ опять вспомнила, то уже такЪ близко былЪ разсвѢтЪ, что за лучшее почла совершенно дождаться дня, нежели можетЪ быть добраго цирюльника разбудить отЪ пріятнаго утренняго сна.

ЧУДНЫЯ ПОХОЖДЕНІЯ ДОНА СИЛВІО де РОЗАЛВЫ.

КНИГА ТРЕТІЯ.

Глава первая.

Тайной уходъ чудныхъ нашихъ странствениковъ; споръ, произшедшей между ими за одно дерево, которое Педрилло почелъ за пеликана.

Уже было почти полчаса за полночь, какъ Донъ Силвіо со многими благоговѣйными вздохами къ обладательницѣ своего сердца въ товариществѣ вѣрнаго и изрядно нагруженнаго Педриллы вступилъ въ чудное свое странствованіе. Маленькой Тинтинъ, которой по приказу волшебницы былъ

также вмѣстѣ съ ними, прыгалъ передъ ними бодро и велъ ихъ, либо по одному только природному побужденію, или по тайному указанію какой нибудь волшебницы, по той дорогѣ, на которой Донъ Силвіо нашелъ портретъ своея Принцессы. Педрилло хотя и много отвращалъ отъ того, представляя, что бы имъ способнѣе было итти по лѣвому берегу Гвадалквивира, протекающаго внизъ по лѣсу. Однако Донъ Силвіо остался притомъ, что онъ не хочетъ имѣть никакого другаго путеводителя, кромѣ Тинтина, о которомъ онъ началъ думать, что онъ можетъ быть самъ есть нѣкоторой родъ волшебницы или по крайней мѣрѣ разумнаго животнаго. И такъ Педрилло долженъ былъ склониться, хотя онъ и весьма боялся ночнымъ временемъ итти по лѣсу, гдѣ фантазія его превращала все имъ видѣнное въ страшилища. Самое худшее было то, что какъ они прошли съ часъ времени, то небо начало покрываться облаками, кои едва оставили имъ столько свѣта, чтобъ найти

ти въ лѣсу дорогу, хотя оной былъ и не изъ самыхъ густыхъ.

Сіе обстоятельство не преминуло совсѣмъ смутить воображеніе бѣднаго Педриллы. Ему вспали на умъ вдругъ всѣ повѣсти о страшилищахъ, кои онъ слыхалъ изъ дѣтства, ему казалось, что всякую минуту видѣлъ онъ нѣчто подозрительное, и дрожжалъ при всякомъ примѣчаемомъ имъ шумѣ столь *сильно*, какъ Клопштоковъ діаволъ, или еще *сильнѣе*.

Ты такъ трясешся, какъ будто въ лихорадкѣ, сказалъ ему Донъ Силвіо, примѣтя уже давно его боязнь.

Для Бога, милостивой государь, говорилъ заикаясь Педрилло и схвативши его за рукавъ, развѣ вы ничего не видите.

Я вижу деревья такъ хорошо, какъ токмо можно видѣть ихъ въ темнотѣ, отвѣчалъ Донъ Силвіо.

Господи помилуй! сказалъ Педрилло прерывающимся голосомъ, развѣ вы не видите вонъ тамъ ужаснаго великана, которой вдругъ выходитъ изъ земли, вонъ и лѣвая рука? Онъ

 часъ

часъ отъ часу становится болѣе, и простираетъ къ намъ кажется мнѣ, сто рукъ! Видите ли вы его? Онъ все подходитъ ближе!

Мнѣ кажется, ты не въ полномъ умѣ, отвѣчалъ Донъ Силвіо; разтвори глаза-то получше, и постыдись, что ты дерево почитаешь за великана.

Дай только Господи, чтобъ это было что не хуже великана, сказалъ Педрилло. Вы говорите, дерево? Развѣ у дерева есть руки да ноги?

Я тебѣ сказываю, болванъ, отвѣчалъ Донъ Силвіо, что это дерево; что ты почитаешъ руками, суть его сучки, оно кажется отъ часу прибываетъ, это потому, что земля, по которой мы идемъ, нѣсколько возвышенна, и оно часъ отъ часу къ намъ приближается, ибо мы къ нему подходимъ. Когда ты столько боязливъ, что дубы почитаешь за великановъ, то бы я хотѣлъ узнать, за что ты почтешь дѣйствительныхъ великановъ, кои намъ можетъ быть еще попадутся. Что касается до меня, то я клянусь

нусь тебѣ, что естьлибъ всѣ деревья въ этомъ лѣсу превратились въ великановъ, то бы я ихъ и тогда не испугался.

Я прошу васъ, милостивѣйшій государь, отвѣчалъ Педрилло, не говорите такъ громко; у меня волосы становятся дыбомъ, когда вы такъ говорите. Великаны могутъ васъ подслушать; повѣрьте мнѣ, и съ однимъ управиться для васъ очень бы было довольно. Я прошу васъ Христа ради, уступите ему дорогу, и не дѣлайте ничего; мнѣ только жаль молодой моей крови; страшилище не стало бы дѣлать разбора, и я бы заплатилъ за вашу брань, хотя и невиненъ.

Я думалъ это же, отвѣчалъ Донъ Силвіо усмѣхаясь, что тебѣ только до твоей кожи и дѣло; но не опасайся ничего; волшебница Радіанта именно опредѣлила тебя моимъ сопутникомъ, и ты состоишь подъ ея покровительствомъ также, какъ и я. Я тебѣ еще сказываю, что естьлибъ всякое дерево въ семъ лѣсу превратилось въ великана и изъ всякаго листочка выползъ молодой лѣшей, то намъ не-

чего было бы и тогда опасаться. Но видишъ ли ты, что твой великанъ есть не болѣе ни менѣе, какъ то, что я сказывалъ? Мы теперь подошли къ нему весьма близко, а естьли ты еще не хочешъ вѣрить, что это дерево, дубовое дерево говорю я тебѣ, такой дубовой дубъ, какой когда либо бывалъ, то я на показъ отрублю отъ него сучекъ.

Ахъ батюшко, милостивой государь, вскричалъ Педрилло схватя его за руку, не дѣлайте этого, я прошу васъ; ради Господа Бога не троньте его; не сдѣлайте себя и меня дерзостію своею нещастливымъ. Липа ли это теперь или дубъ, но я видѣлъ моими глазами, что это былъ ужасной великанъ; да и не говорю, чтобъ это былъ точно великанъ; Богъ знаетъ, что бы это было; но я знаю, что я видѣлъ; дьяволъ, спаси насъ Господи! есть великой искусникъ и можетъ столь же хорошо --

Знаешъ ли ты Педрилло, перервалъ рѣчь его Донъ Сильвіо, что мнѣ сумасбродной твой вздоръ наскучилъ?

Ну

Ну къ чорту, я думаю, ты хочешь сдѣлать изъ меня Дона Кишота, и уговорить меня почитать вѣтреныя мельницы за великановъ? посмотри, какъ я боюсь твоего великана! съ сими словами выхватилъ онъ свой палашь, и срубилъ однимъ махомъ посредственной сучокъ.

Педрилло сначала столь сильно испугался сего дерзкаго поступка, что чуть не упалъ; но увидя, что не произошло никакихъ худыхъ слѣдствій, паки ободрился. Я не думалъ, сказалъ онъ нашему герою, что бы вы были такъ смѣлы, господинъ Донъ Силвіо; я думаю, прости мнѣ Господи, что вы бы взбѣсясь схватились съ дьяволомъ и его бабушкою. Но нечего еще, намъ рано пѣть побѣду. Посмотрите, не течетъ ли кровь изъ сука?

Вотъ посмотри самъ, сказалъ Донъ Силвіо, подавая ему сукъ, и признайся, что ты сумасброднѣйшей болванъ, какого я когда либо только видалъ. Откуда ты взялъ всѣ сіи насказанныя тобою дѣдовскія враки?

Все, что я сказалъ, милостивой государь, право, не такъ глупо, какъ вы думаете; я читывалъ много подобныхъ вещей, и что случилось однажды, то можетъ и вдругоредь опять случиться. На примѣръ, я вздумалъ теперь о нѣкоторомъ Троянскомъ Принцѣ, не знаю, Коридоръ ли, Исидоръ (*) ли онъ назывался, однако въ его имени *дорится* что-то такое. Онъ былъ нѣкоторымъ Магометанскимъ волшебникомъ превращенъ въ кипарисное дерево, и какъ Папа Эней Силвій, не вѣдаю для чего, велѣлъ его обрубить, то при всякомъ ударѣ вытекала кровь, свѣжая кровь, такая красная, какъ только можно ей быть. Люди, какъ вы себѣ легко вообразить можете, ужасно испугались; но Папа Эней примѣтя тотчасъ, что тутъ должно быть тайнѣ, приказалъ, чтобъ продолжали его рубить, и чтобъ, вы думаете, сдѣлалось! Изъ де-

(*) С. Виргиліевой Енеиды книгу III, съ начала.

дерева услышанъ былъ голосъ, чрезвычайно жалостной голосъ, сказывающій, что оно есть душа Исидора, или какъ онъ назывался, и что съ нею сдѣлалось, и какъ она невѣрнымъ волшебникомъ превращена была въ сіе дерево не могши прежде ни исповѣдаться или приготовиться; и просила всѣ христіанскія сердца притомъ бывшія столь плачевно, что всякой долженъ былъ проливать горячія слезы, чтобъ онѣ для умягченія ея муки прочли за нее нѣсколько дюжинъ *Богородице Дѣво радуйся.*

Я долженъ признаться, сказалъ Донъ Силвіо, какъ Педрилло окончалъ свою повѣсть, что ты ужасно много читалъ, Педрилло; а что касается до дарованія разсказывать, то я хочу прозакладовать за́мокъ мой и все мое имѣніе, когда въ Саламанкѣ или какомъ другомъ Испанскомъ Университетѣ находится Баккалавръ, которой бы отважился съ тобою схватиться. Я бы всѣмъ имъ оспорилъ то, что они Троянскаго Принца сводятъ вмѣстѣ съ Папою Энеемъ Сил-

 віемъ

віемЪ или ПіемЪ вторымЪ, какЪ ты сдѣлалЪ, этому надобно случиться вЪ адѣ, куда Эней Силвій конечно не пошелЪ, ибо онЪ былЪ одинЪ изЪ благочестивѣйшихЪ и ученѣйшихЪ ПапЪ, какіе когда либо предстояли церкви.

Вашей милостѣ такЪ угодно говорить, отвѣчалЪ Педрилло; но вЪ правду ли бы то было или нѣтЪ, но я увѣряю васЪ, что я вЪ семЪ случаѣ, когда я еще не обученЪ, ни передЪ кѣмЪ не боюсь, кто бы онЪ таковЪ ни былЪ, хотябЪ то былЪ тройной БакуларЪ или и самЪ доктерЪ всѣхЪ семи факлитетовЪ. Мнѣ еще не было осьми лѣтЪ, а я ужЪ узналЪ наизусть всѣ исторіи Овидіуса Носуса и всѣ басни вЪ Флоріановой хроникѣ; э, ища вы этова за мной не знали? а память у меня была слоновая, и старой нашЪ попЪ, упокой его Господи! часто говаривалЪ моей бабушкѣ, кабы да мнѣ учиться, такЪ бы я былЪ, и БогЪ знаетЪ что, ЕпископЪ или и ГенералЪ-ВикаріусЪ. Да кто знаетЪ, что бы сдѣлалось! Когдаб

дабЪ

дабъ его благородіе, вашей милости батюшко не взялъ меня въ замокъ, въ ту пору, какъ бабушка моя хотѣла меня пристроить къ своему брату, которой тогда былъ пономаремъ въ деревнѣ не далеко отъ Толеды, и, какъ люди сказывали, былъ въ великой милости у Архіепископа. Но не подумайте, чтобъ я хотѣлъ сказать, что я что нибудь потерялъ при этой перемѣнѣ. Хлѣбъ ѣсть вездѣ хорошо. Ваша милость знаете, что я вамъ, такъ сказать, съ дѣтства служилъ вѣрою и правдою, и я увѣренъ, что вы сдѣлаете мое щастіе, какъ, Богъ дастъ, мы найдемъ нашу Принцессу. Потому что хотя вы и такойже благородной дворянинъ какъ и всякой другой въ христіанствѣ, но я навѣрно знаю, что вы слово свое также честно держите, какъ будто бы мужикъ.

Симъ образомъ доброй Педрилло продолжалъ болтать довольное время, господинъ же его углубясь совсѣмъ въ другія мысли ни мало тому не внималъ. Педрилло болталъ такъ,

какъ

какъ дѣти обыкновенно поютъ въ темнотѣ; ибо онъ еще все столь боялся, что его пронималъ холодной потъ, и не было ни одного Святаго въ святцахъ, коему бы онъ не сдѣлалъ въ мысляхъ обѣта, когда онъ дастъ ему здраву и невредиму достигнуть дневнаго свѣта.

Глава вторая.

Достопамятное приключенiе съ Саламандромъ и болотомъ.

Между тѣмъ наши путешественники не взирая на часъ отъ часу прибывающую темноту, столь далеко выбрели изъ лѣсу, что увидѣли открытое мѣсто, видъ котораго былъ для бѣднаго Педриллы прямымъ соблазномъ. Онъ поворотилъ туда, и радость его не мало умножилась, какъ онъ въ нѣкоторомъ отдаленiи усмотрѣлъ свѣтъ, которой почелъ за знакъ, что въ той сторонѣ стоитъ трак-

трактирЪ или корчма, гдѢбЪ они могли дождаться наступленія дня.

Однако радость его превратилась скоро вЪ страхЪ и ужасЪ, какЪ онЪ увидѢлЪ, что сей свѢтЪ внезапу приближился и сдѢлался примѢтно больше. ДонЪ Силвіо напротивЪ того едва сіе увидѢлЪ, то исполненЪ будучи радости вскричалЪ: Видишь ли теперь, Педрилло, что я не напрасно надѢялся положившись совсѢмЪ на помощь великой Радіанты?

Что мнѢ видѢть, сударь, спросилЪ Педрилло?

ТебѢ должно быть слѢпѢе Тирезіи, когда ты о томЪ спрашиваешь? РазвѢ ты не видишЪ Саламандра, поспѢшающаго кЪ намЪ во всемЪ великолѢпіи обитателя наичистѢйшаго огненнаго круга?

Саламандра, вскричалЪ Педрилло, гдѢжЪ онЪ, скажите мнѢ, я покорно прошу васЪ? ибо я ничего не вижу, кромѢ огненнаго мужика, которой чаятельно вЪ жизни своей сдѢлалЪ какое нибудь злодѢйство вЪ этой

сте-

сторонѣ, и нынѣ въ наказаніе за то долженъ быть огненнымъ.

Муракъ, отвѣчалъ Донъ Сильвіо нѣсколько разсердившись; развѣ твои суевѣрные зенки не могутъ нигдѣ ничего видѣть, кромѣ страшилищъ, кои старая бл. . . твоя бабушка наслѣдовала отъ своей прабабушки и вселила въ глупой твой мозгъ! То, что ты почитаешъ за огненнаго мужика, есть, говорю я, Саламандръ, и одинъ изъ прекраснѣйшихъ, кои осіяваютъ блистательной престолъ великой Радіанты. Видишъ ли его локоны, волнящіяся около багряновидной шеи на подобіе извивающихся солнечныхъ лучей? Видишъ ли очи его, блистающія какъ двѣ утреннія звѣзды? Видишъ ли лазуревыя и свѣтомъ переложенныя крылья, коими онъ, яко безсмертный, въ величественномъ летаніи разсѣкаетъ воздухъ?

Браво! господинъ Донъ Сильвіо, вскричалъ Педрилло, ударя себя въ лобъ кулакомъ, либо я муракъ, либо вы не очень умны; я хочу быть размученъ, когда изъ всего того, что

вы

вы мнѣ сказывали, вижу что нибудь кромѣ маленькаго огненнаго клуба, летающаго по воздуху, и то приближающагося, то отступающаго; вы можете назвать то, какъ вамъ угодно, но я слыхалъ, что огненные мужики —

Педрилло, другъ мой, сказалъ Донъ Силвіо, когдабъ я не имѣлъ сожалѣнія о твоей простотѣ, то бы мнѣ очень хотѣлось такъ затворить тебѣ безстыдной ротъ, что бы ты никогда того не забылъ. Я было право думалъ, что господинъ Педрилло повѣритъ мнѣ, что я знаю, что такое есть Саламандръ, когда я больше десяти тысячь видалъ ихъ въ свитѣ волшебницы Радіанты. Это Саламандръ, говорю я тебѣ, которой чаятельно имѣетъ о чемъ нибудь со мною переговорить, или можетъ быть посланъ только для показанія намъ дороги; чтобъ ни было, однако мы за нимъ пойдемъ, а прочее откроется само собою.

Такъ пусть будетъ это Саламандръ, когда вамъ такъ угодно, отвѣ-

отвѣчалъ Педрилло; вамъ надобно разумѣть лучше такія дѣла, нежели намъ. Ваша милость родились можетъ быть въ воскресенье, ибо сказываютъ, что воскресные дѣти могутъ въ ясной полдень видѣть духовъ.

Это не несправедливо, что ты говоришь, сказалъ Донъ Силвіо. Сіе можетъ быть есть дарованіе, коимъ при рожденіи одарила меня какая нибудь волшебница, что воздушные духи, коихъ по ихъ естеству тѣлесными глазами усмотрѣть не можно, для меня не невидимы (*).

Когда

(*) Донъ Силвіо говорилъ бы можетъ быть еще смѣлѣе, когдабъ великой духовидецъ *Шведенборгъ* въ его время не былъ уже извѣстенъ. Въ самомъ дѣлѣ для чегожъ его *внутренности* не быть столькожъ откровенной, какъ и Шведенборговой? Впрочемъ, кажется намъ, Донъ Силвіо въ томъ скромнѣе, что онъ вмѣсто того, чтобъ, какъ сей странной мужъ, сума-

Когда бы и такъ было, сказалъ Педрилло, то бы мнѣ совсѣмъ нечего видѣть. По вашему описанію сей Саламандръ такъ прекрасенъ, какъ Херувимъ; для чего онъ не дозволяетъ мнѣ увидѣть себя въ собственномъ своемъ видѣ, и для чего показывается лучше въ страшномъ образѣ огненнаго мужика.

Тому виною испорченное твое вображеніе, отвѣчалъ Донъ Силвіо. Когдабъ ты огненныхъ мужиковъ не имѣлъ уже въ головѣ, то бы безъ сомнѣнія увидѣлъ то же, что и я вижу; тебѣ то же кажется и съ Саламандромъ, что казалось прежде съ дубомъ, которой ты почелъ за великана —

Потише, потише, господинъ Донъ Силвіо, сказалъ ему Педрилло, оставьте

сумасбродство свое приписываетъ *Божескому милосердію*, мнимое свое дарованіе видѣть духовъ, почитаетъ за подарокъ какой нибудь волшебницы при крещеніи.

это въ покоѣ; о томъ, что сдѣлалось, надобно говорить получше. Я думалъ, что одна учтивость стоитъ другой, и когда я допустилъ быть вашему Саламандру, то вы бы могли и моего великана оставить при его достоинствѣ. Кто знаетъ, можетъ быть они другъ съ другомъ ближайшіе сродники, нежели кто себѣ воображаетъ, ибо правду сказать, земля, на которую ведетъ насъ вашъ Саламандръ, начинаетъ становиться вязчѣе; я все опасаюсь, что онъ для насъ не лучше сдѣлаетъ, какъ и простой огненной мужикъ; потому что для злыхъ канальевъ нѣтъ радостнѣе, какъ ежели когда могутъ бѣдныхъ путешественниковъ завести въ тину или болото.

Педрилло едва сіе выговорилъ, какъ Донъ Силвіо, которой все шелъ далѣе, слѣдуя мнимому Саламандру болшими шагами, врютился по колѣни въ тину. Педрилло хотѣвшій подать ему помочь, какъ скоро услышалъ, что онъ карабкается, сдѣлалъ сіе съ толь малою осторожностію,

что

что съ нимъ еще приключилось хуже, нежели съ его господиномъ; ибо онъ по горло увязъ въ грязи. Жалостной крикъ, имъ поднятой, заставилъ героя нашего опасаться, не вывихнулъ ли онъ, или и совсѣмъ не переломилъ ли ноги. Что тебѣ сдѣлалось, любезной Педрилло, что ты такъ жалостно кричишь, вскричалъ онъ ему, выкарабкиваясь самъ изъ болота, сколько ему то позволяла длина и тяжесть прибочнаго его оружія. Гдѣ вы, сударь, вскричалъ томно Педрилло? Все ли вы еще въ старомъ видѣ, или ужъ мы превращены въ лягушекъ; Господи помилуй! мнѣ кажется, что я ужъ квакаю, естьли это не страхъ, отъ котораго я совсѣмъ съ ума сошелъ. Вотъ тебѣ на! не говорилъ ли я прежде, что это будетъ, и сдѣлаете ли вы такую милость, повѣрите ли мнѣ въ другой разъ? Гдѣжъ теперь Саламандръ съ своими злато-цвѣтными крыльями и лазуревыми локонами и съ утренними звѣздами въ глазахъ? Онъ ушелъ къ чорту, не

заботясь о томЪ, какЪ намЪ выдраться изЪ этой пропасти.

Нещастіе еще не столь велико, какЪ ты себѣ представляешь, сказалЪ ДонЪ Силвіо, и какЪ бы то ни было, но СаламандрЪ не виноватЪ. Для чего мы не смотрѣли себѣ лучше подЪ ноги; ибо онЪ довольно насЪ освѣщалЪ? А что онЪ пропалЪ, то причиною тому конечно ничто иное, какЪ твой поганой ротЪ. —

О не говорите этого, вскричалЪ Педрилло, выползши между тѣмЪ изЪ грязи; ну кЪ чорту! я думаю, что я довольно помылся, и болѣе, нежели хотѣлось; я ввалился туда во весь ростЪ, и у меня набрался полонЪ ротЪ такого соуса, которой конечно не такЪ вкусенЪ, какЪ мускаты, я васЪ вЪ томЪ увѣряю.

Полно, сказалЪ ДонЪ Силвіо, на такомЪ путешествіи, какЪ наше, должно все нравиться. Но естьли сказать правду, то я самЪ начинаю сомнѣваться. Хотя я всегда побожусЪ вЪ томЪ, что я видѣлЪ Саламандра, то однако не невозможно, чтобЪ наши

непріятели, не смѣющіе употребить противъ насъ явной силы, покушались хитростью отстрашить насъ отъ продолженія нашихъ предпріятій?

Когдабъ я смѣлъ говорить, то бы зналъ, что сказать.

А что бы ты сказалъ?

То, что нащи непріятели не столько виноваты?

А почему это, естьли смѣю просить, господинъ Педрилло?

Потому что мнѣ думается, что мы не очень умны, что ночью и въ туманъ таскаемся по лѣсамъ, да по болотамъ, и проламываемъ головы объ деревья, падаемъ въ тины и въ грязь, а для чего? Чтобъ убѣжать отъ маленькаго мѣшечка со сто тысячами червонныхъ, на коихъ бы мы могли жениться, и что бы намъ ни полушки болѣе не стоило кромѣ двухъ словъ *быть такъ*.

Болото, какъ я вижу, произвело большую перемѣну въ твоихъ мысляхъ, отвѣчалъ Донъ Силвіо; но прежде, нежели далѣе вступимъ въ сію матерію, не сдѣлаешъ ли ты милости, и

не вынешЪ ли мнѣ изЪ сумы пару чулокЪ, ибо тѣ, кои на мнѣ, такЪ мокры и изпакощены, какЪ хуже быть не льзя.

Ваша милость, отвѣчалЪ Педрилло, можете все еще быть довольнѣе СаламандромЪ, нежели я; ибо я отЪ головы до ногЪ такЪ обЪаромаченЪ, что мнѣ надобно употребить цѣлой день для обсушенія себя. Мнѣ кажется, я вижу здѣсь маленькой холмЪ, гдѣ мы можемЪ нѣсколько осмотрѣться и переодѣться. ВотЪ видите, продолжалЪ онЪ развязывая свою суму, напрасна ли была моя предосторожность? КудабЪ хорошо намЪ было сидѣть, естьлибЪ мы стали ждать, покамѣстЪ бы волшебница Радеманта принесла намЪ подЪ носЪ новое бѣлье. — Но возвратимся кЪ дѣлу, я думаю, что вы довольно прохладились, чтобЪ говорить о дѣлѣ сЪ хладнокровіемЪ. Каково бы было, господинЪ ДонЪ Силвіо, естьлибЪ мы здѣсь дождавшись дня, потомЪ тотчасЪ возвратилисЪ туда, отЪ куда пришли? Мнѣ кажется, мы зачали что-то такое, видите вы, чему не увидимЪ

конца. Право, я соглашусь лучше искать булавку въ стогу сѣна, нежели бабочку въ бѣломъ свѣтѣ; да еще всѣ опасности, коимъ должно при томъ подвергнуться, исколоться терновникомъ, переломить ногу, шишки на головѣ, великаны, Саламандры, болоты — И все это только за прекрасные бабочкины глазки! Ей Богу, не болѣе бы этого можно было вытерпѣть, когда бы дѣло шло за прекрасную Греческую Гекубу! Конечно эта бабочка есть урожденная Принцесса; но видите, сударь, когда сказать то, что у меня на сердцѣ, потому что я всегда былъ чистосердечной дуракъ, здѣсь есть *но*, кое все дѣло у насъ портитъ. Бабочка Принцесса есть конечно знатная бабочка; ну къ чорту, Принцесса, которая есть только бабочка, и еще менѣе Принцессы въ кукольной игрѣ. Ибо когда Принцесса Таламагака или Россабарба покажется съ вострымъ подбородкомъ, съ своею жестяною короною и со своимъ долгимъ шлейфомъ изъ подложнаго золота, то однако Лолотка ей не уступа-

 па-

паетъ, которая, естьли дѣло дойдетъ до кое-чего, не хуже всякой Принцессы, и не дѣлаетъ столь много околичностей; этого вы мнѣ не можете оспорить? и посмотрите, сударь, что я хотѣлъ сказать —

Ай да Педрилло, это несравненно, вскричалъ Донъ Силвіо, ты говоришъ, какъ Цицеронъ; продолжай только, ибо мнѣ хочется увидѣть, что выдетъ изъ этого, когда ты кончишь.

Это вы тотчасъ увидите, милостивой государь, отвѣчалъ Педрилло: я довольно примѣчаю, что вы хотите надо мною посмѣяться, однако вить нѣкогда и оселъ давалъ хорошей совѣтъ Пророку. Дѣти и дураки говорятъ правду, и все дѣло состоитъ въ томъ, что *я имѣю* было всегда лучше, нежели *я бы имѣлъ*; съ желаній то, какъ говорится, вить никто богатъ не сдѣлался. Госпожа Радуганта обѣщала вамъ конечно много; но обѣщать, есть дѣло, а сдержать обѣщанье, есть совсѣмъ другое, говоритъ

ритъ Гансъ Переттъ (*), а естьли наконецъ хорошенько-то разсмотрѣть, то и выдетъ точно такъ, какъ естьлибъ кто нибудь подарилъ мнѣ сокровища, кои я долженъ взять не вѣсть гдѣ? Каково бы было, естьлибъ мы держались того, что ужъ у насъ есть? Донна Шмергельыня есть молодая женщина, которой со всемъ тѣмъ такъ же не должно презирать; вить сто тысячь червонныхъ, право, сударь, денежки, да хотябъ ихъ было нѣсколькими тысячами и поменьше, такъ можетъ быть все было болѣе, нежели чего стоитъ княжество, которое бы принесла вамъ ваша Принцесса. Къ тому же вѣть кто вѣдаетъ, что такое есть Донна Шмергельыня, когда ее разсмотрѣть пристальнѣе; по крайней мѣрѣ она все таки племянница вол-

(*) Voy. les contes de la Fontaine tom. II. pag. 167.

Prometre eſt un, & tenir eſt un autre;
Avec le tems j'acquitterai les dix,
En attendant, Perette, adieu vous dis.

волшебницы Фанферлюши, а Фанферлюша-та вить какъ бы она суха и дурна ни была, однако таки такая же волшебница, какъ и другая, и можетъ, когда захочетъ, одинъ разъ ударивши волшебнымъ своимъ прутикомъ, всѣ кирпичи въ вашемъ замкѣ превратить въ рубины.

Все это хорошо, отвѣчалъ Донъ Сильвіо; но ты самъ мнѣ признался, что Донна Шмергелиня такъ дурна, что не возможно ей любить. —

А что до этого касается, сказалъ Педрилло, то я долженъ признаться, что она не красавица; однако когда посмотрѣть на нее внимательнѣе, то въ лицѣ ея есть нѣчто такое —

Да, угрей да шадринъ столько, сколько тебѣ угодно, перервалъ рѣчь его Донъ Сильвіо.

А что до этого дѣла, сударь? Красота есть увядающій цвѣтокъ, красота пропадаетъ, добродѣтель остается; отъ невидной Фіалки запахъ лучше пышнаго, но вонючаго бархатца. Впрочемъ она не столь же и дурна, какъ

какъ вы говорите; Правда, она довольно горбата, и при первомъ взглядѣ подумалъ я, что у нее красные волосы; но естьли ихъ разсмотрѣть съ нѣкоторой стороны, то они болѣе походятъ на розовые, что въ самомъ дѣлѣ ей не непристало. Короче сказать, естьлибъ я былъ на мѣстѣ вашей милости, то бы поступилъ какъ кривой; за сто тысячь червонныхъ можно одинъ глазъ зажать, ночью всякая корова кажется черною; безъ денегъ въ городъ самъ себѣ ворогъ, деньги правятъ свѣтомъ, безъ денегъ какъ безъ рукъ; я останусь при этомъ, хотябъ всѣ семьдесятъ восточныхъ мудрецовъ хотѣли мнѣ доказать противное.

Донъ Силвіо вообще имѣя добрую душу, и будучи въ то утро чрезвычайно веселъ, столь забавлялся вракамы болтливаго и смѣлаго своего слуги, что допускалъ его всегда говорить не прерывая его рѣчи. И такъ Педрилло продолжалъ исчислять одну за другою выгоды, кои бы доставила ему женидьба на племянницѣ волшебни-

ницы Фанферлюши; онъ строилъ на счетъ ста тысячь червонныхъ и кирпичей, кои волшебница превратила бы въ рубины, прекраснѣйшіе за́мки, какіе когда либо строиваны были въ Испаніи, и сими представленіями, такъ разгорячилъ свое воображеніе, что прошло довольно времени, пока онъ примѣтилъ, что Донъ Силвіо между тѣмъ заснулъ весьма пріятно и спокойно. Какъ онъ не былъ такой Философъ, чтобъ говорить самому съ собою, то наконецъ замолчалъ и хлебнувши нѣсколько глотковъ изъ бушылки вина, разложилъ постелю и послѣдовалъ примѣру своего господина.

Гла-

Глава третія.

Вѣ которой Педриллу весьма непріятнымѣ образомѣ возбуждаютѣ отѣ сна.

Доброй Педрилло храпѣлъ еще, какъ Донъ Силвіо внезапу проснулся отъ сновидѣнія, прервавшаго сонъ его весьма непріятнымъ образомъ. Проклятой карло, вскричалъ онъ, схвативъ Педриллу за горло; отдай мой портретъ, или я тебя умерщвлю!

Эй! эй! караулъ! караулъ! воры! пожаръ! караулъ! закричалъ Педрилло, и отбивался около себя руками и ногами, будучи разбуженъ отъ сна невзначай столь неласково.

Принцессу мою! вскричалъ еще Донъ Силвіо, или —

Ну къ чорту, вскричалъ Педрилло, вырвавшись у него, вы ли сударь! Развѣ черти на васъ поѣхали? что вы хотите меня задавить? ну къ дьяволу! У васъ не можно жизни своей имѣть въ безопасности.

Какъ?

Какъ? что? вскричалъ въ изумленіи Донъ Силвіо, это ты Педрилло?

Ну къ чорту, отвѣчалъ сей, я думаю, что это я, естьли моя мать не подмѣнила меня. Что это за порядокъ, такъ нападать на сонныхъ. Провались ты вставши! естьли такъ, то я слуга покорной, пособлять вашей милости искать Принцессъ бабочекъ.

Я не знаю, гдѣ я, или что мнѣ сказать, отвѣчалъ Донъ Силвіо, это я вижу теперь моими глазами, что ты Педрилло, но —

О покорнѣйше благодарствую, господинъ рыцарь, Донъ Силвіо де Розалва, слуга покорной! по чести! вы весьма милостивы, что вы мнѣ это наконецъ допускаете, что я сынъ моей матери; но вы думаете, что дѣло тѣмъ и кончено? Клянусь душею, что вы бы мнѣ свернули шею прежде, нежели бы я узналъ, какимъ это побытомъ случилось. Посмотрите-ка сюда, какъ вы со мною обходилися? Ну къ чорту! естьли вы съ ва-

шими

шими добрыми друзьями поступаете не лучше. — Но я хоть объ закладѣ ударюсь, что въ дѣло вмѣшался какой нибудь карло или Саламандръ.

Успокойся только любезной мой Педрилло, отвѣчалъ Донъ Силвіо, ты можешъ самъ разсудить, что моего намѣренія не было, тебя чѣмъ нибудь оскорбить, и я клянусь тебѣ жизнію моей Принцессы, я не понимаю еще, какъ это случилось, что проклятой зеленой карло у меня опять ушолъ, и тебя подложилъ вмѣсто себя.

Не отгадалъ ли я, вскричалъ Педрилло, вотъ тебѣ на! зеленой карло! Не сказывалъ ли я напередъ, что мы не успѣемъ ноги перетащить за порогъ, то чортъ навѣситъ намъ на шею всѣхъ драконовъ, исполиновъ, карловъ и вытовъ со всего свѣта? Я вамъ въ томъ ручаюсь; днемъ съ нами сего не встрѣтится. Но точно ли я васъ выразумѣлъ, милостивой государь, не говорили ли вы чего о зеленомъ карлѣ? Я думалъ, что онъ превращенъ въ зубочистку. Кажется, съ по-

позволенія госпожи Саламандрской Королевы, что она невольница своихъ словъ. Прости мнѣ Господи, не должно помышлять зла о своемъ ближнемъ, но клянусь Велтеномъ! естьли она, сударь, васъ не дурачитъ, то я солгалъ.

Не говори такъ непристойно о столь великой волшебницѣ, сказалъ весьма важно Донъ Силвіо, ты будешь еще о семъ разкаиваться; я тебѣ говорю это въ послѣдніе, что я необузданной дерзости твоего рта болѣе терпѣть не стану. Выслушай прежде приключившееся со мною, а потомъ и говори. Можешь ли ты разсуждать не узнавъ прежде, о чемъ рѣчь идетъ.

Я не думалъ, что бы я такъ шибко ошибся, отвѣчалъ Педрилло съ холодностію: однако и у меня станетъ еще столько ума, чтобъ знать, что лѣсные яблоки не квиты. И я не люблю, что бы мнѣ во всемъ указывали, и я, съ вашего позволенія, не такъ глупъ, какъ я кажусь. Еще пяти минутъ не прошло послѣ того, какъ вы меня хотѣли удавить почетши меня, какъ вы говорите, за зеле-

наго

наго карла. Теперь я говорю или зеленой карло есть зубочистка, или ничто; а естьли не то, такЪ волшебница — вы уже знаете что; а естьли онЪ зубочистка, такЪ ну кЪ чорту, сЪ коей поры похожу я на зубочистку? ВотЪ заключенie, вЪ коемЪ надѣюсь я ничего не можно опровергнуть; я бы желалЪ видѣть, что бы ваша милость могла на то отвѣчать.

ТьФуй кЪ чорту, сказалЪ ДонЪ Силвiо усмѣхнувшись, да перестанешь ли ты дѣлать дилеммы? Естьли ты такЪ будешь продолжать, такЪ изЪ тебя наконецЪ ничего добраго не выдетЪ. Но выслушай, сказываю я тебѣ, прежде, и дай мнѣ одному говорить, пока я окончаю, а послѣ поглядимЪ, какiя выводить намЪ изЪ того заключенiя.

Глава четвертая.

Чего не дѣлаетъ пображенiе!

По взятiи съ Педриллы обѣщанiя, что онъ будетъ держать языкъ свой покороче началъ Донъ Силвiо повѣсть свою слѣдующимъ образомъ: Ты не успѣлъ заснуть подлѣ меня —

Те, милостивой государь, перехватилъ рѣчь его Педрилло, съ позволенiя, почему вамъ это было знать, вить вы уже тогда давно опочивали, когда я еще не спалъ?

Ты держишь обѣщанiе свое несравненно, сказалъ Донъ Силвiо, сдѣлаешь ли такую со мною милость и допустишь ли говорить меня не перерывая моихъ рѣчей? Я и къ завтрему не окончу, естьли мнѣ при каждомъ словѣ надобно будетъ отвѣчать на твои безстыдные вопросы. Я тебѣ говорю, что я не спалъ, и съ тебя этого довольно — Когда я размышлялъ о всемъ съ нами приключившемся, то увидѣлъ я стоящую предъ собою Сильфиду — Сильфиду? вскричалъ

чалЪ Педрилло, и тотчасЪ потомЪ удержался, уставя глаза на своего господина.

Да, Сильфиду, продолжалЪ нашЪ витязь весьма постоянно, и прекраснѣйшую Сильфиду, какой еще никогда никто изЪ смертныхЪ не видывалЪ. ДонЪ Силвіо, сказала она мнѣ, я знаю, кого вы ищете; подите ко мнѣ, я васЪ отведу кЪ вашей возлюбленной, я давно ея добрая пріятельница; однако вы должны получить сію угодность не совсѣмЪ даромЪ. О вскричалЪ я бросившись кЪ ея ногамЪ, прикажите только, прекрасная Сильфида, не сыщется ничего на свѣтѣ такого, чего бы я не захотѣлЪ сдѣлать для засвидѣтельствованія вамЪ моей благодарности, естьли вы сдержите свое обѣщаніе.

Требуемое мною отЪ васЪ за то, отвѣчала Сильфида, бездѣлица; подите только, вы увидьте прежде Принцессу, а о прочемЪ мы скоро согласимся. По семЪ взяла она сЪ прекрасной своей груди розу и бросила ее на полЪ; во мгновеніе роза превратилась

въ раковую колѣсницу рубиноваго цвѣта запряженную въ двенатцать райскихъ птицъ никогда невиданной красоты. Я сѣлъ подлѣ нея, и въ нѣсколько минутъ сошли мы съ оной въ наипріятнѣйшее мѣсто, какое только можетъ себѣ представить сила воображенія. Я бы никогда не кончилъ, естьли бы хотѣлъ сдѣлать тебѣ описаніе онаго.

О милостивой государь, сказалъ Педрилло, это не мѣшаетъ, чѣмъ длиннѣе описаніе, тѣмъ лучше; я бы согласился цѣлой день слушать васъ не ѣвши, я весьма люблю слушать, когда вы что разсказываете.

Представь себѣ, продолжалъ Донъ Силвіо, неизмѣримую ровнину, въ которой волшебное искуство какой нибудь волшебницы соединило всѣ пріятности, которыя стихотворцы о Тибурѣ и Тарентѣ, о Ѳессалійскомъ храмѣ и о рощахъ Дафны воспѣваютъ; прелестные кусты, журчащіе серебреные источники, разцвѣтающіе луга, увеселительныя аллеи изъ цитронныхъ деревъ, маленькія озера, обсаженныя миртами,

тами, бесѣдки изъ ясминовъ и разноцвѣтныхъ розъ. — Однимъ словомъ, все, что можно представить себѣ о такомъ мѣстѣ, которое посвящено удовольствію и любви. Толпы молодыхъ нимфъ въ легкомъ платьѣ резвились между миртами, или плясали съ богами любви на поляхъ, или мылись въ тихихъ гротахъ —

Должно признаться, господинъ Донъ Силвіо, перервалъ рѣчь его Педрилло, что вы родились подъ благополучнымъ знакомъ. Браво! виватъ Сильфиды, это нѣчто другое, нежели проклятыя Саламандры, кои ни къ чему не годятся, какъ заводить людей въ болоты! Но для чего вы меня съ собою не взяли? Естьли бываетъ какое пріятное приключеніе, такъ обо мнѣ никто и не подумаетъ.

Послушай только далѣе, продолжалъ Донъ Силвіо; не должно никогда никого прежде конца считать благополучнымъ, сказалъ мудрый Солонъ, и не иначе кажется, какъ будто бы я къ тому былъ опредѣленъ, чтобъ дѣлать одинъ опытъ за другимъ сей пе-

печальной истинны. Я обозрѣвшись на семъ исполненномъ пріятностями мѣстѣ, увидѣлъ нимфу, сидящую въ бесѣдкѣ, и играющую съ бабочкою, которая на золотой ниточкѣ около ее полетывала. Небо! что тогда со мною происходило, когда я увидѣлъ, что то была моя возлюбленная Принцесса, когда я ее счелъ за ту самую голубую бабочку, которую мы ищемъ! Ты ли тотъ молодой рыцарь, сказала мнѣ нимфа, которой подъ покровительствомъ волшебницы Радіанты предпринялъ разрушить очарованіе голубой бабочки? Я тотъ самой, прекрасная нимфа, отвѣчалъ я, и готовъ вамъ самую мою жизнь — О столь много я не требую, перебила она мою рѣчь, естьли ты мнѣ доказать можешь, что ты Донъ Силвіо де Розалва, то бабочка твоя. Скажите только, чѣмъ я вамъ то доказать долженъ, отвѣчалъ я, я весьма знаю, что то я и не пугаюсь никакого опыта. Покажи только мнѣ портретъ Принцессы, отвѣчала она, то ты получишь то, естьли ты Донъ Силвіо, я

не

не требую никакого другаго доказательства. О! Педрилло, я злощастной! Гдѣ была въ сію роковую минуту волшебница моя покровительница? Я отдалъ ей портретъ. Но едва взяла она его въ руки, то увидѣлъ я — О небо! могу ли это выговорить? съ ужасомъ увидѣлъ я вмѣсто прекрасныя нимфы зеленаго карлу, стоящаго предо мною. Сіе малорослое горбатое чудо было отъ радости внѣ себя, вспрыгнуло вверьхъ, вертѣло въ рукахъ портретъ, скалило на меня зубы, и сказало наконецъ мнѣ съ ругательною усмѣшкою: теперь я имѣю то, чего мнѣ хотѣлось! знай ты безсильной соперникъ, что никто кромѣ обладателя сего портрета не въ состояніи возвратить голубой бабочкѣ ея собственнаго вида. Теперь обое въ моихъ рукахъ, и тебѣ нечего больше надѣяться. Поди и благодари моему восхищенію, что я тебѣ дарую жизнь; но примѣчай, что я тебѣ теперь сказываю. Я буду за тобою весьма строго наблюдать, и естьли только за-

 ста-

стану тебя въ мысляхъ о моей возлюбленной, что ты пропалъ!

Ты можешь представить себѣ свирѣпство, въ которое долженствовали погрузить меня сіи рѣчи и взоръ сего прекраснаго Гнома (*) съ портретомъ моея Принцессы въ его кохтяхъ; я напалъ на него, и боролся съ нимъ, твер-

(*) *Гномы* (земляные духи, горные мужички и проч.) представляются обыкновенно, какъ гнусные карлы. Но естьли вѣрить Графу де Габалисъ, которой весьма точно зналъ воздушныхъ духовъ, то сіе есть великая несправедливость: по крайней же мѣрѣ въ разсужденіи *Гномидъ*, женъ ихъ, „Гномы, говоритъ онъ, суть разум„ны, друзья человѣческіе, и допуска„ютъ удобно собою правительствовать. „Гномиды, жены ихъ малорослы, но „чрезмѣрно живы, и имѣютъ совсѣмъ „особенной вкусъ въ одѣваньѣ?„ Memoir du Comte de Gabalis Tom. I. pag. 28.

твердо вознамѣрясь, или потерять свою жизнь или возвратить мой портретъ.

Намѣренiе было хорошо и похвально, сказалъ Педрилло, но для чего вмѣшивать меня въ дѣло; и не прежде, пока дошло до удавки?

Сего-то, отвѣчалъ нашъ герой, я и самъ не понимаю, я боролся, какъ сказывалъ, съ карломъ, но въ самую ту минуту когда я былъ намѣренъ его удавить, показалъ мнѣ твой крикъ и мои глаза, что ты находился въ моихъ рукахъ. Карло изчезъ, и я очутился опять на томъ же мѣстѣ, на которое отнесла меня Сильфида.

А кудажъ тогда Силфида-та дѣлась? спросилъ Педрилло.

Какъ скоро мы прибыли на то мѣсто, гдѣ приказала она мнѣ сойти, то она изчезла, ибо я не видѣлъ больше ни ее, ни ея колѣсницы.

Это проклятая повѣсть, сказалъ Педрилло; ну къ чорту, она началась такъ прекрасно! весьма жаль, что не лучше кончилась. Но — естьли позволено спросить глупому человѣку, какъ вы думаете, милостивой государь,

дарь, что съ вами все сіе дѣйствительно случилось?

Въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, отвѣчалъ Донъ Сильвіо, я бодрствовалъ, когда сіе мнѣ приключилось, я видѣлъ своими глазами, слышалъ своими ушами, имѣлъ употребленіе всѣхъ моихъ чувствъ, такъ конечно я не спалъ, а естьли такъ —

Да, да, о семъ еще остается спросить, отвѣчалъ Педрилло; я не хочу сего за подлинно говорить, но естьли съ вами уже дѣлаются чудеса, и вы не можете терпѣть, что бы говорили, будто вамъ то снится такъ, какъ и всѣмъ честнымъ людямъ: однако я довольно знаю — И говорить не хочу, но думаю то, что я думаю.

Ты думаешь, что это былъ только сонъ, Педрилло, дай Богъ, что бы это сбылося! Но —

Посмотрите, милостивой государь, продолжалъ Педрилло, надобно во всемъ дѣлать различіе; когда вамъ являлась волшебница Радуганта, то и тогда я думалъ, что вамъ только

такъ

такъ грезилось, пока вы мнѣ не показали богатаго клейнода и портрета, которой она вамъ пожаловала; тогда ужъ я конечно ни въ чемъ вамъ не могъ противорѣчить. Что видятъ глаза, тому вѣритъ и сердце. Естьли бы вы мнѣ могли показать только перышко одной изъ сихъ райскихъ птицъ, на коихъ вы ѣздили, то бы можно было говорить о сей вещи, но по чести! что долго объ этомъ калякать? Клейнодъ у васъ виситъ на шеѣ, поищите только подъ вашимъ камзоломъ, то вы конечно Принцессу найдете на старомъ же мѣстѣ.

О чудеса, вскричалъ Донъ Силвіо, нашедъ дѣйствительно его такъ на своей груди, какъ онъ обыкновенно его нашивалъ; ты правъ Педрилло, слава благотворительной Радіантѣ, вотъ онъ —

Я думаю сударь, сказалъ Педрилло, въ этотъ разъ вы дѣлаете много чести волшебницѣ, и я съ вами закладуюсь о чемъ изволите, хотя я ничего не имѣю, а зеленой карло

ва-

вашу голубую бабочку и вашЪ портретЪ столь мало видывалЪ, какЪ я Папу. ВотЪ вы спали здѣсь, сударь, и вамЪ все это снилось во снѣ, и вы пробудились и схватили меня за голову — ну кЪ чорту, пусть бы вамЪ и это также только приснилось, какЪ и прочее. Я вамЪ клянусь, вЪ другой разЪ, когда мы опять будемЪ ложиться спать, такЪ ужЪ я лягу шаговЪ на пятьдесятЪ или на шестьдесятЪ отЪ васЪ. Мнѣ не хочется на яву платить за то, когда васЪ во снѣ разсердилЪ какой нибудь карло.

Хотя еще много не соглашался ДонЪ Силвіо сЪ мыслями своего спутника о семЪ чудѣ; однако Педрилло, которой сей разЪ чувствовалЪ его правость, не оставлялЪ, пока не привелЪ сіе до того, что самЪ его господинЪ нашелЪ невѣроятнымЪ, что бы зеленой карло вЪ толь короткое время могЪ избавиться отЪ превращенія вЪ зубочистку; и они наконецЪ оба согласились вЪ заключеніи, что все вмѣстѣ взятое было только сонЪ, кото-

торой ДонЪ Силвіо, не думая долго поставилЪ на щетЪ волшебницы Карабоссы, которая, какЪ онЪ увѣрялЪ Педриллу, была великая пріятельница Фанферлюши и зеленаго карлы, и какЪ она ему ни коимЪ инымЪ образомЪ пособить не могла, то злобно забавлялась тѣмЪ, что бы его по крайней мѣрѣ привесть вЪ замѣшательство и сдѣлать затрудненіе вЪ его путешествіи.

Педрилло былЪ тѣмЪ доволенЪ, и вЪ сихЪ разговорахЪ продолжали они свой путь до тѣхЪ порЪ, пока усугубляющійся солнечной жарЪ не принудилЪ ихЪ глубже вЪ лѣсу искать тѣни.

Глава пятая.

ВЪ которой повѣсть позвращается кЪ зáмку Розалвѣ.

Педрилло сочинитель сей достопамятной и забавной исторіи, почелЪ за нужное прервать здѣсь на минуту

теченіе своего повѣствованія, дабы увѣдомить читателя, что между тѣмъ происходило въ замкѣ Розалвѣ.

Бѣдная Мариторна, которую мы оставили заснувшую съ вѣрнымъ ея Пирамомъ на дорогѣ къ цирюльнику подъ покровительствомъ нимфъ и лѣсныхъ боговъ, едва пробудилась съ наступленіемъ утра, то вспомнила, что она послана была привести мастера Блаза цирюльника. Она размышляла, что бы ей сказать, когда спросятъ ее о причинѣ столь долгаго отбытія, и какъ ей ничего не приходило въ голову, то начала терзать на себѣ златоцвѣтные свои волосы и подняла толь жалостной крикъ, что любовникъ ея отъ того проснулся и спрашивалъ ее о причинѣ ея отчаянія. Коли только это одно, красное мое солнышко, вскричалъ онъ, какъ она открыла ему свое замѣшательство, то я тебѣ тотчасъ пособлю. Я довольно знаю мастера Блаза, онъ влюбленъ въ одну молодую дѣвушку, такую хорошенькую, кругленькую, румяненькую дѣвушку, она живетъ

на

на четверть часа ѣзды отъ сего мѣстечка въ гостинницѣ, потому что она родная откупщикова дочь; а какъ всѣ люди говорятъ, что онъ хорошо играетъ на цитрѣ, то не проходитъ ни одной ночи, когда бы онъ до утра не просиживалъ подъ ея окошкомъ и не наигрывалъ и не пѣлъ до тѣхъ поръ, пока пальцы отобьетъ и въ горлѣ пересохнетъ. Такъ ты сего дня поутру къ нему поди и скажи, что ты еще ночью пришла и не застала его; потомъ приведи его съ собою и скажи барынѣ, что ты ждала, покамѣстъ онъ пришолъ домой, либо что нибудь такое, она вить не станетъ много разспрашивать. Однако я сказываю тебѣ, голубушка, моя Мариторна, не заговаривайся съ нимъ, вишь ты? мастеръ Блазъ такой проклятой хапуга, онъ тотчасъ къ тебѣ присусѣдится, а этого я не люблю, слышъ ты? ну къ чорту, я въ этомъ дѣлѣ не знаю никакихъ шутокъ.

Мариторна, утѣшившаяся тогда совершенно, не пощадила ничего для успо-

успокоенія своего любовника вЪ семЪ пунктѣ. Но опасаюсь, чтобЪ восходящее солнце не позавидовало ихЪ щастію, вѣрная сія чета разсудила за благо разлучиться другЪ сЪ другомЪ. Мариторна поспѣшала кЪ цирюльнику, а Яго приползЪ весьма тихо кЪ своей конюшнѣ, гдѣ онЪ на гнилой соломѣ и двухЪ старыхЪ лошачьихЪ попонахЪ обыкновенно опочивалЪ за недостаткомЪ лучшей постели.

Почти было уже около шести часовЪ утра, какЪ Донна Менціа проснулась. Желаніе щастливой цѣли, отЪ котораго, по высокимЪ мнѣніямЪ, кои имѣла она о своихЪ прелестяхЪ, надѣялась пробудиться пріятнѣйшимЪ образомЪ, побудило ее вспомнить о вчерашнемЪ племянника ея припадкѣ, нанесшемЪ стремленію ея весьма обременительныя препоны. Она встала, накинула на себя шлафрокЪ и побѣжала прямо вЪ его горницу посмотрѣть, какЪ онЪ препроводилЪ ночь. Можно подумать, что она весьма удивилась, не нашедши

ши и слѣда ни господина, ни слуги. Поискавши тщетно вездѣ, гдѣ токмо можно было его искать, созвала весь домъ и ввергла каждаго въ крайнѣйшее изумленіе вѣстію, что молодой господинъ и Педрилло пропали. Тѣ, которые когда либо такъ любили, какъ любила Донна Мергелина, могутъ себѣ представить болѣзнь, терзавшую при толь нечаянной вѣдомости нѣжную ея грудь. Она бы, о добрая душа! упала въ обморокъ, естьлибъ рука попечительнаго ея дяди и Аглинская соль предосторожной тетки не предускорили заблаговременно ей на помощь. Нѣсколько времени ничего не было слышно, кромѣ сожалѣнія и плача; но госпожа Беатрикса, имѣвшая давно съ Педрилломъ важныя предпріятія, и ласкавшаяся имѣть не малое участіе въ его сердцѣ, не хотѣла о томъ и слышать, чтобъ они убѣжали. Они конечно, сказала она, гдѣ нибудь въ саду, или въ зеленомъ увеселительномъ домѣ, гдѣ Донъ Силвіо весьма часто обыкновенно препровождаетъ утро.

По сему сигналу побѣжали всѣ въ садъ, разсыпались на всѣ стороны, искали подъ кустами и заборами, да перерывали даже и капусту, и никого не нашедши начали сызнова. Мариторна между тѣмъ также пришедшая вмѣстѣ съ цирюльникомъ вмѣшалась толь смѣло въ число ищущихъ, какъ будто бы ничего не произошло; ибо она употребила предосторожность, и не взирая на запрещеніе своего любовника, склонила цирюльника на свою сторону нѣкоторыми малыми угодностями, коими она думала, что не дорого купитъ выгоду избѣжать брани. И такъ не было недостатка въ ищущихъ, однако тѣмъ нашли не болѣе; и проискавши до полудни какъ въ саду, такъ и въ паркѣ, и нѣкоторой части прикосновенной рощи, наконецъ увидѣли себя принужденными возвратиться ни съ чемъ въ за́мокъ, гдѣ Донна Менціа всѣхъ присутствующихъ созвала въ большую залу, для посовѣтованія о толь нечаянномъ и печальнѣйшемъ приключеніи. Въ одинъ разъ предложены были тысячи вопро-

совъ,

сов, всякая особа имѣла особливыя свои догадки и предложенія, и как они говорили всѣ вмѣстѣ, то шум сдѣлался так велик, что никто не мог слышать собственных своих слов: пока наконец важность господина Родриго, хотя и не без труда, привела к тому, что по произшедшем всеобщем молчаніи всякая особа по другой должна была объявлять свое мнѣніе. Всѣ возможности, какія токмо вздумать удобно было, были изчерпаны, а особливо господин Родриго, которой был сильной Діалектик, и имѣл превосходно басистой голос, и мастер Блаз цырюльник, которой по проворности своего языка заслуживал быть главным начальником всего своего цѣха, отличались пред прочими столь много, что засѣданіе сіе продолжилось почти до двух часов по полудни. Однако, как дѣло пришло к тому, чтоб собрать голоса и учинить рѣшеніе, то опять поднялся новой крик; каждой подтверждал свое мнѣніе, и как скоро госпожа Беатрикса и цирюльник упо-

требили весь возможной трудъ для возстановленія паки спокойствія, то согласились наконецъ на сіе рѣшеніе, „*что не можно понять, куда они дѣвались.*„ Потомъ, какъ только ударило два часа, и всякой проголодался, то единогласно разсуждено было за благо, „*что прежде пообѣдать, а потомъ по вторичномъ засѣданіи разсуждать, что теперь должно дѣлать.*„

Испанской сочинитель, находившейся въ свитѣ извѣстнаго Министра своего государства нѣсколько лѣтъ въ Г* * *, принимаетъ вольность, пошутить при семъ случаѣ надъ нѣкоторыми маленькими Нѣмецкими Республиками, о коихъ онъ разсуждаетъ, что сдѣлалъ наблюденіе, что разсужденіе въ залѣ Донны Менціи есть естественная копія порядка и образа, по коему въ оныхъ поступаютъ обыкновенно въ разсужденіи общественныхъ дѣлъ. Должно признаться, что Анекдоты, приводимыя имъ объ ономъ, не очень способны къ выхваленію Республиканскаго учрежденія; но отъ

Испан-

Испанца, котораго вся вольность состоитЪ вЪ томЪ, что онЪ имѣетЪ право сЪ двоими или троими очками на носу и разкарячивши ноги сидѣть передЪ своимЪ дворомЪ, ковырять у себя вЪ зубахЪ и ловить столько сверчковЪ, сколько ему угодно, конечно не можно ожидать, что бы онЪ могЪ разсуждать о недостаткахЪ политической вольности вЪ надлежащемЪ отношенiи сЪ ея выгодами. И какЪ можно тому, которой ослѣпленЪ мнимою возвышенностiю своего Государя и величествомЪ своего Короля предЪ прочими, дѣлать наблюденiя, что часто больше потребно искуства управлять запутанными пружинами малаго общества вольныхЪ людей, нежели повелѣвать полусвѣтомЪ невольниковЪ? Извѣстно всякому, сколь далеко вЪ семЪ случаѣ простираются и предразсужденiя, и когда ДонЪ Рамиро де Ц * * * намЪ прочимЪ маленькимЪ РеспубликанцамЪ (*) вЪ разсужденiи

 про-

(*) Издатель сей исторiи имѣлЪ тогда честь жить вЪ малой Республикѣ,

произшедшемъ въ Розалвѣ, мнитъ предложить зерцало, то, можетъ статься, можемъ мы ему противупоставить примѣры изъ исторіи великихъ Монархій, гдѣ по многимъ тайнымъ засѣданіямъ, наконецъ втеченіе какой нибудь горнишной дѣвушки, комедіанта или придворнаго шута перевѣситъ всю соединенную премудрость дюжинъ двухъ Испанскихъ епанчей и огромныхъ париковъ.

Между тѣмъ какъ бы то ни было, однако чаятельно никто не вмѣнитъ переводчику въ вину, что ему патріотической духъ, коимъ онъ одушевленъ, не позволилъ перевести такого мѣста, которое бы не мало могло быть злоупотреблено низшими республиканскаго блаженства. Отношеніе на наше отечество есть такая должность, которая простирается даже до малѣйшихъ нашихъ дѣйствій, и когда только тотъ заслуживаетъ имя

что для лучшаго уразумѣнія всей сей главы надлежало примѣтить.

имя добраго гражданина, которой настоящимъ состоянiемъ своея республики доволенъ; то не можно охуждать отвращенiя, которое въ малыхъ вольныхъ областяхъ ко всему, что только издалека имѣетъ видъ политической сатиры, привыкли съ толь великимъ правомъ оказывать. И такъ да будемъ мы навсегда чужды того, что бы прерывать хотя на минуту гордое спокойствiе и сладкую дремоту, которыми нынѣ отечество наше наслаждается! Пускай Донъ Рамиро дѣлаетъ примѣчанiя, какiя ему угодно, но мы скрываемся въ нашъ патрiотизмъ, стискиваемъ зубы и остаемся довольными.

Глава шестая.

Разговоръ за завтрекомъ. Ревнивость Дона Сильвiо.

Мы оставили нашихъ чудныхъ путешественниковъ, коимъ благоразумная медлительность, присутствую-

щая присовѣтованію въ Розалвѣ, была весьма полезна, въ рощѣ, куда они укрылись отъ солнечнаго зноя. Они не долго походили подъ деревьями, какъ Педрилло представилъ своему господину, что по мнѣнію Асклепіада и другихъ славныхъ испытателей естества, къ удачному продолженію путешествія ничего нѣтъ пригоднѣе, какъ поутру хорошенько позавтракать.

И какъ Донъ Силвіо не могъ ничего противъ того привесть, то Педрилло сыскавъ удобное мѣсто, гдѣ бы они могли сесть, развязалъ свою суму и вынулъ оттуда большей пастетъ, которой госпожа Беатрикса привезла съ собою изъ Ксельвы совсѣмъ для другаго употребленія.

Постойте, сударь, сказалъ Педрилло, я вижу, что вы удивляетесь, какъ мнѣ попался этотъ пастетъ? Бѣдная дама Беатрикса! Она розинетъ ротъ, когда увидитъ, что птица улетела. Но посмотрите, что бываетъ тогда, когда знаешся съ людьми; когда бы я не важилъ у госпожи Беатриксы, то бы мы теперь должны

были

были прохлажаться за кускомъ хлѣба и за пригоршнями орѣховъ.

Однако вить она пастетъ не сама тебѣ дала, сказалъ Донъ Силвіо?

Правда, отвѣчалъ Педрилло; однако, какъ она вчера ввечеру пошла въ кладовую съ запасомъ, то мигнула мнѣ, чтобъ я шелъ съ нею, и тамъ поболтали мы другъ съ другомъ довольное время, и тогда хотѣлъ я, признаюсь вамъ, украсть у нее поцѣлуй, (ибо я отъ нашего стараго священника слыхалъ, что честной поцѣлуй не грѣхъ) но она отвернула голову такъ скоро, что я въ уста не попалъ ей ладони на двѣ; но, что бы меня провалъ взялъ, вышло еще хуже, потому что я прямо попалъ на такое мѣстечко, гдѣ косынка ея была нѣсколько открыта, и я увѣряю вашу милость, что оно было мягче пѣны, и такъ бѣло, какъ марципанъ. Правда, она выругала меня не худо, какъ вамъ легко можно подумать, да еще дала кажется маленькую оплеушину, или что нибудь такое, но я вскорѣ опять ее утишилъ, и она въ знакъ

своего примиренія дала мнѣ сію штуку цедрата, и потомъ шутили мы еще нѣсколько времени; ибо какъ вамъ извѣстно, *коли плохо лежитъ, такъ брюхо болитъ*, а госпожа Беатрикса и вь половину такъ не угрюма, какъ лице ея кажетъ. Когда она того не дѣлаетъ, такъ по крайней мѣрѣ желаетъ того охотно, когда кто съ нею не много точитъ балы, въ этомъ ваша милость можете положиться на мое слово. При семъ случаѣ показала она мнѣ пастетъ и другія вещи, кои она привезла изъ Ксельвы про нашихъ гостей, тутъ-то я и бросилъ глаза на пастетъ; и посмотрите, милостивой государь, какъ я его досталъ, вы бы въ этомъ мнѣ не повѣрили. Видите, сударь, господинъ Донъ Силвіо, я конечно честной хапуга, но не глупъ, и въ угодность вашей милости, я бы, прости Господи, укралъ у Папы въ Римѣ его туфель, когдабъ то было надобно.

Да какъ же ты это сдѣлалъ, спросилъ Донъ Силвіо; вить она ключь конечно изъ замка выняла и взяла къ себѣ.

Такъ

Такъ и сдѣлалось, сказалъ Педрилло, но противъ всего можно найти средство, только противъ смерти не льзя. Какъ всѣ въ домѣ заснули, то подползъ я къ ея горницѣ, приложилъ ухо къ замошной дирочкѣ, и подслушавъ, что она храпѣла, растворилъ двери весьма тихо, и подошелъ на цыпочкахъ къ ея постелѣ; но въ горницѣ было такъ какъ въ погребѣ темно. Я ощупывалъ столь долго, пока нашелъ связку ключей, кои она обыкновенно носила на поясу; я взялъ ключи и выползъ оттуда столь тихо, какъ кошка изъ голубиной клѣтки. Теперь знаете вы всю тайну, ибо какъ я досталъ ужъ ключь, то пастетъ былъ мой. Тьфу; набилъ мѣшокъ такъ, что любо дорого смотрѣть, а чтобъ вы видѣли, что я ничего не позабылъ, продолжалъ онъ, вынимая изъ сумки бутылку, такъ откушайте сего Аликантскаго вина; и когда оно не столь хорошо, что входитъ и въ пальцы, такъ пусть я буду во всю мою жизнь пить съ гусями.

Здѣсь Педрилло сдѣлалъ сильную разстановку; но скулы его работали тѣмъ не менѣе, хотя онъ пересталъ говорить, и присѣлъ такъ плотно, что пастетъ въ малое время доброю третью сдѣлался полегче. Онъ не позабывалъ также за здоровье госпожи Беатриксы прилѣжно посѣщать бутылку, и мало по малу сдѣлался онъ столь веселъ, что началъ посвистывать и попѣвать. Тьфуй, вскричалъ онъ, поднявши вверьхъ бутылку, да здравствуютъ волшебницы и очарованныя Принцессы! Гей, это прямое веселье странствовать за волшебствомъ; однако надобно къ тому хорошо набитая сума, это правда! Ну! милостивой государь, что вы? Вы очень не веселы? Вы ничего не кушаете и не пьете? что это такое? пфуй, побери чортъ всѣ печали! будемъ веселы, покамѣстъ мы на волѣ, кто знаетъ, когда намъ опять будетъ такъ прохладно; будетъ еще время ходить повѣсивши голову, какъ запасъ и бутылки выпорожнятся.

Любезной Педрилло, сказалъ Донъ Силвіо, будь всегда веселъ сколько можешь, и не смотри на меня; я позволяю тебѣ отъ всего сердца веселиться; но естьлибъ ты былъ на моемъ мѣстѣ, то бы конечно не былъ столь веселъ.

А для чегожъ, милостивой государь? что за кошки опять у васъ на сердцѣ скребутъ?

Ахъ! Педрилло, отвѣчалъ молодой рыцарь, какъ мнѣ забыть, что я еще далеко отъ цѣли моихъ желаній, и какія препятствія, ахъ! можетъ быть я еще найду непреодолимыя препятствія! Я увѣряю тебя, что естьлибъ не ободрялся я обѣщаніями волшебницы Радіанты, то мысли, мучащія меня въ сію минуту, моглибъ ввергнуть меня въ отчаяніе.

Помилуй Богъ да мать наша Гвадалуппская Богоматерь, вскричалъ Педрилло, вы на всякаго страхъ нагоните. Но когда это только мысли, такъ для чего вы ихъ не разгоняете? Ну къ чорту, это называется умучить самого себя? Видите,

ми-

милостивой государь, когда я здоровЪ и ничего у меня не болитЪ, и есть, что поѣсть да попить, то я веселЪ какЪ птица на сучкѣ и ни крошки не печалюсь о томЪ, дождь ли завтра будетЪ или хорошая погода.

Скажи пожалуй, отвѣчалЪ ДонЪ Силвіо, сЪ глубокимЪ вздохомЪ, какЪ мнѣ быть веселымЪ, какЪ только быть спокойнымЪ, пока моя возлюбленная Принцесса странствуетЪ вЪ видѣ бабочки, вЪ такомЪ видѣ, которой можетЪ быть изЪ всѣхЪ возможныхЪ для любви моей есть наиопаснѣйшій?

Опасно, говорите вы, милостивой государь? этого я не понимаю, что можетЪ быть опасно вЪ бабочкѣ, ибо вы мнѣ сказали, что она отЪ галокЪ и воронЪ ничего не имѣетЪ опасаться.

Хотя волшебница и ласкала мнѣ, продолжалЪ ДонЪ Силвіо, что Принцесса меня любитЪ; но кто увѣритЪ меня, что склонность, которая была нѣкоторымЪ образомЪ плодЪ единаго

то бѣглаго взора, моглабъ выдержать соблазны, кои ея сердцу —

Провалитесь вы вставши, перервалъ рѣчь его Педрилло, не во снѣ ли вы говорите, сударь, или и знаете ли, что говорите? Видъ бабочки есть опасной видъ, и вы опасаетесь соблазновъ, которыми будутъ соблазнять ея сердце, пока она будетъ бабочкою! Слыхалъ ли я въ жизнь мою что нибудь такое? Ей ей, мнѣ кажется, что быть влюбленнымъ и не умнымъ, есть одно дѣло. Ревность! Такъ вы должны ревновать къ тѣмъ бабочкамъ, кои къ ней въ семъ видѣ приближатся? провалитесь вы! какой забавной вымыселъ! ха, ха, ха! ревновать къ бабочкѣ! ха, ха! это точно такъ, какъ естьлибъ вы напередъ стали ревновать къ блохѣ, котораябъ осмѣлилась вспрыгнуть на вашу исподницу, когда она опять будетъ Принцессою.

Слушай, Педрилло, другъ мой, отвѣчалъ Донъ Силвіо весьма важно, я уже давно примѣчаю, что ты хочешь представлять насмѣшника; но я те-

тебѣ одинъ разъ сказываю, что ничего нѣтъ несноснѣе въ свѣтѣ, какъ такіе люди, кои не во время шутливы. Скажи, читалъ ли ты исторію Листоваго-Принца, или Принца изъ острова всегдашней весны? (*)

Листоваго-Принца? никакъ нѣтъ, сударь, отвѣчалъ Педрилло, онъ мнѣ не извѣстенъ: я въ первой разъ слышу о его имени.

Слѣдовательно ты не знаешь, продолжалъ Донъ Силвіо, и острова Папиліоновъ? —

Острова Папиліоновъ, говорите вы? это тоже значитъ, какъ естьлибъ кто сказалъ, острова бабочекъ? —

Точно такъ, отвѣчалъ Донъ Силвіо. И такъ ты долженъ знать, что сіи Папиліоны суть родъ крылатыхъ духовъ въ видѣ и красотѣ по-

(*) Смотр. Le Prince des Feuilles въ ſuite des nouveaux Contes de Fées par Mad. de M*** pag. 29. edit. de 1724.

подобныхЪ КупидонамЪ или маленькимЪ СилвамЪ, и чрезвычайно влюбчиваго сложенія, но такЪ вѢтрены и непостоянны, что всегда отЪ одного предмета перелетаютЪ кЪ другому. Такой папиліонЪ едва поклянется одной красавицѢ вѢчною вѢрностію, то уже спѢшитЪ сказать другой, что онЪ никого кромѢ ее не любливалЪ; короче сказать, вЪ тотЪ же день, даже вЪ тотЪ же часЪ пламя ихЪ загорается, пылаетЪ, и угасаетЪ, и какЪ скоро любовь ихЪ неудачна, то уже и пропадаетЪ.

ВотЪ дурацкой образЪ любви! ТакЪ эти папиліоны могутЪ говорить?

Вить я тебѢ сказываю, что они суть не простые папиліоны, но родЪ СилфовЪ, произшедшихЪ, по сказанію одного Арабскаго Физика, отЪ тайной любви нѢкоторой Силфиды сЪ молодымЪ ФавномЪ. СЪ матерней стороны имѢютЪ они сверьхЪестественную красоту, вѢчную младость и воздушную быстроту, коею они одарены; такЪ какЪ и сЪ отцовской

наслѣдовали они свой образъ любви, свою дерзость и непостоянство.

А, а! Теперь-то я одумался, вскричалъ Педрилло, хорошо, хорошо! Теперь я знаю, о чемъ вы говорите. Я и не вѣдь сколь часто видалъ ихъ крылатыхъ плутишковъ на большой картинѣ въ барынииномъ кабинетѣ! Вы ее знаете, она представляетъ любовь Флора и Зефиры —

На оборотъ, господинъ Педрилло, ты хотѣлъ сказать, Зефира и Флоры —

Да, да, такъ-то я и хотѣлъ сказать, Флора и прекрасной Зефиры. Она въ самомъ дѣлѣ хороша! Я никогда не смѣлъ посмотрѣть на нее пряменько; ибо Викарій нашъ говоритъ, что грѣхъ смотрѣть на что нибудь такое. (*) — Однако я знаю то,

(*) Для того именно, что богиня Флора представлена бываетъ неодѣтая. У господина Викарія либо не было столько разума, чтобъ знать, что весьма су-

то, что я знаю! Тому есть что сказать, кто наединѣ говорить может! Между нами сказано, милостивой государь, доброй господинъ Викарій и самъ не изъ стали или не изъ камня; можетъ быть не хуже бы было, естьлибъ онъ самъ на себя оглянулся. Отгадаете ли вы, съ кѣмъ я его не давно ненарочно засталъ? (потому что, право! это случилось не съ умыслу,) — Съ толстою

существенное различіе находится между нагими и мало одѣтыми, и между легкомысленными и соблазнительными фигурами; или изъ лицемѣрія притворяясь онъ, будто того не знаетъ. Къ оправданію его можно бы было сказать, что сія часть его нравоученія относилась только къ большой толпѣ народа, коего грубость и не приведенное въ порядокъ и тонкость воспитаніемъ природное побужденіе, необходимо требуютъ того, чтобъ крѣпче налагать на него нравственную узду.

стою Мариторною! Тьфуй къ чорту! сударь, онъ съ ней конечно не отче нашъ читалъ, повѣрьте мнѣ въ томъ! Я не могу говорить; естьли бы далѣе продолжалъ, то бы ожегъ языкъ такъ, что бы захотѣлъ лучше, что бы не имѣть тогда глазъ; я скажу только то, чему вы, сударь, смѣло можете повѣрить, что это правда, но я говорю, что далѣе не признаюсь вамъ ни въ одномъ словѣ. Нѣтъ, вынь Господи душу мою, на пыткѣ не признаюсь! Ну къ чорту, не хорошо знать много о такихъ господахъ, вы разумѣете меня —

Полно, сказалъ Донъ Силвіо закраснѣвшись, я не хочу больше объ этомъ знать — Но что ты хотѣлъ сказать о картинѣ? —

Да, о картинѣ-то, естьли я еще теперь могу вспомнить — ну! Теперь-то пришло мнѣ на умъ, я сказалъ вамъ, и пусть я буду безчестной человѣкъ, естьли это не правда, что я никогда не осмѣливался пряменько на нее посмотрѣть; представлено, будто она моется, и вы можете легко подумать, что

она

она думаетъ, будто она одна, а это дѣлается-то лѣтомъ, короче, съ позволенія сказать, у нее нѣтъ ни лоскуточка на тѣлѣ; тутъ же представленъ любовникъ ея Флоръ на облакѣ, и такъ пристально на нее глядитъ, какъ будто бы хочетъ ее проглотить глазами, а около него летаютъ несчетное множество такихъ маленькихъ плутишковъ съ бабочкиными крылышками; и бросаютъ другъ въ друга розами. —

Хорошо, хорошо, сказалъ Донъ Силвіо, но ты долженъ знать, что сіи папиліоны силою очарованія, налагаемаго на нихъ прогнѣвавшимся Купидономъ, теряютъ свой видъ, какъ скоро удалятся въ тотъ островъ, гдѣ они раждаются. Короче сказать, они превращаются въ бабочекъ, или кажутся по крайней мѣрѣ быть оными, ибо отъ собственнаго ихъ образа ничего имъ кромѣ крыльевъ не остается. Въ семъ видѣ мѣшаются они съ подлинными бабочками, и безъ стыда пользуются правами, коихъ бы и самая Весталка не усумнилась дозво-

 лить

лить симъ маленькимъ невиннымъ животнымъ; и непреоборимая склонность ихъ къ любовнымъ забавамъ дѣлала ихъ весьма часто и въ семъ образѣ опаснѣе, нежели можно было помыслить. Ибо, какъ они могутъ говорить —

Говорить? перервалъ рѣчь его Педрилло, ну естьли правда, такъ куда это забавно, клянусь Велшеномъ! Говорящая бабочка! Я бы желалъ хоть одну имѣть, коя бы могла говорить; я васъ увѣряю, что бы я въ мѣсяцъ столько съ нею собралъ денегъ, что бы могъ купить Королевство. Но теперь-то примѣчаю я, для чего у вашей милости это на сердцѣ лежитъ. Въ самомъ дѣлѣ вы не неправы: бабочка, могущая говорить, которая есть Сильфа, и прежде нежели успѣешь осмотрѣться, превращается въ прекраснаго кудряваго молодца, ну къ чорту! вить это не шутка! Можетъ статься Принцесса познакомилась съ однимъ изъ этихъ пестрыхъ дьяволенковъ; они садятся другъ съ другомъ на одинъ кусточикъ, и наединѣ болта-

ютъ

ютЪ во весь день; потомЪ рѣчь за рѣчью и не примѣтно часЪ отЪ часу другЪ сЪ другомЪ сближаются и тутЪ — понимаете вы меня, я не хочу говорить, что можетЪ случиться далѣе. Но мы вить всѣ люди, и естьли Принцесса на одну только минуту забудетЪ, что она ваша возлюбленная, то сыграетЪ сЪ вами нехудую шутку.

ЕстьлибЪ я не зналЪ, вскричалЪ ДонЪ Силвіо разсердившись, что ты самЪ не вѣдаешь того, что болтаешь, то бы ты каждою каплею бычачьей своей крови заплатилЪ за бѣшеную дерзость, сЪ какою осмѣливаешся порицать добродѣтель несравненной моей Принцессы.

Я прошу вашу милость тысячу разЪ о прощеніи, сказалЪ Педрилло, отскочивши на нѣсколько шаговЪ назадЪ; я хочу быть повѣшенЪ, естьли думалЪ что худое, такЪ какЪ вы это приняли; я хоть одно словечко скажу, такЪ ужЪ вы и разсердитесь. Вить не льзя шубы мыть не замочивши. Вы либо ревнуете, либо

 нѣтЪ;

нѣтъ; естьли вы ревнуете, то должны имѣть къ тому причину, а естьли нѣтъ причины, такъ провались вставши, что за ревнивость!

Когда я ревную, какъ ты это называешь, отвѣчалъ Донъ Силвіо, то ревную только къ ея сердцу, а не къ тому, чтобъ она способна была сдѣлать шагъ, могущій привести въ подозрѣніе ея добродѣтель. Она опредѣлена для меня, въ томъ увѣренъ я волшебницею Радіантою, и Принцессѣ извѣстно, что она должна быть моею; и такъ я не сомнѣваюсь въ ея особѣ, и сталъ бы самъ себя презирать, когда бы только тѣнь подозрѣнія противъ ея чести появилась въ душѣ моей. Особа наша всегда въ нашей власти; но съ чувствованіями бываетъ противное; другой можетъ обладать ея сердцемъ, когда я обладаю одною только ея красотою.

Дай мнѣ Господи чести моей не взвидѣть, господинъ Донъ Силвіо, перервалъ рѣчь его Педрилло, естьли я разумѣю, что вы говорите! Что у васъ за сердца̀, что за особа и что за

чув-

чувствованія? Тьфуй! естьли у меня есть особа, такъ есть и сердце, а естьли имѣю сердце, такъ есть и особа, это неразлучно. Изволите видѣть, сударь, я не разумѣю вашихъ дистилляцій; но говорю то, естьлибъ у меня была жена, коя бы меня не любила сердечно то бы у меня лобъ очень свербѣлъ, хотябъ она была сама добродѣтель. Кто владѣетъ женскимъ сердцемъ, изволите видѣть, —— Сть! что это за шумъ? Не слышали ли вы чего, сударь?

Нѣтъ; а ты что слышалъ?

Мнѣ послышался шумъ; вонъ въ той сторонѣ изъ за кустарника?

Это можетъ быть была птица.

Дай Богъ, чтобъ только не хищная, милостивой государь — Теперь опять совсѣмъ тихо, и, что бишь хотѣлъ я сказать? Мы говорили о вашей ревнивости; да, и я сказалъ — опять шумитъ — святой Ангелъ хранитель! что это такое идетъ? Господи помилуй насъ, это, сударь, карлица! уродъ!

Молчи ты, трусъ, шепталъ ему Донъ Силвіо, увидѣвъ уже то, что доброму Педриллѣ нанесло толь великой ужасъ; это, какъ я вижу, волшебница.

Волшебница, говорите вы? Да изъ тѣхъ волшебницъ, кои выѣзжаютъ изъ трубъ на вилахъ. По чести моей! Она больше похожа на вѣдьму, нежели голубка на своего голубя.

Не говори этого, Педрилло; можетъ быть это одна изъ моихъ добрыхъ пріятельницъ! Прекраснѣйшія волшебницы иногда являются въ видѣ гнусныхъ старухъ, чтобъ увидѣть, какъ будутъ поступать съ ними въ семъ образѣ.

А! теперь вижу я, что это такое, вскричалъ Педрилло, ха, ха, ха! Это цыганка, сударь, посмотрите только на нее хорошенько, это, безъ всякаго сомнѣнія, цыганка. Она пришла къ статѣ, она намъ скажетъ доброе наше щастіе.

Берегись Педрилло, сказалъ ему тихо Донъ Силвіо; это волшебница, я тебѣ сказываю; или по крайней мѣ-

рѣ можетъ быть что волшебница; а въ такихъ обстоятельствахъ все лучше итти надежнымъ путемъ; кто бы она ни была, однако мы обойдемся съ нею, какъ съ волшебницею, мы тѣмъ ничего не потеряемъ.

Во время сихъ рѣчей приближилась къ нимъ мнимая волшебница, которая въ самомъ дѣлѣ была ни болѣе ни менѣе, какъ старая горбатая цыганка, которая не безъ причины шаталась въ той сторонѣ, и по крайней мѣрѣ столько же удивилась, какъ и наши странственники, увидя молодаго человѣка столь благороднаго вида, какъ Донъ Силвіо, въ семъ лѣсу и въ такомъ нарядѣ.

Глава седьмая.

Приключеніе съ цыганкою.

Какъ скоро цыганка подошла ближе, то Донъ Силвіо всталъ передъ нею, поздравилъ ее весьма учтиво, и спросилъ: Не можетъ ли онъ чего сдѣлать къ ея услугамъ?

Свя-

Святая Варвара! вскричала она, что дѣлаетъ въ семъ лѣсу столь прекрасной господинъ? Не заблудились ли вы, или можетъ быть чего нибудь ищете —

Э! Госпожа цыганка, перервалъ ее Педрилло, не будь столь любопытна! Спрашивали ли мы у тебя, что ты ищешь? — Кто тебѣ скажетъ —

Молчи, неотесанной болванъ, вскричалъ Донъ Силвіо, взглянувъ на него гнѣвно. — Въ самомъ дѣлѣ, любезная бабушка, могли бы вы удивиться, что я здѣсь дѣлаю, естьли бы вы, какъ мнѣ кажется, уже прежде не знали, чего я ищу.

Гей! старуха (сказалъ Педрилло, у котораго нѣсколько Малагское вино въ головѣ застучало) вить ты можешь намъ поворожить, не правда ли? Посмотри у него на руку и скажи мнѣ, щастливую ли онъ имѣетъ Физіономію.

Мнѣ для сего рука его не надобна, отвѣчала старуха, я это вижу изъ глазъ его. Гладенькое дѣвичье личико у васъ на умѣ, хотя вы и

мо-

молоды, однако знаете уже, что есть любовь, хи, хи, хи! вы краснѣете? не угадала ли я?

И, сказалъ Педрилло, такъ ты это видишь у него по глазамъ, бабушка! Инъ по этому ты конечно видишь и то, что Принцесса, которую онъ любитъ, есть, бабочка, ге?

Бабочка? вскричала цыганка, хи, хи, хи! Это изрядная выдумка, я, по чести моей, вѣрю тому, что она бабочка; да оперилась ли уже она, сударь, есть ли ужъ у нее крылышки? хи, хи! я нѣсколько разумѣю о семъ родѣ бабочекъ, я; было время, въ которое и у меня въ Севиллѣ было ихъ нарочитое число въ клеткѣ, повѣрьте мнѣ. Но видно она у васъ вылетѣла, что вы ее ищете? —

Мнѣ кажется, бабушка, сказалъ Педрилло, что ты объ этомъ больше насъ самихъ знаешь. Но я тебя прошу, коли ты изъ глазъ его столько усмотрѣла, то ты на рукѣ увидишь еще больше. Покажите ей руку, сударь, естьли не противно? посмотри-ка, бабушка, что ты скажешь о сихъ чертахъ?

Пра-

Право! вскричала цыганка, вотъ то-то бѣлинькая хорошенькая ручка! послушай, прекрасной мой господинъ, естьли вы положите червонецъ на эту ручку, то я вамъ скажу добренько.

Червонецъ? сказалъ Педрилло? Убирайся къ чорту, кумушка! видно, ты еще не выспалась. Червонецъ! Естьли бы ты сказала реалъ, то такъ бы куда то ни шло; намъ вить право не очень надобно твое предсказаніе, понимаешь ли ты меня; мы уже и безъ тебя то знаемъ, что мы знаемъ.

Не извѣстно еще, отвѣчала старуха, что можетъ случиться; это не всѣхъ дней вечеръ, а какъ я примѣчаю —

Вотъ червонецъ, сударыня, сказалъ Донъ Силвіо; не слушайте глупыхъ вракъ сего пустомели; онъ дѣтина доброй, но самъ часто не знаетъ, что говоритъ; не погнѣвайтесь на него.

Молодой господинъ, отвѣчала цыганка, вы столь хорошо поступаете, что я бы въ угодность вамъ гораздо больше сего желала сдѣлать, естьли

бы

бы я еще была то, что я бывала въ старую пору. Клянусь святымъ Іаковомъ! и я въ свое время видала красные дни, вы мнѣ можете въ семъ повѣрить; но человѣкъ день отъ дня старѣется, какъ вы видите; однако я еще твердо помню то время, когда меня называли прекрасною цыганкою; и когда молодые господа Толедскіе старались о чести приносить мнѣ подарки; по чести моей отъ меня произошла дороговизна въ струнахъ, столь много разшибено было гвитаръ и цитръ изъ любви ко мнѣ! тогда-то дождило мнѣ соннетами! также и пистолями, увѣряю васъ въ томъ.

Хорошо, хорошо, сказалъ Педрилло, съ нетерпѣливостію, мы право не много заботимся о подаркахъ, какіе тебѣ приношены были за сто лѣтъ предъ симъ, какъ дьяволъ еще былъ маленькимъ малчикомъ, и у тебя изъ роту зубы еще не всѣ повыпадали. Обратимся къ дѣлу, естьли смѣю просить! Червонецъ-то нашъ ты ужъ взяла, — такъ покажи-ко намъ свое умѣнье. — Руку, сударь —

Еще

Еще одинЪ червончикЪ, мой хорошенькой молоденькой господинЪ, такЪ я вамЪ скажу то, чего лучше требовать не льзя.

Извольте, сказалЪ ДонЪ Силвіо, подавая ей на своей рукѣ червонецЪ, сколько Педрилло ни ворчалЪ.

Прекрасная рука, бѣлая, щастливая рука, молодой ты баринЪ. Хи, хи, хи, не говорила ли я? Ты влюбленЪ, душенька, такЪ ли? не стыдись, дитятко, твои самыя настоящія для сего лѣта; ахЪ! какая прекрасная вещь любовь. КакЪ? дайте-ка мнѣ еще посмотрѣть! ты влюбленЪ вЪ одну прекрасную маленькую дѣвочку, вЪ маленькую пречудной красоты дѣвочку —

Ты угадала, душа моя! вскричалЪ Педрилло, вЪ самомЪ дѣлѣ чудной красоты, и меньше куклы.

Она очень молода, примолвила цыганка, и немножко вертопрашна —

Вертопрашна, вЪ самомЪ дѣлѣ, сказалЪ Педрилло, ибо она летаетЪ по кустамЪ, по долинамЪ, по лѣсамЪ и по горамЪ, такЪ что и дьяволЪ за нею не успѣетЪ гоняться —

Это

Это все пройдетъ; каждой день становимся мы старѣе; однако она тебя любитъ, не правда ли?

Сего-то бы мы охотно знать и желали, ибо мы имѣемъ нѣкоторое маленькое сумнѣніе, небольшое подозрѣніе —

Молчи, вскричалъ Донъ Силвіо, можешь ли ты пасть свою затворить хотя на минуту.

Что она другова любитъ! продолжала цыганка; плутовочка! другова; провались ты вставши! Да полно всѣ таковы молоденькія дѣвушки; кто имъ разсказываетъ басенки и льститъ, тотъ конечно не напрасно у нихъ теряетъ свое время. Да! Она любитъ другова! Я также объ закладъ бьюсь, что то одинъ изъ тѣхъ бабочекъ, кои лѣтаютъ около всѣхъ прекрасныхъ цвѣтковъ, и ни на одномъ не посидятъ.

Ну, госпожа цыганка, вскричалъ Педрилло, увидя, что Донъ Силвіо при сихъ словахъ поблѣднѣлъ какъ мертвой; ты сказала больше, нежели намъ хотѣлось знать.

довольно, сказалъ Донъ Силвіо, отдернувши свою руку; пойдемъ, несщастіе извѣстно; она читала то даже на моей рукѣ. —

Это ничего не значитъ, переравалъ рѣчь его Педрилло, естьли она только не начитала сего на вашемъ лбу. Ну, бабушка, оставимъ эту матерію и поговоримъ о другомъ. Что скажешь ты о моей рукѣ? Вотъ тебѣ два реала, я думаю, за это надобно уже тебѣ что нибудь увидѣть хорошее.

По чести моей, вскричала старуха, поглядѣвъ ему на руку, подъ какимъ знакомъ родились эти молодые люди? Вы такъ влюблены, какъ морскіе свинки. Фу; пять или шесть бабъ на одной чертѣ —

Пять или шесть бабъ? Ты съ ума спятила старуха; развѣ хотѣла ты сказать дѣвушекъ; что мнѣ дѣлать съ бабами?

Ты конечно не отступишь отъ моего слова, отвѣчала старуха; что тебѣ не надобно, то пригодится для другихъ людей. Ты не думаешь, что бы красивую жену имѣть для

се-

себя единственно? Повѣрь мнѣ; я здѣсь вижу одну, которая такой имѣетъ видъ, что будто доставитъ тебѣ премножество пріятелей.

Какъ? что? Ты видишь на рукѣ моей то лице, которое теперь у меня въ умѣ?

Безъ сомнѣнія.

Однако мы посмотримъ! Велика она или мала, стара или молода, жирна или сухощава? Отвѣчай мнѣ вдругъ на это сударушка моя!

Она ни велика, ни мала; —

„ *Хорошо!* „ — ни стара, ни молода —

„ *Тьфуй дьяполъ!* „ И можно сказать, что она больше дородна, нежели суха; не правда ли, вить такъ?

Провалъ тебя побери! Какъ ты можешь все видѣть на моей рукѣ? Не видишь ли ты и большихъ черныхъ глазъ во лбу у нее?

Въ самомъ дѣлѣ, черные прекрасные глаза, приманчивые глаза, я тебѣ признаюсь! Черные глаза, черные волосы и

прекрасной ротЪ сЪ зубами, бѣлизною подобными самому чистому жемчугу.

Право! ты ее лучше знаешь, нежели я самЪ. Но далѣе; а грудь, ге?

О! это уже само по себѣ разумѣется, естьли бы портной —

КакЪ? портной, говоришь ты? Право, ты угадываешь! По чести! но что обЪ этомЪ говорить! Что до сего касается, то она можетЪ сравняться сЪ Инфантиною, кто бы она ни была, вЪ этомЪ уже тебѣ ручаюсь! — А что ты скажешь о ея ножкахЪ? Не прекрасны ли онѣ? А икры — тебѣ за платьемЪ не можно ихЪ хорошенько разсмотрѣть — Но ты мнѣ можешь повѣрить безопасно, что ихЪ прекраснѣе выточить не можно.

ВЪ самомЪ дѣлѣ, ты справедливо говоришь, красивенькая, кругленькая, фигурненькая дѣвочка, но тѣмЪ хуже для тебя, мое дитетко!

Для чего тѣмЪ хуже?

О! что обЪ этомЪ спрашивать! самЪ узнаешь, припомни себѣ это, ты узнаешь, каково имѣть прекра-

сную жену! Она что нибудь тебѣ приставитъ, вспомни обо мнѣ! Что она приставитъ тебѣ что нибудь! больше я не скажу.

Пфуй дьяволъ! вскричалъ Педрилло, я думаю, что довольно этого. Она мнѣ что нибудь приставитъ! Ты хотѣла сказать, что она приставитъ мнѣ рога?

Я сего точно не хочу говорить рога, но что нибудь такое — что нибудь такое — отъ чего лобъ свербитъ, да — нѣкоторой родъ сучковъ. Короче, когда ты будешь строить себѣ домъ, то вели по моимъ рѣчамъ сдѣлать двери, сколько можно, повыше; въ такихъ обстоятельствахъ не можно быть никогда довольно осторожнымъ. Но я здѣсь теряю только понапрасну время; я думаю, что вы за свои деньги столько услышали, что можете быть довольны; у меня есть дѣла. Прощайте, любезные дѣти, до радостнаго свиданія.

Выговоря сіи слова, пошла цыганка своею дорогою, и оставила до-

браго Педриллу въ немалой неизвѣстности, что бы ему помыслить о ней. Тьфуй къ чорту, вскричалъ онъ, бѣгучи за своимъ господиномъ, которой въ великомъ неудовольствіи повалился подъ дерево, естьли эта старая горбатая хрычовка не волшебница, какъ вы сказывали, то злой духъ говоритъ ея ртомъ. Это не сомнѣнно, что она говоритъ не съ проста. Какъ она могла увѣдать, что вы влюблены въ Принцессу, и что сія Принцесса бабочка? И не описала ли она мнѣ госпожу Беатриксу такъ естественно, какъ будто бы свою дочь? Однако вить это правда, что она въ первой разъ насъ сего дня увидѣла. Что вы скажете на все это, милостивой государь? Я съ моей стороны признаюсь вамъ, что пусть я съ мѣста не сойду, естьли я знаю хотя мало что о проклятомъ этомъ дѣлѣ.

Донъ Силвіо, которой лежа въ глубокихъ мысляхъ и не внимая рѣчамъ своего сопутника, вдругъ какъ бы проснулся. Слушай, Педрилло, сказалъ онъ, я тебѣ скажу мое мнѣніе

о семъ приключенiи, и я увѣренъ, что не обманываюсь въ ономъ. Но скажи мнѣ прежде, куда дѣвалась цыганка.

Она изчезла, сударь, и самъ не знаю какъ? Я только оглянулся на минуту назадъ, посмотрѣть гдѣ вы, и какъ обернулся, то ее уже и не было.

Я тебѣ признаюсь, Педрилло, продолжалъ Донъ Силвiо, что я едва могъ въ ту минуту устоять, когда она мнѣ возвѣстила о невѣрности Принцессиной. Съ начала не столько поразила она меня, потому что ты ей изъ неосторожности положилъ въ ротъ все; но то обстоятельство, что я пожертвованъ папилiону, было столь несомнѣннымъ подтвержденiемъ прежняго моего опасенiя, что я не могъ не притти внѣ себя. Но разсудя подробнѣе обо всемъ томъ, что она ни сказывала, (ибо я еще все отъ слова до слова помню) о голосѣ, о видѣ, съ какимъ она говорила, увѣрился, что притворной Саламандръ, Силфида, съ которою я сего утра ѣздилъ, и эта цыганка, составляютъ одну и ту же

особу. И что всѣ сіи явленія суть ничто иное, какъ злобные ковы, коими непріятели мои стараются отстрашить меня отъ совершенія моего намѣренія. Однимъ словомъ, я ни мало не сумнѣваюсь о томъ, что сія старая цыганка не менѣе была, какъ сама волшебница Карабосса. Она имѣла совершенно такой видъ, какой исторія приписываетъ сей волшебницѣ; ибо она была мала, горбата, коса, подслѣповата и лицомъ черножелта. Какъ бы то ни было, но я твердо предпріялъ не смотрѣть на всѣ сіи ковы. Нѣтъ, дражайшая моя Принцесса, продолжалъ онъ возвышеннымъ голосомъ, устремя взоръ свой на ея портретъ и поцѣловавъ его, ничто не можетъ погасить чистаго и никогда неугасимаго пламени, возженнаго въ моей груди божественною твоею красотою! Я не престану обожать тебя, хотя бы ты была хладнокровна, непостоянна и невѣрна. Но да будетъ проклято помышленіе, представляющее тебя мнѣ невѣрною, когда благотворительная волшебница, насъ защищающая, увѣрила меня о

всей

всей твоей нѣжности! Ахъ! можетъ быть лежишь ты въ сію минуту въ отдаленной отсель пустынѣ, куда печаль твоя или рокъ тебя загнали, и сокрывшись въ нѣдрѣ разцвѣтающія розы, орошаешь ты благовонные листки ея своими слезами, и стеная жалуешся, что я тебя оставилъ! — О небо! возможноль мнѣ тебя оставить? Нѣтъ, божественная обладательница души моей, самая смерть въ наиужаснѣйшемъ видѣ, какой только можетъ дать ей жестокость нашихъ непріятелей, не возпрепятствуетъ тѣни моей, одушевленной безсмертною любовію, искать тебя повсюду, послѣдовать всюду за тобою. Не будетъ она завидовать богамъ, въ небесныхъ сферахъ ихъ. и сердце твое будетъ для нея лучше всѣхъ полей Елисейскихъ.

Донъ Силвіо произнесъ сію страстную рѣчь съ толикою живостію, съ толь нѣжнымъ голосомъ и съ толь трогательными движеніями, что бѣдной Педрилло, слушавши розинувши ротъ и выпуча глаза, пролилъ слезы не зная самъ о чемъ.

По чести моей, господинъ Донъ Силвіо, вскричалъ онъ, отирая глаза рукою, вы имѣете чрезвычайное дарованіе смягчать сердца. Какъ могли всѣ сіи прекрасныя вещи, о коихъ вы вонъ тамъ проговорили, притти въ ваше воображеніе? Провалитесь вы вставши, естьли бы вы были Попомъ, и проповѣдовали бы такъ на каѳедрѣ, то бы у всѣхъ извлекли слезы! По чести моей! Это бы сдѣлалось наводненіе, и по церквѣ надобно бы было ѣздить на лодкахъ. Я не вѣдь бы что далъ за то, естьли бы могъ упомнить все, какъ вы говорили; но я помню только о разцвѣтающихъ розахъ, о благовонномъ нѣдрѣ слезъ, и о безсмертной тѣни, а потомъ вмѣшали вы что-то о сферахъ и о богахъ, и нѣчто о любви и о святой Елисаветѣ — Дай богъ мнѣ умереть! естьли я понимаю, какъ вы могли все это такъ собрать. Но возвратимся къ самому дѣлу —

Хорошо, хорошо, перервалъ рѣчь его Донъ Силвіо, самое дѣло состоитъ въ томъ, что намъ надлежитъ

искать

искать голубую бабочку; увяжи свои вещи и пойдемъ продолжать путь свой далѣе. Но я здѣсь вижу премножество тропинокъ чрезъ сію рощу; гдѣ Тинтинъ? Мнѣ кажется, что я его уже нѣсколько часовъ не видалъ.

Вопросъ сей былъ громовымъ ударомъ для Педриллы, которой теперь вдругъ вспомнилъ, что у него бѣдной Тинтинъ съ самаго приключенія съ болотомъ совсѣмъ изъ ума вышелъ. Но подумавъ, что господинъ не проститъ ему такого небреженія, увѣрялъ его, что онъ не далеко ушелъ. Я его несъ чрезъ всю эту ночь на рукахъ, примолвилъ онъ, ибо сіе бѣдное маленькое животное такъ утомилось, что не могло поворошиться ногами, и онъ сего утра вертелся еще около меня, какъ пришла цыганка; я его покликаю, онъ чаятельно не далеко еще забѣжалъ. И такъ Педрилло закричалъ во все горло, а господинъ его помогалъ ему кликать и искать. Но они не были щастливѣе Аргонавтовъ, искавшихъ прекраснаго Гиласа, коего похитили Нимфы,

и

и затащили подъ волны въ свои гроты; искавшие обѣгали рощу, и берегъ, и кричали: Гиласъ, Гиласъ, столь громко, что рощи и берега потрясались отъ звуку; но тщетно, Гиласъ лежалъ между тѣмъ въ объятіяхъ прекраснѣйшей Нимфы, и не внималъ ихъ кликанію. То же самое случилось и съ нашими путешественниками съ тою только разностію, что Тинтинъ въ сію минуту, вмѣсто того, что бы покоиться на лонѣ прекраснѣйшей Нимфы, находился въ рукахъ черножелтыя гнусныя цыганки, которая его вскорѣ послѣ разпрощанія съ нашими странственниками нашла отъ усталости полумертваго, и увидя, что онъ малъ и пригожъ, взяла его съ собою.

Донъ Силвіо симъ новымъ нещастіемъ крайне былъ опечаленъ; и не много не доставало лишиться ему совсѣмъ всей бодрости. Педрилло не имѣлъ никакого затрудненія его увѣрить, что Тинтинъ похищенъ волшебницею Карабоссою; но тѣмъ большаго стоило ему труда отвлечь его отъ ты-

сячи

сячи безумныхъ препріятій, родившихся отъ его отчаянія.

Можетъ быть въ сію минуту могъ бы онъ своему господину съ успѣхомъ предложить возвращеніе назадъ; но холодной пастетъ, и бутылка Аликантскаго вина, произвели паки небольшую перемѣну въ его мысляхъ, и онъ тогда столь мало помышлялъ о возвращеніи, что ему бы самому досадно было, естьли бы Донъ Силвіо самъ о томъ началъ говорить. Сказать правду, то у добраго Педриллы все зависѣло отъ обстоятельствъ настоящей минуты. Онъ иное думалъ ночью, а иное въ прекрасной лѣтней день, иное въ лѣсу, а иное на открытомъ полѣ, иное въ болотѣ, а иное послѣ хорошаго завтрака. Педрилло былъ въ семъ пунктѣ второй Сенека, и вся разность между имъ и между Философомъ состояла въ семъ случаѣ только въ томъ, что онъ не старался своими противорѣчіями умствовать систематически. И такъ онъ напрягалъ все свое краснорѣчіе увѣрить своего господина

спо-

сподина, что ничего еще не потеряно. ТинтинЪ сыщется прежде, нежели мы о семЪ помыслимЪ, сказалЪ онЪ, положитесь только вЪ семЪ на госпожу Радіанту! кто знаетЪ, какія она имѣетЪ намѣренія, что онЪ пропалЪ. Надобно лучшаго надѣяться, милостивой государь, а зло само отЪ себя приходитЪ. Естьли волшебница, ваша добрая пріятельница, сдержитЪ свое слово, какЪ честная женщина, то мы рано или поздно получимЪ нашу Принцессу, вотЪ тебѣ и конецЪ!

Сія сильная рѣчь успокоила нѣсколько духЪ нашего опечалѣннаго Героя, и какЪ пріятнымЪ воздухомЪ, проходящимЪ сЪ морской стороны чрезЪ лѣсЪ, жарЪ нѣсколько умѣрился, то вознамѣрились они еще нѣсколько времени продолжать свой путь между деревьями.

Глава осьмая.

Донъ Силвіо устаетъ искавши голубую бабочку, и засыпаетъ послѣ полезнаго кушанья.

Какъ намѣреніе Дона Силвіо при семъ чудномъ странствованіи единственно состояло въ отысканіи голубой бабочки; то можно легко разсудить, что почти каждая бабочка, встрѣчающаяся ему на дорогѣ, привлекала на себя его вниманіе.

На сей разъ казалось по наблюденію Педриллы, не иначе, какъ будто бы Фанферлюши и Карабоссы нарочно всѣхъ бабочекъ со всего свѣта въ одно мѣсто согнали, что бы онѣ летали по рощѣ! Изъ каждаго куста выпорхивало ихъ по полудюжинѣ, и нашъ рыцарь, которой въ каждую минуту свою Принцессу надѣялся увидѣть, забралъ себѣ въ голову гоняться за малыми сими несѣкомыми до самаго того времени, пока не поимаетъ свою возлюбленную. Сколько Педрилло ни клял-

клялся, однако ничто не помогало, онъ долженъ былъ пособлять своему господину.

Однако бѣгая туда и сюда часа два какъ безумные, такъ умучились, что едва могли на ногахъ стоять, а наконецъ нашлось, что проклятыя бабочки надъ ними только издѣвались. Ихъ было столько, что можно бы сдѣлать изъ нихъ собраніе въ кабинетъ; желтыя, красныя, бѣлосерыя, огневыя, лазуревыя, пестрыя, крапинками испещренныя, полосатыя, павлинныя, однимъ словомъ, бабочки разныхъ цвѣтовъ и родовъ, только не было говорящей, и Принцессы.

Господинъ Донъ Силвіо, вскричалъ наконецъ Педрилло, садясь отъ усталости подъ дерево, я больше не въ силахъ ходить, черезъ силу и конь не ступитъ. Я бы желалъ, что бы на всѣхъ бабочекъ пришла зараза, выключая вашу Принцессу, такъ бы мы имѣли таки еще надежду ее сыскать. Ибо я вамъ сказываю, естьли госпожа Радіанта не постарается о насъ лучше, нежели какъ

она

она поступала до сего, то я отказываюсь искать съ вами бабочку.

Педрилло, другъ мой, отвѣчалъ Донъ Силвіо запыхавшись, я такъ усталъ, что не могу поворотиться. Посмотри пожалуй, не сыщешь ли спокойнаго мѣстечка отдохнуть; а какъ я сберусь опять съ силами, то скажу тебѣ мои мысли.

Отойдите только еще шаговъ дюжины двѣ подалѣе, сказалъ Педрилло, естьли вы въ силахъ еще ходить, я вижу тамъ прекрасное зеленое мѣсто открытое къ полю, вонъ тамъ между оливковыми деревьями; мнѣ кажется, что мы тамъ найдемъ не непріятной отдыхъ.

Въ самомъ дѣлѣ они нашли его, пришедши къ нему, еще пріятнѣе, нежели каково оно казалося издали; ибо съ одной стороны окружалъ его высокой кустарникъ желтыхъ и бѣлыхъ розъ, и дѣлалъ нѣкоторой родъ естественной бѣседки, а въ отверстіи находился проспектъ на прекраснѣйшія луга, гдѣ протекали сотни извивающихся источниковъ, коихъ берега съ

обѣихъ сторонъ усажены будучи плодоносными деревьями, представляли возторженному оку картину рая.

Какое пріятное мѣсто для отдохновенія! вскричалъ Донъ Силвіо, у котораго видъ онаго возвысилъ паки бодрость; не должно ли подумать, что его какая нибудь Нимфа или волшебница въ сію минуту для насъ произвела? Но я тебя прошу, принеси мнѣ бутылку воды изъ того источника, которой протекаетъ вонъ тамъ между розовыми кустами; я совсѣмъ растаеваю отъ жажды и отъ усталости. Выговоря сіе, бросился онъ на траву, которая столько была мягка и нѣжна, какъ бархатной пуховикъ.

Педрилло возвратился въ мигъ съ своею бутылкою, наполненною водою яснѣе и прозрачнѣе кристалла. Ободритесь, сударь, ободритесь, кричалъ онъ издали своему господину, здѣсь воды изобиліе, а что еще всего лучше, то вотъ еще пара бутылокъ Малагскаго вина въ моей сумѣ, которое намъ тѣмъ вкуснѣе покажется; потому что мы его столь горестно

за-

заслуживаемЪ. Ура! за здоровье нашей Принцессы! что еще ничто, то может чемЪ нибудь быть. Будьте только пободрѣе, милостивой государь, еще ничего не проиграно. Тому еще не много прошло времени, какЪ мы вЪ дорогѣ, и можетЪ быть дѣла наши лучшее бы имѣли теченіе, естьли бы мы поменьше торопились. Извѣстно, каковы женщины-то; я бьюсь обЪ закладЪ, что естьли бы мы продолжали путь свой медлительнѣе, почаще кушали да попивали; и показывались бы меньше влюбленными вЪ Принцессу, то бы она пришла сама собою, и допустила бы себя поймать столько же добровольно, какЪ та пастушка, которая желая убѣжать отЪ того пастуха, которой ее любилЪ, прибѣжала вЪ гротЪ. ВпрочемЪ, кому вЪ томЪ больше ее прибыли! Не думаете ли вы, что она желаетЪ лучше быть бѣдною голубою бабочкою, нежели Принцессою и вашею женою? Поди-ко сказывай она это другимЪ! И такЪ, какЪ вы видите, еще ничего не пропущено; сдѣлаемЪ

въ озлобленіе проклятымъ Карабоссамъ, и повеселимся. Ну, сударь, Донъ Силвіо; пища и питіе веселятъ тѣло и сердце человѣческое; подите и принимайтесь; кто знаетъ, можетъ быть мы завтра будемъ обѣдать съ нашею Принцессою въ алабастровомъ замкѣ съ настоящихъ радужныхъ блюдъ (*).

Сіе изрядное ободреніе Педриллы было толь крѣпко подтверждено его примѣромъ и аппетитомъ нашего героя, что оно, естьли позволено намъ сіе янсенистическое выраженіе, долженствовало произвести безпрепятственное дѣйствіе.

Донъ Силвіо узналъ при семъ случаѣ, сколь справедливо наблюденіе мудраго Зороастра, которой въ одной изъ его утратившихся книгъ увѣряетъ, что фунтъ бѣлаго хлѣба, холодной пирогъ и бутылка Малагска-

(*) Издѣвка надъ суевѣріемъ простаго народа, будтобъ изъ всякой радуги выпадаетъ блюдечко изъ чистѣйшаго золота, дѣлающее своего обладателя богатымъ и щастливымъ.

скаго вина у такого человѣка, которой имѣетъ хорошей аппетитъ и долго не ѣдалъ, служитъ спасительнымъ средствомъ противъ всѣхъ печалей. Бодрость его умножалась по мѣрѣ уменьшенія пирога и бутылки; веселые духи вина разсыпали въ скоромъ времени мрачные пары, окружившіе мозгъ его, и мало по малу пріятные образы, улыбающіеся виды и сладкія воображенія заступили ихъ мѣсто; пока наконецъ богъ сна не употребляя на то ни зернышка маку овладѣлъ его опустившимися чувствами, и, наведши на него сладкое нѣкое обуяніе, повергъ на траву, и приказалъ Зефирамъ прохлаждать его отъ времени до времени и осыпать его розами.

Педрилло употребя предосторожность привести себя и свою многолюбимую суму въ безопасность, послѣдовалъ чрезъ нѣсколько минутъ примѣру своего господина шагахъ въ дватцати или въ тритцати отъ него между кустами.

Читатели наши можетъ быть наркотическою силою нашего повѣствованія приведены въ такіяжъ обстоятельства, и естьли желаютъ нашимъ спящимъ оказать компанію, то мы сдѣлаемъ здѣсь небольшую перемѣшку.

Глава девятая.

Забавнѣйшее приключеніе по всей сей книгѣ.

Педрилло спавши почти часа два или три, опять пробудился, и чувствуя въ себѣ совершенную бодрость, всталъ, и вышелъ изъ своего куста посмотрѣть за своимъ господиномъ. Но коль было велико его удивленіе при видѣніи, представившемся ему по приходѣ его поближе! Нечувствительная пастушка, которой въ лѣтней бесѣдкѣ снилось о радостяхъ, презираемыхъ ею наяву, не могла бы больше ужаснуться, когда бы вдругъ проснувшись увидѣла себя въ объ-

ятіяхъ дерзскаго любовника, какъ ужаснулся Педрилло, узрѣвъ двухъ молодыхъ красавицъ, которыя спрятавшись за розовымъ кустомъ стояли возлѣ его господина и разсматривали его со вниманіемъ.

Обѣ одѣты были въ пастушье платье, и обѣ казались ему быть не старѣе, какъ въ шестнатцать лѣтъ, и столь прекрасными, что онъ долгое время сумнѣвался, не изъ числа ли онѣ тѣхъ Нимфъ или Силфидъ, кои столь охотно обыкновенно являются во снѣ его господину. Не грезится ли мнѣ это, помышлялъ онъ самъ въ себѣ, и не воображаю ли я только себѣ такъ, будто не сплю, или я вижу моими собственными очами? постой, я тотчасъ узнаю. . . дай-ко пощиплю себѣ икры и ладони. . . такъ, это я самъ, это справедливо! Это вить мои глаза! И сколько бы я ихъ ни теръ, то все показываютъ они мнѣ сихъ двухъ прекрасныхъ тварей, естьли только онѣ твари; но я совсѣмъ думаю, что онѣ волшебницы, да и самыя прекраснѣйшія вол-

шебницы, какихъ только видѣть можно въ лѣтней день.

Потомъ снова началъ зевать разтворивши глаза и розинувши ротъ, какъ будто бы онъ не могъ до сыта наглядѣться, и чѣмъ болѣе онъ ихъ разсматривалъ, тѣмъ больше увѣрялся, что онъ во всю свою жизнь ничего столь прекраснаго не видывалъ.

Одна изъ нихъ была нѣсколько побольше и тонѣе другой, и не старѣе семнатцати или осьмнатцати лѣтъ. Она была одѣта въ бѣлое платье, и вмѣсто естественныхъ цвѣтовъ имѣла она маленькіе пучечки изъ дорогихъ каменьевъ въ волосахъ и на груди, коихъ сверкающій блескъ превосходило сіяніе прекрасныхъ ея глазъ столько же, сколько ослѣпляющая бѣлизна ея шеи и ея рукъ превышала бѣлизну ея платья.

Педрилло, будучи совсѣмъ ослѣпленъ толикимъ блескомъ, не сумнѣвался ни минуты, что это была сама волшебница Радіанта, и еще болѣе утвердился въ сихъ мысляхъ, увидя въ нѣкоторомъ отдаленіи двухъ па-

жей,

жей, кои столько были прекрасны, и такъ блистали серебромъ, что онъ ихъ не менѣе почесть могъ, какъ за пару Саламандровъ. Въ сію минуту изчезли всѣ малыя сомнѣнія, произшедшія въ немъ отъ времени до времени о дѣйствительности сей волшебницы и всей исторіи отъ нея зависѣвшей. Тогда въ глазахъ его ничего не было вѣрнѣе, какъ что голубая бабочка была Принцесса, а явленіе волшебницы, отъ которой, какъ онъ совсѣмъ думалъ, зависѣло развязаніе сего романа, увѣрило его совершенно, что молодой его господинъ въ скоромъ времени возторжествуетъ надъ всѣми карлами и карлицами, и сдѣлается наищастливѣйшимъ Принцомъ въ свѣтѣ.

Въ сихъ исполненныхъ надеждою мысляхъ подкрался онъ, хотя съ трепетомъ и удерживая дыханіе, поближе, и примѣтя, что онѣ между собою разговаривали, остановился въ кустарникѣ и приложилъ ухо, подобно молодому Фавну, подслушивающему двухъ Нимфъ, уговаривающихся

между собою, гдѣ бы имъ мыться въ сію ночь.

Признайтесь, (говорила меньшая ростомъ, которая была рѣзвая и зрѣлая брюнетта лѣтъ двадцати четырехъ, и при воззрѣніи на кою сердце его такъ затрепетало, какъ во всю его жизнь никогда еще не трепетало.) признайтесь, что вы глядите на сего милаго молодаго человѣка не безъ движенія! Какъ прекрасно онъ лежитъ! какіе кудри! какое прелестное лицо, такъ бѣло какъ лилеи, а румяно какъ розы! По чести моей, Ендиміонъ не былъ столько прекрасенъ, какъ сей очаровывающій спящій. Пожалуйте, сударыня, посмотрите! Не ощущаете ли вы въ себѣ небольшаго желанія сдѣлаться его Діаною?

Дурочка! отвѣчала мнимая волшебница, какія у тебя мысли — однако я тебѣ должна признаться, Лаура! — въ самомъ дѣлѣ! онъ прекрасенъ. — Но естьли онъ проснется? — Всего безопаснѣе возвратиться домой.

Это правда, отвѣчала меньшая съ плутоватымъ видомъ, что намъ

здѣсь

здѣсь дѣлать? Того и смотри, что онъ проснется, а проснувшись что онъ подумаетъ, естьли увидитъ, что мы передъ нимъ стоимъ, и зеваемъ на него, какъ будто бы мы съ роду не видывали румянаго человѣка?

Однако, перехватила волшебница, я бы желала знать, кто онъ таковъ? По лицу и по платью кажется онъ не изъ простыхъ.

О! я вамъ ручаюсь въ томъ, сказала Нимфа; Кармелитская монахиня, нашедши его на нашемъ мѣстѣ въ семъ розовомъ кустарникѣ, почла бы его по крайней мѣрѣ за маленькаго Іоанна Крестителя или за Ангела.

Да кто же бы онъ былъ? Я не знаю во всей нашей сторонѣ —

И я тоже думаю, перехватила другая; едва минуло три недѣли, какъ вы живете въ этой сторонѣ, и вамъ антипатія ваша противу простаго деревенскаго дворянства еще не позволила познакомиться; и вы кромѣ Лиценціата Дона Габріеля, котораго вы уже знали въ Валенціи, и вашего братца, не имѣли обращенія ни съ

кѣмъ

кѣмъ, какъ съ соловьями въ вашемъ паркѣ, и ягнятами въ вашемъ стадѣ?

Говори потише, сказала другая, я всякую минуту опасаюсь, что онъ проснется; и я ничего на свѣтѣ не возьму, что бы онъ насъ увидѣлъ. Но скажи мнѣ пожалуй Лаура, понимаешь ли ты, за чѣмъ бы могъ одинъ зайти сюда такой молодой человѣкъ, которой по видимому кажется знатнымъ?

Онъ не совсѣмъ одинъ, какъ вы думаете, прекрасныя мои госпожи, вскричалъ Педрилло, которой не могъ долѣе удержаться, примѣтя, что волшебница была барыня, а Нимфа горнишная ея дѣвушка.

Небольшой страхъ, произведенной симъ голосомъ въ нашихъ красавицахъ, потому что онѣ не скоро усмотрѣли, откуда онъ происходилъ, изчезъ немедленно, какъ скоро увидѣли онѣ Педриллу, не взирая на не очень нарядное его платье, молодой дѣтина не худой физіономіи и имѣющій хорошей видъ, могъ соблазнить столь суровую дѣ-

дѣвушку, какою казалась быть прекрасная Лаура.

Я довольно вижу, продолжалъ онъ, что вы бы охотно желали знать, изъ какого рода птицъ молодой мой господинъ, котораго вы нашли здѣсь спящаго. Естьли вы мнѣ обѣщаетесь, что не проговоритесь, —— ибо намъ много нужды въ томъ, что бы старая тетка, которую мы за грѣхи наши имѣемъ, не узнала, куда мы пошли, въ семъ находится нѣкоторая тайна, разумѣете ли вы меня? Но я думаю, что такимъ прекраснымъ молодымъ госпожамъ могу я это конечно сказать, ибо вы, кажется, по чести моей, не походите ни на племянницъ, ни на тетокъ волшебницы Фанферлюши.

Объяснись нѣсколько вразумительнѣе, другъ мой, сказала Лаура съ такимъ взглядомъ, котораго Педрилло не проронилъ; но разскажи поскорѣе, а то вить иначе проснется твой господинъ.

О! не безпокойтесь о семъ, отвѣчалъ Педрилло; у него чрезъ всю прошедшую ночь глазъ съ глазомъ не

смы-

смыкался, а естьли онъ вдастся сну, то скорѣе небо провалится, нежели онъ проснется. Онъ заснулъ отъ усталости, потому что съ двенатцати часовъ вчерашней ночи перешли мы по крайней мѣрѣ около дватцати четырехъ миль.

Около дватцати четырехъ миль; да по видимому и пѣшкомъ? сказала Лаура, какъ будто бы она весьма тому удивилась.

Кто странствуетъ по волшебству, тотъ ходитъ скоро, прекрасная моя дѣвица, отвѣчалъ Педрилло, выдешь изъ государства самъ не вѣдаешь какъ, и вы удалившись миль тысячи на двѣ побожились бы, что не вышли еще изъ своего мѣста.

Въ этомъ я признаюсь! сказала Лаура; но что вы называете странствовать по волшебству, естьли смѣю спросить?

А! милостивая государыня, отвѣчалъ Педрилло, это такой вопросъ, на которой не вдругъ отвѣчать можно. Но короче растолковать вамъ, мы ищемъ, между нами сказано, Прин-

цес-

цессу, или собственно сказать, бабочку, въ которую господинъ мой влюбленъ; а естьли мы ее найдемъ, то господинъ мой долженъ ее превратить въ Принцессу, и жениться на ней, вотъ все тутъ, изволите видѣть! Но я васъ прошу не проговориться; намъ надлежитъ беречься нѣкоторыхъ карловъ, кои стараются достать нашу Принцессу, и узнавши о нашемъ предпріятіи, все дѣло испортятъ.

Что думаете вы, сударыня, о нашей находкѣ? сказала Лаура тихонько прекрасной госпожѣ; слыхали ли вы когда въ жизнь свою такія вѣсти? и во снѣ такого дурачества не пригрѣзится!

Но кто таковъ твой господинъ, спросила госпожа?

О! что до сего касается, отвѣчалъ Педрилло, то онъ самой лучшей, преласковой, прещедрой, предобросердечной, преученой и прехраброй изъ молодыхъ дворянъ во всей Испаніи, повѣрьте мнѣ въ этомъ; мнѣ уже надобно это знать, потому что мы вмѣстѣ взросли; онъ мнѣ ровесникъ. —

Хо-

Хорошо, хорошо, перервала госпожа рѣчь его, я спрашиваю единственно о его имени, какъ его зовутъ?

Онъ называется Донъ Силвіо де Розалва, сказалъ Педрилло, замокъ его лежитъ на три только часа ѣзды отъ Ксельвы. Донъ Силвіо, какъ сказано; батюшку его звали Донъ Педро де Розалва, онъ былъ мнѣ крестной отецъ, милостивая государыня, и для того нареченъ я при крещеніи Педро; но какъ въ моемъ малолѣтствѣ звали они меня всегда Педрилломъ, то и по нынѣ все таки называюсь я Педрилло, да и буду и останусь на всегда Педрилло, доколѣ Богу угодно; только бы мой господинъ сыскалъ поскорѣе свою Принцессу; ибо тогда-то получу я навѣрно одно Маркизатство или Графство изъ тѣхъ, которыя она принесетъ господину моему въ приданое.

Педрилло говорилъ все сіе съ такою важностію и съ толь чистосердечнымъ видомъ, что наши красавицы ни минуты долѣе не сумнѣвались, что сіе въ самомъ дѣлѣ происходило

съ

сѣ сими людьми. Это еще болѣе Дона Кишота, сказала служанка своей барынѣ; естьли господинѣ влюбленѣ вѣ бабочку, а слуга готовится вѣ Маркизы, такѣ есть чего отѣ нихѣ надѣяться. — Но, другѣ мой, ты говорилѣ намѣ о бабочкѣ, вѣ которую твой господинѣ влюбленѣ, и которую онѣ превратить долженѣ вѣ Принцессу? Чаятельно хотѣлѣ ты сказать, что онѣ влюбленѣ вѣ Принцессу, превращенную какимѣ нибудь волшебникомѣ вѣ бабочку?

Точно такѣ! вскричалѣ Педрилло, вѣ томѣ-то и дѣло состоитѣ; а теперь должна она опять преобразиться вѣ Принцессу. А естьли вамѣ сказать правду, то мнѣ кажется, что волшебница Радеманта, которая милостивому моему господину обѣщала свое покровительство, не столько старается о нашемѣ дѣлѣ, сколько бы она могла, и я всегда опасаюсь, что бы мы наконецѣ во всѣхѣ своихѣ надеждахѣ не обманулись.

Кто это такая сія волшебница, которую ты называешь Радемантою, спросила служанка?

О! какъ бы она ни́ называлась, перервала рѣчь ея другая госпожа съ такимъ видомъ, которой бы на меньше пріятномъ лицѣ показался очень досаднымъ; намъ нѣкогда думать о волшебницахъ и бабочкахъ. Я опасаюсь, что бы ночь насъ не застигла до прибытія нашего въ Лиріасъ; что подумаетъ братъ мой о нашемъ отсутствіи?

Выговоря сіи слова, удалилась она кинувъ на прекраснаго спящаго еще одинъ взоръ; такой взоръ, которой бы, можетъ быть, превратился въ поцѣлуй, естьли бы она была одна; по крайней мѣрѣ было сіе нѣкоторымъ родомъ примѣчаній, кои хитрая Лаура весьма тихо дѣлала сама съ собою.

Педрилло почелъ за свою должность выпроводить сихъ прекрасныхъ Дамъ даже на дорогу, гдѣ оставались ихъ лошади подъ смотрѣніемъ двоихъ пажей; но сказать правду, сердце его больше участвовало въ семъ обстоятельствѣ, нежели его учтивость. Возлюбленная его Лаура въ нѣсколько минутъ произвела большую перемѣну

въ

вѣ его сердцѣ, надѣ которымѣ добрая Беатрикса уже нѣсколько лѣтѣ трудилась сѣ меньшимѣ успѣхомѣ; Однимѣ словомѣ, онѣ по уши влюбился вѣ прекрасную Брюнетку. Ему казалось, что онѣ своей прекрасной незнакомкѣ невѣдомо сколько хотѣлѣ говорить, но движенiе сердца отняло у него языкѣ, и онѣ не могѣ промолвить ни единаго слова, и онѣ уже давно изѣ виду скрылись, какѣ онѣ яко прикованной все стоялѣ на одномѣ мѣстѣ, и провожалѣ ихѣ глазами вѣ ту сторону, вѣ которую онѣ поѣхали.

Глава десятая.

Кто такова была госпожа, которую Педрилло почелѣ за волшебницу.

Педрилло, котораго мы отѣ нынѣ, или собственнѣе сказать, сѣ той минуты, вѣ которую прелестная Лаура вѣ первой разѣ усмѣхнулась, почитать должны за такого человѣка, отѣ коего безѣ несправедливости не

можетъ быть требуемо, что бы онъ могъ показывать то присутствіе духа, чрезъ которое находящійся самъ въ себѣ, обыкновенно различается отъ того, которой внѣ себя; Педрилло, говорю я, потерялъ уже обѣихъ Дамъ, показавшихся ему въ прежней главѣ, уже нѣсколько времени изъ виду, какъ опомнился, что онъ не дурно бы сдѣлалъ, естьли бы съ своей стороны освѣдомился, какъ онѣ назывались, или гдѣ бы ихъ можно было сыскать.

Но какъ столько же бы не справедливо было, естьли бы читатели наши, кои можетъ быть не влюблены, не могли вообразить себѣ разсѣянія влюбленнаго Педриллы: то мы почитаемъ себя обязанными, удовлетворить любопытству, которое, ласкаемъ мы себя, что въ нихъ возбудили, когда безъ таинственной скромности, съ коею писатели романовъ насъ иногда чрезъ нѣсколько главъ оставляютъ въ сумнѣніи, кто такова та или другая особа, съ коею они насъ познакомили въ какой нибудь гостинни-

ницѣ или въ дорожной колясkѣ, однако съ великою довѣренностію (ибо въ самомъ дѣлѣ Донъ Силвіо не знаетъ еще о томъ ничего,) открыть намѣрены, кто были сіи госпожи, и какимъ случаемъ попали онѣ на то мѣсто, на которомъ онѣ, къ нещастію для спокойствія своего сердца нашли прекраснаго Дона Силвіо спящаго, а вѣрнаго его соспутника бодрствующаго.

Та, которую Педрилло по ея виду и по дорогимъ каменьямъ почелъ за волшебницу, называлась Донна Фелиціа де Кардена. Ей тогда отъ роду было не больше осьмнатцати лѣтъ, и она осталась вдовою послѣ Дона Мигуеля де Кардены, коему угодно было невступно чрезъ два года послѣ своего съ нею бракосочетанія умереть на семидесятомъ году отъ роду, и оставить ее по себѣ наслѣдницею неисчетныхъ богатствъ, въ снисканіи коихъ препроводилъ онъ почти всю свою жизнь въ Мексикѣ.

Она жила со времени своего бракосочетанія въ Валенціи, въ такомъ

городѣ, которой по своей красотѣ и по пріятному положенію названъ Испанцами преимущественно прекраснымъ. Но какъ скоро Донна Фелиціа по смерти своего старика стала сама себѣ госпожею, то вознамѣрилась удалиться въ деревню, гдѣ бы она безпрепятственно могла отдаться нѣкоторому романическому свойству своего воображенія и сердца.

Стихотворцы произвели такое же почти дѣйствіе въ ея сердцѣ, какое волшебныя сказки въ нашемъ героѣ. Когда воображеніе сего наполнено было превращеніями, волшебствами, Принцессами, страшилищами и карлами, то вмѣсто того Фелиціа находила свое удовольствіе въ стихотворческихъ картинахъ, Аркадскихъ паствахъ и нѣжныхъ любовныхъ приключеніяхъ. Она не изъ какого другаго намѣренія предалась хладнымъ объятіямъ такого не поэтическаго любовника, каковъ былъ ея семидесятилѣтній супругъ, какъ для того, что богатства, кои она въ скоромъ времени надѣялась имѣть въ своей власти, приведутъ ее

въ

въ состоянiе произвести въ дѣйство всѣ планы, кои она дѣлала себѣ по стихотворческимъ понятiямъ о свободной и щастливой жизни.

При рѣдкой красотѣ Донна Фелицiа имѣла всѣ прiятности, кои награждаютъ недостатокъ красотъ и красоту дѣлаютъ неприступною. Она играла на лютнѣ съ крайнѣйшимъ совершенствомъ, и умѣла провождать звукъ оныя такимъ пѣнiемъ, которое тѣмъ было восхитительнѣе, когда одинъ тонъ голоса ея имѣлъ нѣчто трогающее и музикальное, что по разсужденiю добраго Короля Леара, считается въ женщинѣ превосходнымъ дарованiемъ. Она рисовала красками, а что бы имѣть всѣ дарованiя Музъ, то сочиняла также сонетты, идиллiи и маленькiя епиграммы, которыя по разсужденiю ея любовниковъ превосходили все то, что Сафы, Коринны и самыя девять Музъ производили когда въ семъ родѣ.

Можно себѣ представить, какое смятенiе долженствовала произвести смерть ея супруга въ дворянствѣ Валенцскомъ. Всѣ Дамы трепетали о

вѣрности своихъ любовниковъ, всѣ молодые господа приготовлялись къ толь славному завоеванію; стихотворцы запасали цѣлыя фуры Стансовъ и Елегій, надѣясь продать оныя за настоящую цѣну любовникамъ прекрасной вдовы: однимъ словомъ, весь свѣтъ былъ въ движеніи, выключая одной той, которая была предметомъ столь многихъ пріуготовленій и намѣреній. Едва минуло ея печальное время и прошла зима, то оставила она городъ, не безпокояся о томъ, въ какое безутѣшное состояніе ввергнетъ столь жестокое предпріятіе ея обожателей, и удалилася съ своимъ братомъ въ Лиріасъ, прекрасную маятность, которую онъ имѣлъ въ одной изъ наиприятнѣйшихъ странъ, какія только найти можно на земномъ шарѣ.

Она избрала себѣ мѣсто сіе для пребыванія, частію по тому, что весьма нѣжно любила своего брата, а частію по благопристойности. Ибо хотя она и сама имѣла великолѣпной загородной домъ, купленной Дономъ Мигуелемъ по ея желанію близь Ксельвы

вы; однако почитала за приличнѣе жить въ глазахъ у брата, а особливо когда у нее не было ближайшихъ сродниковъ, а Донъ Евгеніо де Лиріасъ отъ всѣхъ почитаемъ былъ за молодаго дворянина имѣющаго великія достоинства.

Донна Фелиціа завела въ своей собственной деревнѣ нѣкоторой родъ паствы, изъ коей она мало по малу думала сдѣлать новую Аркадію. Она вознамѣрилась отъ времени до времени туда пріѣзжать и хотѣла вмѣстѣ съ своею вѣрною Лаурою съ такой прогулки возвратиться въ Лиріасъ, какъ увидѣла розовой кустъ, подъ коимъ заснулъ Донъ Силвіо. Мѣсто показалось ей столь пріятно, что она сошла сломить нѣсколько розъ, до коихъ она, какъ всѣ стихотворныя души, была великая охотница, и сіе-то было поводомъ къ тому, что она толь нечаяннымъ образомъ увидѣла нашего спящаго волшебнаго рыцаря.

Сколь бы стихотворно, таинственно, магически не отдавалось слово симпатія въ ушахъ многихъ нашихъ нынѣш-

нѣшнихъ мудрецовъ, однако мы не знаемъ никакого другаго слова, для означенія нѣкотораго рода склонности, которую мы (то есть всѣ вкупѣ дѣти Адамовы и Еввины) иногда чувствуемъ при первомъ воззрѣніи на незнакомыхъ особъ, и которая какъ въ своемъ источникѣ, такъ и въ своихъ дѣйствіяхъ не мало отличается отъ всѣхъ прочихъ родовъ склонности, дружества или любви.

На примѣръ: Болѣе пятидесяти было молодыхъ любви достойнѣйшихъ господъ въ Валенціи, кои прилагали всевозможное стараніе тронуть сердце прекрасныя Фелиціи, однако они не могли до того достигнуть, что бы она хотя одному изъ нихъ отдала преимущество предъ богатствами стараго Дона Мигуеля. Нѣкоторые изъ ея почитателей дѣйствительно имѣли заслуги; Донна Фелиція отдавала имъ въ разсужденіи сего совершенную справедливость; она ихъ высоко почитала, находила удовольствіе въ обхожденіи съ ними, удостоивала ихъ своею дружбою, *и можетъ быть* по

нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, въ нѣкоторомъ знакѣ луны, при благополучномъ вѣтрѣ, въ извѣстномъ мѣстѣ, въ извѣстной часъ и въ извѣстныхъ разположеніяхъ, была бы даже способна для одного изъ нихъ, которой бы лучше зналъ свѣтъ, нежели маленькой Аббатъ госпожи Лизбанъ, возымѣть небольшую слабость; ибо, (съ позволенія нашихъ прекрасныхъ деревенскихъ жительницъ) по мнѣнію мудраго Авиценны, коему достопочтенный Патеръ Эскобаръ слѣдуетъ въ своемъ нравоучительномъ Богословіи, бываютъ такія минуты, въ кои щастливой случай бываетъ добродѣтели чрезвычайно къ статѣ. Но ни единому изъ нихъ не удалось (и не удалось бы никогда, хотя бы они провздыхали предъ Донною Фелиціею столько же времени, сколько Селадоны въ Астреѣ употребили на нѣжное стенаніе у ногъ своихъ нечувствительныхъ богинь) вдохнуть въ нее сіе чрезвычайное и неизъяснимое чувствованіе, какое Донъ Силвіо безъ всякаго старанія, не вѣдая, спавши и при

пер-

первомъ воззрѣнія въ ней возбудилъ. Такое чувствованіе, которое ей въ десятой части мгновенія болѣе сказывало, нежели ея сердце сказало бы ей во всю ея жизнь за всѣхъ ея обожателей. Однимъ словомъ, такое чувствованіе, которое бы ей, естьли бы Екстатическое состояніе, въ коемъ она тогда находилась, позволило разсудить нѣсколько о себѣ самой, весьма ясно подало уразумѣть, что она была въ состояніи пожертвовать съ радостію всѣми богатствами, коимъ за нѣсколько лѣтъ жертвовала она наидостойнѣйшими любви Валенцскими юношами.

Какая есть собственная причина столь рѣдкаго дѣйствія, и всѣхъ тѣхъ, чрезъ которыя симпатическая любовь отличается отъ прочихъ родовъ любви, было бы такое изслѣдованіе, которое бы насъ весьма далеко отвлекло отъ нашего повѣствованія, и мы оставляемъ читателямъ нашимъ избрать на оное такое положеніе, которое имъ приличнѣйшимъ покажется. И такъ положимъ, что ду-

души такихъ симпатическихъ творений въ прежде бывшемъ состоянiи знались и любились, или положимъ, что есть естественное родство между душами, и какъ называетъ сie Аглинской стихотворецъ, обрѣтаются братскiя души, или что Генiи ихъ находятся въ особливомъ союзѣ между собою, или что музикальное равногласie ихъ фибръ и фибриллъ механическимъ образомъ производитъ сie дѣйствie: Довольно, что сiя симпатiя столько же дѣйствительно находится въ природѣ, какъ и тяжесть, привлеченie, упругость, или магнитныя силы; и что, разсудя обо всемъ подробно, столько же мало причесть можно прекрасной Доннѣ Фелицiѣ въ порокъ, что она будучи принуждена волшебною силою таинственной сей склонности, не могла защититься, что бы къ нашему герою не почувствовать нѣчто такое, что она еще никогда не чувствовала, какъ то можно было поставить въ порокъ нѣкоторому Регулу Васкону то, что онъ, по объявленiю Скалигера, не могъ

удер-

удержать мочу, какъ скоро слышалъ волынку. (*)

Не взирая на то, что мы должны опасаться, чтобъ симъ не очень благороднымъ сравненіемъ не оскорбить нѣжности дорогихъ нашихъ читательницъ, употребили мы его однако съ добрымъ умысломъ, ибо оно можетъ истолковать подлинное мнѣніе наше о симпатіи въ случаѣ, когда впредь Комментаторамъ войдетъ въ голову узнать оное. И теперь не останавливаясь болѣе при такихъ тонкостяхъ обращаемся мы паки къ нашимъ красавицамъ, коихъ оставили мы, какъ читатель можетъ быть еще припомнитъ, на возвратномъ пути въ Лиріасъ.

Гла-

(*) Не имѣя теперь въ рукахъ книги *Скалигеропой*, Exercitationes contra Cardanum, въ коихъ рѣдкость сія повѣствуется за истинну, не можемъ точно означить того мѣста, гдѣ о семъ сыскать.

Глава одиннатцатая.

Одна изъ ученѣйшихъ главъ въ семъ сочиненіи.

Вкусъ въ любви столько различенъ, что мы не можемъ за то ручаться, что бы не сыскались такіе читатели, которыхъ сердце можетъ быть лежитъ болѣе къ Лаурѣ, нежели къ ея госпожѣ, хотя она есть красавица втораго класса, или, дабы выразить по ученому, Dea minorum Gentium (Богиня меньшихъ народовъ). Есть-ли найдутся такіе читатели, то можетъ быть они не очень хорошо объ насъ отзовутся за то, что мы не сообщимъ сокращенія исторіи прекрасной Лауры. Однако мы просимъ ихъ вспомнить, что мы уже почти столько сказали о сей молодой женщинѣ, сколько нужно было, что бы увидѣть, что она была милая, изрядная, остроумная и довольно поворотливая маленькая особа, а сіе, кажется, есть наидостойнѣйшее примѣчанія изъ всего, что мы объ ней могли сказать. Ибо что касается до

ея исторіи, то она была горнишная дѣвушка, а исторія горнишныхъ дѣвушекъ, какъ извѣстно, по крайней мѣрѣ по обыкновенному теченію природы, во всемъ свѣтѣ есть одна и самая таже.

Славный Патеръ Санхецъ примѣчаетъ въ своейс только же цѣломудренной, сколько и ученой книгѣ de Matrimonio (о супружествѣ), что раждающаяся любовь иначе дѣйствуетъ на молодую вдову, и иначе на молодую дѣвушку; первая, говоритъ онъ, становится отъ того живѣе, веселѣе и рѣзвѣе; въ другой же напротивъ того примѣчается нѣкое изумленіе и тихая тоска, которая (присовокупляетъ сей превосходной мужъ) есть дѣйствіе тайнаго внутренняго отвращенія, чувствуемаго душею отъ опасности низвергнуться изъ небеснаго состоянія Ангеловъ, и погрузиться въ бездну грубой и вещественной страсти, которая въ своихъ слѣдствіяхъ приводитъ къ сему непристойному воплощенію, населяющему свѣтъ грѣхами.

Мы

Мы имѣя глубокое почтеніе къ святой Инквизиціи не осмѣлилися никакъ обвинять столь великаго мужа и въ самомъ малѣйшемъ заблужденіи. И такъ лучше скажемъ, что природа сдѣлала весьма несправедливо, когда она, не имѣя ни малѣйшаго уваженія къ мнѣнію такого мужа, которой изобрѣлъ столь много новыхъ грѣховъ, отважилась подѣйствовать въ прекрасной Фелиціѣ и ея любимицѣ прямо противно его наблюденію. Ибо сколько бы сіе противосмысленно ни казалось быть, однако подлинно, и столько же неотрицаемо, что на пути въ Лиріасъ, о коемъ теперь идетъ рѣчь, молодая вдова хранила при задумчивости глубокое молчаніе; а молодая дѣвушка, не взирая на опасность, отъ которой бы ея дѣвической душѣ надлежало содрогнуться, была столько весела, что презадумчивой человѣконенавистникъ принужденъ бы былъ въ ея товариществѣ развеселиться. Онѣ уже довольно отъѣхали, а Донна Фелиціа, сколь жадно Лаура ни ожидала знака, дать

волю своимъ замысламъ, изпустила одинъ только вздохъ, которой у нее нечаянно вырвался, или собственно сказать, только отрывокъ вздоха, потому что она примѣтила еще его столь рано, что могла двѣ трети онаго удержать въ скромной своей груди.

Наконецъ Лаура, которая въ разсужденіи комнатной дѣвушки чрезвычайно долго молчала, не могла долѣе вытерпѣть. Она сдѣлала начало вопросомъ, привлекшимъ за собою другой вопросъ, и такъ зачался мало по малу у нее съ госпожею ея или пріятельницею (ибо она въ самомъ дѣлѣ была ей и то и другое) такой разговоръ, которой мы, по силѣ права, присвоеваннаго себѣ исторіописателями издревлѣ, читателямъ нашимъ отъ слова до слова вѣрно сообщить намѣрены, не задерживая ихъ безъ нужды открытіемъ источника, изъ коего оной почерпнутъ.

Глава двенатцатая.

Разговоръ между Донною Фелицїею и ея служанкою.

Вы необыкновенно задумались, милостивая государыня.

„ Задумалась ?„

Такъ, естьли вамъ не противно, да еще почти и тоскуете, естьли толь скучное слово прилично для такого лица, на которомъ самая задумчивость прелестна.

„ Я не знаю, что ты тѣмъ сказать хочешь; мнѣ кажется, что я все такова же весела, какова была чрезъ весь сей день ?„

Не совсѣмъ-то такъ веселы, сударыня.

„ А для чего же бы мнѣ не быть столько веселой, естьли смѣю спросить?„

И этого не знаю; но мнѣ кажется, что я лишь только теперь слышала маленькой вздохъ —

„ Вздохъ ?„

Это въ самомъ дѣлѣ былъ только вздошикъ; и уподоблялся тому

роду вздоха, которой испускаетъ четырнатцатилѣтняя дѣвушка, когда прекрасной молодой любовникъ свашается къ ея старшей сестрѣ.

„ У тебя, дѣвушка, безстыдныя сравненія; ты превращаешь бѣдное невинное дыханіе во вздохъ для того только, чтобъ промолвить такой замыселъ, о коемъ ты цѣлую четверть часа размышляла?„

Благодарствую, сударыня, за привѣтствіе, какое вы сдѣлали моей остротѣ; но какъ вы изволите говорить, что вы не задумались и не вздохнули, хотя и можно еще нѣчто противу онаго сказать, однако начнемъ говорить о чемъ нибудь другомъ, естьли вамъ угодно.

„ Я сего вечера не очень расположена болтать. „

Надлежитъ признаться, что то мѣсто можетъ назваться наипріятнѣйшимъ, на коемъ вы сорвали сіи розоны, кои, сказать правду, (ибо я не стихотворка) начинаютъ уже на вашихъ грудяхъ блекнуть; — это прямо пріятное мѣсто!

„ Правда.„

Пря-

Прямо стихотворческое мѣсто, и я надѣюсь, что вы, сударыня, не разкаиваетесь, что на оное сходили, — не смотря на маленькаго Эндиміона, котораго мы тамъ нашли спящаго. Признайтесь, сударыня, что въ Валенціи столь прекраснаго не увидишь.

„Ты говоришь о томъ молодомъ человѣкѣ съ такою живостію, которая почти заставляетъ меня думать, что ты въ него влюблена.„

Можетъ быть, сударыня, вы бы сіе могли обо мнѣ скорѣе подумать, естьли бы я о немъ совсѣмъ ничего не говорила.

„Я тебя разумѣю; однако что бы ты ни воображала, но я не могу сказать, что бы онъ мнѣ столь чрезъестественно показался пригожимъ, какъ ты его представляешь.„

Чрезъестественно пригожъ? этого я и не говаривала, потому что я весьма мало разумѣю о чрезъестественныхъ вещахъ; однако вы уступите въ томъ, что онъ гораздо прекраснѣе вашего Дона Алексиса, которой въ Вален-

ленціи столь важную представляетЪ особу, что госпожи не могутЪ дождаться, когда онЪ предложитЪ имЪ свои услуги, и что, (выключая Донну Фелицію де Кардену,) нѢтЪ ни единой, которая бы не хотѢла того, чтобЪ обЪ ней думали, что она имѢла его вЪ своей власти по крайней мѢрѢ дни два.

„ ПрекраснѢе Дона Алексиса, симЪ еще ты не столько сказываешь, сколько думаешь; я его всегда ни за что другое почитала, какЪ за вѢтренаго маленькаго зеваку, котораго всѢ достоинства состоятЪ вЪ томЪ, что онЪ имѢетЪ мягкія руки и бѢлые зубы, и что умѢетЪ намЪ наболтать ужасное множество пустаго вздора со всемЪ только возможнымЪ воображеніемЪ о себѢ.„

Я и сама не знаю, для чего мнѢ этотЪ ДонЪ АлексисЪ вспалЪ на умЪ; ибо вЪ самомЪ дѢлѢ я не могу понять, что дамы вЪ немЪ усматриваютЪ. ОнЪ долженЪ беречьчись, когда нашЪ ДонЪ Силвіо появится вЪ Валенціи, то ему не останется и столько до-

достоинства, сколько надобно, для склоненія сердца бѣдной нѣжной горнишной дѣвушки.

Я не знаю, какими глазами смотрѣла ты на сего, такъ тобою называемаго Дона Силвіо: а мнѣ, признаюсь, показался онъ столь прекрасенъ, столь любви достоинъ, какъ ты говоришь.,, —

Вы, сударыня, очень къ статѣ употребили слово, любви достоинъ, это же самое слово и я хотѣла лишь сказать; ибо въ самомъ дѣлѣ, что касается до его красоты, то въ ней можетъ быть найдется еще много недостатковъ. Бѣлокурые волосы —

„Темнорусые, ты хотѣла сказать,, —

Да такъ, темнорусые, но какъ онъ имѣетъ чрезвычайно нѣжной румянецъ, прямо женской румянецъ, то бы можно сказать, что бѣлокурые волосы, кажется мнѣ —

„А мнѣ кажется, что природа лучше тебя о семъ разумѣла; волосы его дѣйствительно чрезвычайно пристали къ его цвѣту лица.,,

Но я думаю, что ему надобно бы было имѣть побольше мужественнаго въ своемъ лицѣ; я вамъ за это ручаюсь, что естьли бы его одѣть въ женское платье, то бы обманулась сама Донна Леонора де Цунига, которая почитается знающею въ разборѣ мужескихъ лицъ.

„Это правда, что онъ не Геркулесъ; но невзирая на совершенную непринужденность и правильность чертъ лица, нахожу я нѣчто великое и героическое въ его образѣ, что тебѣ необходимо надлежало примѣтить, когда ты его, какъ видно, столь обстоятельно разсматривала.„

А мнѣ напротивъ того, сударыня, кажется, что вы изволили въ одну минуту гораздо обстоятельнѣе его разсмотрѣть, нежели я въ четверть часа. Но что вы скажете о его ртѣ? Я признаюсь, что онъ хорошъ, однако нѣсколько, кажется мнѣ, малъ —

„Я бы желала знать, для чего ты желаешь хулить въ немъ прямо то, что у него дѣйствительно всего лучше.„

Про-

Прошу извинить, сударыня, я говорю только, такъ какъ мнѣ показалось, а естьли бы я не опасалась васъ прогнѣвать.—

„Меня прогнѣвать? Я думаю ты сошла съ ума; а естьли сказать правду, то я и сама не умнѣе, что слушаю вздорныя твои мысли. Что намъ нужды, хорошъ ли Донъ Силвіо, или сколько онъ хорошъ?„

И это правда; довольно, что онъ любви достоинъ, это главной пунктъ, отъ коего все зависитъ. Мнѣ кажется, будто я гдѣ-то читала, что намъ ничто такъ хорошо не представляется, кромѣ того, что мы любимъ.

„Такъ тебѣ надлежитъ быть весьма влюбленной въ сего незнакомца; ибо Донъ Силвіо по твоимъ рѣчамъ прекраснѣе Ватиканскаго Аполлона.„

Онъ по крайней мѣрѣ то предъ нимъ имѣетъ преимущество, что онъ дышетъ, а это по малому моему разуму, есть великое преимущество.

„Перестанемъ пустое говорить. Скажи мнѣ, Лаура, помнишь ли ты, что этотъ Педрилло, или какъ бишь онъ называется, сказывалъ намъ объ немъ?„

Естьли вѣрить рѣчамъ сего человѣка, то нашъ незнакомецъ изъ хорошаго дому. Онъ сынъ Дона Педра де Розалвы, о коемъ я, сударыня, часто отъ вашего батюшки слыхала, что онъ былъ храброй человѣкъ. А я, сказать вамъ подлинное мое мнѣнiе, думаю, что господинъ Педрилло больше насказалъ, нежели сколько можетъ доказать.

„Это правда, видъ можетъ обмануть, но по какимъ причинамъ ты такъ думаешь, естьли смѣю спросить?„

Ежели мы повѣримъ въ этомъ Педриллѣ, имѣющему видъ забавнаго шушника, то должны также повѣрить и тому, что Донъ Силвiо влюбленъ въ бабочку; что онъ невѣдомо какого-то карлу имѣетъ соперникомъ, а защитницею нѣкоторую волшебницу, помощiю которыя бабочка пре-

превращена быть должна въ Принцессу, и такъ далѣе. Все сіе кажется мнѣ довольно вздорнымъ; но что всего хуже, то этотъ дѣтина разсказывалъ всю сію пустельгу съ толь честнымъ смиреннымъ видомъ, и толь безутѣшнымъ голосомъ чистосердечія, дабы намъ не льзя было подумать, что онъ говорилъ сіе только на смѣхъ.

„Я признаюсь тебѣ, Лаура, да и не для чего мнѣ это отъ тебя скрывать? я очень много думаю о семъ молодомъ человѣкѣ. Ему надлежитъ быть безъ ума, естьли слуга его сказывалъ правду.„

А Педриллѣ надлежало быть еще безумнѣе, сударыня; ибо я вамъ божусь, что онъ говорилъ о бабочкахъ, Принцессахъ, карлахъ, волшебницахъ и Маркизатствахъ съ такою же холодностію, какъ бы онъ говорилъ о обыкновеннѣйшихъ вещахъ.

„Во всемъ семъ есть нѣчто непонятное. Однако сколько можно угадать изъ запутанныхъ вракъ слуги, что Донъ Силвіо ушолъ изъ своего

его дому для любовной какой нибудь надобности. Педрилло упоминалъ о старой теткѣ, которая по видимому препятствуетъ его любви; отъ чего онъ можетъ статься рехнулся ума. Жестокая страсть безсмысленнымъ сопротивленіемъ можетъ доведена быть до чудныхъ слѣдствій.

Сіе подлинно, а особливо когда и безъ сего ничего нѣтъ несомнѣннѣе, какъ что любовь и разумъ между собою воюютъ. Но естьли мы не предположимъ, что Педрилло столько же влюбленъ и столько же безуменъ, какъ его господинъ, то мы со всемъ нашимъ разсужденіемъ ничего не отгадали. Я имѣю чудныя мысли, сударыня, но онѣ всегда могутъ быть хороши до лучшихъ. Весьма прискорбно, когда мы себѣ должны представлять столь милаго молодаго человѣка сумасшедшимъ! Въ самомъ дѣлѣ столь печальная мысль довольно стоитъ вздоха, которой у васъ теперь вырвался. — На сей разъ по крайней мѣрѣ признайтесь только, сударыня, что вы вздохнули; это одинъ былъ

изъ

изъ такихъ вздоховъ, отъ коихъ не можно отрещися; я присматривала за нимъ отъ самаго его возрожденія, какъ онъ изъ прекрасной вашей груди мало по малу поднимался, до самой той минуты, когда онъ, между полуразтворенными устами выбившись, улетѣлъ въ видѣ маленькаго Купидона.

„ Ахъ какъ ты глупа, Лаура! — Но о какомъ мнѣніи хотѣла ты мнѣ сказать?„

Я воображаю себѣ, что Донъ Силвіо, съ позволенія вашего сказать, немножко глупенекъ, не будучи совсѣмъ сумасшедшимъ. Однимъ словомъ, онъ можетъ быть обуянъ нѣкоторымъ родомъ дурачества или сумасбродства, или какъ то называется, которое однако тѣмъ не дѣлаетъ его менѣе достойнымъ плѣнить сердце всякой молодой госпожи, которая бы нашла его спящаго подъ толь пріятнымъ розовымъ кустомъ.

„ Я примѣчаю, дѣвушка, что ты забрала себѣ въ голову, будто я неотмѣнно въ него влюбилась; — но за это не хочу я теперь съ тобою

ссориться. Да въ чемъ состоитъ это сумасбродство?,,

Мнѣ кажется, что онъ есть нѣкоторой родъ молодаго Дона Кишота, которой, по Педриллову выраженію, путешествуетъ по волшебству, какъ рыцарь ла Манхской по странствующему рыцарству. Можетъ ли это казаться непонятнымъ, что бы молодой человѣкъ живаго духа, никогда не видавши свѣта, и не находивъ въ деревнѣ своей ничего могущаго удовлетворить нѣжности его вкуса, отъ чтенія романовъ и волшебныхъ сказокъ не впалъ въ чудныя мысли, и не увѣрился, что волшебницы и очарованныя палаты со всѣми великолѣпіями, кои они въ себѣ заключаютъ, дѣйствительно существуютъ, и не почелъ бы всѣхъ ихъ драконовъ, карловъ, голубыхъ центавровъ и волшебныхъ жезловъ за дѣйствительныя вещи въ природѣ?

„ Это бы былъ рѣдкой родъ умоизступленія, однако, мнѣ кажется, я понимаю, что оно въ самомъ дѣлѣ возможно. Но въ семъ случаѣ что намъ

намъ думать о любви его къ Принцессѣ, превращенной въ бабочку?,,

Я бьюсь о чемъ угодно, сударыня, что сія Принцесса ни больше, ни меньше, какъ пригожая крестьянка, которая ослѣпила его очи; очарованное его воображеніе возвысило ее сперва до Принцессы, а наконецъ съ помощію желтаго карлы или горбатой Маготины превратило въ бабочку; я увѣрена, что ему ничего инаго не надобно, какъ только увидѣть молодую госпожу, которая бы удовольствовала быстроту его воображенія, то возлюбленная его безъ помощи волшебнаго жезла и талисмана въ единую минуту приметъ прежней свой видъ, и, сказать по Педриллову, преобразится опять хотя не въ Принцессу, но въ деревенскую дѣвочку.

,, Я тебѣ признаюсь, Лаура, что любопытство мое возбудилось, и приводитъ меня теперь въ раскаяніе, что я не подождала, пока бы онъ проснулся.,,

Какъ онъ живетъ отъ насъ не далеко, то не трудно будетъ полу-

чить извѣстія, могущія растолковать намъ сіе чудо. Да и кто знаетъ, можетъ быть духъ, старающейся о его судьбѣ столько же легко заведетъ его въ Лиріасъ, какъ и насъ завелъ сего дня въ сей розовой кустарникъ, которой, по чести моей дѣвичей! столько похожъ былъ на очарованную бесѣдку Царицы волшебницъ, что я еще въ жизни моей ничего подобнаго не видывала.

По произнесеніи Лаурою сихъ словъ, пріѣхали онѣ на внутренней дворъ Лирійскаго за́мка, гдѣ мы намѣрены осмѣлиться съ ними проститься, дабы посмотрѣть, что между тѣмъ дѣлалось съ героемъ нашей повѣсти, котораго мы, сколько бы намъ бесѣда съ Донною Фелиціею пріятна ни была, не можемъ опустить изъ глазъ безъ наказанія достойнаго небреженія.

ЧУДНЫЯ ПОХОЖДЕНІЯ
ДОНА СИЛВІО де РОЗАЛВЫ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Глава первая.

Въ которой сочинитель показываетъ глубокое знаніе таинствъ Онтологіи.

Естьли когда находился человѣкъ въ чудномъ расположеніи, то это былъ Педрилло, потерявшей изъ виду прекрасныя творенія, съ коими познакомили мы его въ прошедшей книгѣ. Замѣшательство, оставленное симъ явленіемъ въ головѣ его и сердцѣ, было столь велико, что единое только стараніе, описать оное, приводитъ насъ

почти въ толь же великое смущенiе. Бодрствовалъ ли онъ или во снѣ видѣлъ, волшебницы ли то были или смертныя, изчезли ли онѣ или улетѣли, это были такiе вопросы, на кои онъ всегда тѣмъ меньше могъ отвѣчать, чѣмъ чаще онъ ихъ себѣ дѣлалъ. Размышлять есть въ самомъ дѣлѣ не каждаго человѣка дѣло. Педрилло по меньшой мѣрѣ тѣмъ менѣе зналъ, что о томъ подумать, когда онъ увидѣлъ себя наконецъ въ своихъ собственныхъ мысляхъ пойманнымъ какъ въ сѣти, въ коихъ онъ всегда тѣмъ больше запутывался; однимъ словомъ, поспоря съ самимъ собою добрую четверть часа кончилъ наконецъ тѣмъ, что въ самомъ дѣлѣ началъ сомнѣваться о собственномъ своемъ бытiи.

Между всѣми сомнѣнiями, коимъ бѣдный слѣпомыслящiй человѣческiй разсудокъ подверженъ, не сыщется можетъ быть ни единаго, которое бы въ продолженiи менѣе можно было вытерпѣть, какъ сiе; къ томужъ духъ бѣднаго Педриллы находился

въ

въ такомъ расположенiи, какъ будто бы онъ вертѣлся около собственной своей оси, на подобiе жерновъ въ вѣтреной мѣльницѣ.

Можетъ статься можно бы подумать, естьли бы онъ былъ Картезiанецъ, то бы онъ могъ чрезъ славное умозаключенiе, *cogito, ergo sum*, (т. е. я размышляю, слѣдовательно я существую,) весьма легко свободиться отъ своего сомнѣнiя. Но въ такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ находился бѣдной Педрилло, самъ бы Картезiй можетъ быть позабылъ свою Латынь. Естьли бы онъ въ такомъ состоянiи еще способенъ былъ дѣлать Силлогизмы, то бы Картезiево положенiе ни къ чему иному не послужило, какъ ввергнуть его изъ сумнѣнiя о своемъ бытiи въ извѣстность, что онъ не существуетъ, что бы въ самомъ дѣлѣ не лучше было, какъ кинуться ex Scillâ in Charybdin или изъ огня въ полымя.

Должно признаться, что грубой естественной человѣческой разумъ, природное побужденiе, и Sensus communis, или какъ то иначе называется, (ибо

о словахъ мы никогда не споримъ) своему обладателю иногда гораздо полезнѣе бываетъ, нежели самой тонкой разсудокъ. Естьли бы Педрилло былъ Метафизикъ, то бы онъ конечно при сумнѣнiи о своемъ бытiи не остановился; онъ бы столь долго разсматривалъ, рефлектировалъ, анализировалъ, абстрагировалъ, дистинктировалъ и комбинировалъ, пока бы совершенно не отвергнулъ дѣйствительности, да и самой возможности самаго себя и чаятельно всѣхъ прочихъ вещей; да и кто знаетъ, что онъ не сдѣлался бы наконецъ основателемъ новой философической секты, отъ коей не безъ основанiя можно бы надѣяться, что она по своей особливой удобности не рѣшила бы безъ малѣйшаго труда самыя труднѣйшiя фисическiя и нравоучительныя проблеммы, и въ короткое время не уничтожила бы всѣ другiя секты Дуалистовъ, Матерiалистовъ, Пантеистовъ, Идеалистовъ, Егоистовъ, Платониковъ, Аристотеликовъ, Стоиковъ, Епикуреевъ, Номиналистовъ, Реалистовъ, Оккамистовъ,

стовЪ, АбелардистовЪ, АверроистовЪ, ПарацельсистовЪ, МахіавелистовЪ, РозенкрейцеровЪ, КартезіанцовЪ, СпинозистовЪ, ВолфіанцовЪ и КрузіанцовЪ.

Мы не можемЪ помыслить безЪ страха и содроганія о томЪ, коль пагубныя слѣдствія могла бы привлечь за собою такая философія вЪ системѣ человѣческаго сообщества, когда вЪ самомЪ дѣлѣ невозможнымЪ кажется, что бы положеніе небытія могло быть приведено вЪ сносное сравненіе сЪ какою нибудь извѣстною вѣрою, или со введенными законами и обычаями просвѣщенныхЪ народовЪ. Ибо сЪ какимЪ видомЪ права можно бы было требовать отЪ такого человѣка, котораго нѣтЪ, десятую деньгу, жертву, или Iura ſtolae, или какЪ возможно обличать того вЪ преступленіи, которой бы доказалЪ судьѣ длиннымЪ доказательствомЪ по Геометрическому способу, что онЪ не могЪ сдѣлать того или другаго, вЪ чемЪ его обвиняютЪ, не существуя?

Но къ величайшему щастію для общаго спокойствія Педрилло не имѣлъ ни малѣйшаго знанія въ умозрительной философіи; и вмѣсто продолжительнаго разсужденія о жестокомъ своемъ состояніи упражнялся онъ въ изысканіи средствъ, какъ бы поскорѣе отъ онаго освободиться. Господинъ мой, думалъ онъ самъ въ себѣ, которой въ семъ дѣлѣ тѣмъ безпристраснѣе долженъ быть, когда онъ чрезъ все сіе время спалъ, растолкуетъ мнѣ лучше всѣхъ сіе чудо.

Мы никакъ не станемъ изслѣдывать, правильно ли разсуждалъ въ семъ случаѣ Педрилло, ибо ближайшее изслѣдованіе онаго могло бы насъ безъ сомнѣнія запутать въ славной споръ *de intellectu agente et patiente*, къ чему мы тѣмъ менѣе расположены, что глубокомысленное содержаніе сей главы дѣйствительно удручило мозгъ нашъ столько, что мы видимъ себя принужденными съ позволенія благосклоннаго читателя сдѣлать роздыхъ.

Глава вторая.

Примѣръ, что очевидной свидѣтель не всегда столько бываетъ надеженъ, какъ обыкновенно думаютъ.

Итакъ Педрилло разбудилъ спящаго своего господина, но по нещастію въ такую минуту, въ которую онъ былъ упражненъ столь пріятнымъ сновидѣніемъ, какого только когда-либо могъ желать такой Платонической любовникъ, каковъ неоспоримо есть обожатель бабочки.

Нещастной! вскричалъ проснувшейся Донъ Силвіо, изъ какого сновидѣнія разбудилъ ты меня?

Ну къ чорту! господинъ Донъ Силвіо, закричалъ Педрилло, теперь не о снахъ идетъ дѣло, но совсѣмъ о другомъ. Но я васъ прошу, сударь, естьли въ васъ еще хотя искра осталась Христіанской любви къ бѣдному Педриллѣ, сказать мнѣ чистосердечно, дѣйствительно ли я Педрилло или нѣтъ? Ибо, по чести моей, дѣло идетъ очень не ладно, — я не хочу

живЪ быть, естьли бы повѣрилЪ матери своей словамЪ, что я отецкой сынЪ.

Что за бѣшенство напало на тебя, спросилЪ ДонЪ Силвіо, котораго слова сіи ввергнули вЪ удивленіе. Какія ты имѣешь причины думать, что ты иной, нежели ты самЪ?

Скажите только мнѣ прежде, я ли это, отвѣчалЪ Педрилло. Причины моего вопроса вамЪ со временемЪ откроются; прежде рѣшимЪ главной пунктЪ; пожалуйте отвѣчайте мнѣ на мой вопросЪ правду, ибо вы увидите, что дѣло гораздо важнѣе, нежели вы себѣ теперь воображаете.

ГлупецЪ, сказалЪ ДонЪ Силвіо усмѣхнувшись, ты былЪ чрезЪ цѣлыя двадцать лѣтЪ все Педрилло, такЪ для чего тебѣ и теперь не быть имЪ?

Посмотрите на меня хорошенько, милостивой государь, разберите меня сЪ зади и сЪ переди, и скажите мнѣ правду по дворянской своей совѣсти.

По дворянской моей совѣсти говорю тебѣ, отвѣчалЪ ДонЪ Силвіо, что

что ты или Педрилло, или оселъ, которое нибудь изъ обоего правда.

Оселъ? — Вотъ мои уши, сударь; я думаю, что подъ иною Докторскою шапкою висятъ долѣе, и естьли я есмь столько же подлинно Педрилло, сколько не Докторъ — сказать, сударь, правду, я самъ имѣлъ нѣкоторое предчувствіе, нѣкоторой родъ репрегенціи, что это въ самомъ дѣлѣ такъ, какъ вы меня увѣряете; но естьли бы кому приключились такія чудеса, какъ мнѣ, то бы не удивительно было, естьли бы онъ наконецъ забылъ собственное свое имя.

Да что съ тобою сдѣлалось, спросилъ Донъ Силвіо? Сказывай покороче, естьли смѣю просить.

Этого не можно, сударь, пересказать въ одну минуту, отвѣчалъ Педрилло съ важнымъ видомъ; мудрому человѣку однимъ разомъ спросить можно столько, что дуракъ въ цѣлой день не надумается отвѣчать. Естьли вы мнѣ дадите время, то я вамъ все до словечка перескажу; ибо, по чести моей, мнѣ кажется, будто я ее предъ

собою вижу, съ большими ея черными глазами, съ наипріятнѣйшимъ плутовскимъ видомъ, съ коимъ она глядя на меня со стороны улыбалась, какъ она хотѣла опять сѣсть на лошака. Что бы мнѣ съ мѣста не сойти, естьли она сердце мое не тащила за собою, какъ бы на ниточкѣ! вы будете смѣяться надо мною, сударь; но пусть я буду безчестной человѣкъ, естьли я не съ завистливыми глазами смотрѣлъ на того лошака, на коемъ она сидѣла.

Не употребляй долѣе во зло моего терпѣнія, сказалъ Донъ Силвіо, не понявшій ничего изъ всего сего болтанья; разскажи мнѣ порядочно и съ начала, что съ тобою приключилось съ самаго того времени, какъ я заснулъ.

Изрядно, сударь, этого-то мнѣ и самому хочется, естьли можете только нѣсколько потерпѣть; ибо, какъ я сказалъ, я вамъ имѣю столько разсказать, что я право не знаю, съ чего мнѣ начать, хотя духъ мой такъ онымъ преисполненъ, что проговорилъ бы все вдругъ. Но какъ

вамъ

вамъ угодно, что бы я началъ разсказывать съ начала, то знайте, сударь, что нѣсколько спустя послѣ того, какъ вы започивали, нападала на меня раза два такая ужасная позевота, что я думалъ, что она чрезъ весь вечеръ не минуется. Я изъ того примѣтилъ, что сонъ скоро придетъ ко мнѣ: но какъ я вознамѣрился бодрствовать во время сна моего господина, то защищался противу онаго сколько моей мочи было, и глонулъ, для ободренія себя, глотка два, три, изъ бутылки; а можетъ быть и четыре, я не могу вамъ точно этого доложить! однимъ словомъ, бутылка наконецъ опорожнилась, а я не сдѣлался бодрѣе; вѣка слипались поминутно, а потóмъ я опять зазевалъ, и такимъ образомъ боролись мы другъ съ другомъ, сонъ и я, —

О! по истиннѣ, вскричалъ Донъ Силвіо, естьли ты такъ станешь разсказывать, то мы оба не доживемъ до окончанія твоего повѣствованія. Ну, ты спалъ, хорошо, а потомъ опять пробудился, или всѣ чуде-

деса, о которыхъ ты мнѣ хотѣлъ разсказать, видѣлись тебѣ во снѣ?

Во снѣ? нѣтъ, сударь, тогда, какъ это мнѣ явилось, то я ужъ опять проснулся, какъ я вамъ и сказалъ бы, естьли бы вы только не перебили мою рѣчь. Ибо естьли сказывать дѣло по порядку, то надлежитъ, что бы все шло одно за другимъ.

„Безъ сомнѣнія, но должно ли тебѣ вносить тутъ же для того всѣ сіи ничего незначущія обстоятельства, чрезъ которыя повѣсть твоя дѣлается столько длинною и усыпительною, какъ старинная сказка о Бовѣ Королевичѣ? Ну, ты спалъ, и опять проснулся, вотъ все тутъ таинство; ты бы это могъ сказать въ трехъ словахъ. Ну далѣе!„

Да, далѣе, естьли вы меня всякую минуту при каждомъ словѣ будете перебивать, то какъ мнѣ можно будетъ съ умомъ собраться. — Гдѣ бишь я остановился? — Да, какъ я заснулъ —

„Ты уже опять проснулся.„

На-

Надобно вить прежде заснуть, что бы опять пробудиться! Но коли вамЪ угодно, такЪ быть такЪ! И такЪ я наконецЪ проснулся, какЪ вы сказали; и признаться по истиннѣ, я бы можетЪ статься еще спалЪ, естьли бы меня необходимая нѣкоторая нужда — нѣкоторое — Я не знаю, какЪ бы мнѣ сказать, что бы не сЪ лишкомЪ вышло неучтиво, но ученому, говорится пословица, хорошо проповѣдывать. — ОднимЪ словомЪ, нѣкоторая нуждица, которую ни чрезЪ какого Прокуратора исполнить неможно — вить вы меня понимаете?

„Несравненно, Педрилло, только пожалуй разсказывай, чтобЪ поскорѣе кончить.„

Каждая вещь требуетЪ времени, говоритЪ СоломонЪ. ОднимЪ словомЪ, это было такое дѣло, которое Кселвской КоррежидорЪ и самЪ Король отправлять долженЪ точно также, какЪ и бѣднѣйшій крестьянинЪ. И вЪ самомЪ дѣлѣ, я уже часто помышлялЪ, когда бы великіе господа и госпожи захотѣли прямо разсудить

о семъ дѣлѣ — Да притомъ и не надобно бы съ лишкомъ тутъ головы ломать — То бы сіе могло отнять у нихъ знатную часть отъ высокаго воображенія, будто бы они не вѣсть чѣмъ лучше насъ простолюдимовъ, естьли бы они на примѣръ подумали, (*) — я этого изъ почтенія къ вашей милости не выговорю; однако это извѣстно, что оно пахнетъ ни бизамомъ, ни амброю, а естьли разсмотрѣть при свѣтѣ —

„Педрилло, Педрилло, вскричалъ Донъ Силвіо засмѣявшись, естьли ты станешь точить такія морали, то и кон-

(*) Александръ Великій обыкновенно говаривалъ: что по двумъ токмо вещамъ познаетъ онъ, что онъ смертной, по сну и по склонности къ женскому полу. Однако естьлибъ ему угодно было, то кромѣ сей подлой нужды, о которой говоритъ Педрилло, могъ бы онъ еще по двацати инымъ вещамъ примѣтить, что мнимое его божество не безсомнѣнно.

конца опять не сыщешь. Продолжай только тѣ нравоученія, которыя тебѣ вздумались тогда, какъ ты исправлялъ свою нужду.„

А! теперь вы, сударь, сами сказали, это въ самомъ дѣлѣ сказано безъ всякой прикрасы; я бы никогда не осмѣлился выговорить сіе столь ясно, но какъ уже однажды выговорено, то я теперь скажу вамъ безъ дальныхъ предисловій и обиняковъ, что я по облегченіи желудка, что, мимоходомъ сказать, сдѣлалъ я подъ густымъ кустарникомъ шаговъ на пятдесятъ или на шестьдесятъ отъ того мѣста, гдѣ вы спали —

„Педрилло, другъ мой, перервалъ рѣчь его Донъ Силвіо, я вижу, что тебѣ хочется довести меня до отчаянія. Но продолжай все такъ, когда судьба мнѣ велѣла, что бы я мучился терпѣніемъ, которое долженъ имѣть съ твоею смертельною болтливостію, — Я буду выдерживать, пока естество можетъ переносить„

Милостивой государь, отвѣчалъ Педрилло, мнѣ бы весьма прискорбно

было, естьли бы я употреблялъ терпѣніе ваше во зло, но вы изволите видѣть, что изъ одного слова родится другое; а притомъ я и не смѣлъ пропустить помянутаго обстоятельства ради слѣдующаго, потому что вы изъ того можете усмотрѣть, что я дѣйствительно проснулся, и былъ въ полномъ употребленіи моихъ чувствъ. Но за это не для чего намъ ссориться; ибо я теперь приступаю къ главному дѣлу, то тѣмъ короче стану разсказывать.

„Очень хорошо, Педрилло, только безъ дальныхъ извиненій!„

И такъ знайте, сударь, какъ я опять вышелъ изъ за своего куста, и хотѣлъ итти посмотрѣть, что вы дѣлали, то увидѣлъ — угадайте, сударь, что я увидѣлъ?

„Ты посмотрѣлъ въ источникъ, и увидѣлъ наиглупѣйшаго, безумнѣйшаго, безстыднѣйшаго, скучнѣйшаго и несноснѣйшаго изъословъ, которой съ Вилеамсовыхъ временъ когда либо токмо разевалъ ротъ. Не правда ли?„

Нѣтъ

Нѣтъ, сударь, вы не угадали; но я дамъ себя повѣсить, естьли бы вы не угадали, какъ бы скоро я вамъ сказалъ — волшебницу, сударь, увидѣлъ я, волшебницу, но самую прекраснѣйшую волшебницу, какую только можно увидѣть въ лѣтней день, и которая конечно, естьли она не сама Радеманта была, прекраснѣе и блистательнѣе всѣхъ вашихъ Беллинъ, Шармантъ, Амарантъ и Радемантъ.

„Волшебницу, говоришь ты, а по чему ты узналъ, что она была волшебница?„

По чему я узналъ? Тьфуй, сударь, развѣ вы думаете, будто ужъ я и ничего не знаю? будучи у васъ столько времени въ службѣ, да не знать, что такое волшебница? Естьли это была не волшебница, такъ назовите меня болваномъ. Я вамъ, сударь, говорю, лице ея блистало такъ, какъ будто бы оно высѣчено было изъ карфункула. На три или на четыре мили около ее такъ было свѣтло, какъ будто бы на небѣ было солнцевъ съ полдюжины. — Естьли это была не

волшебница, то можете смѣло всѣ свои волшебныя сказки бросить въ огонь, и сказать, что никогда волшебницъ не бывало, ниже быть можетъ, доколѣ ѣли супъ ложками, и естьли Богу угодно, еще и впередъ ѣсть станутъ.

„Хорошо, хорошо, да гдѣ же ты видѣлъ волшебницу, и что она дѣлала?„

Что она дѣлала? Ничего; а глядѣла на васъ, вы не можете себѣ представить, какъ пристально она на васъ смотрѣла; не иначе, какъ будто бы ей скоро запретилось на васъ глядѣть; она стояла надъ вами и не много наклонялась, и опять на васъ посматривала, такъ что прямо весело было на нее смотрѣть.

„Одна ли она была?„

О! это-то и главное обстоятельство. Ежели бы она была одна, то бы я не столь много объ ней думалъ; но съ нею была другая маленькая волшебница или Нимфа, или Сильфа, или какъ вы хотите назовите, прекрасное и премилое твореньецо, какое только можно видѣть глазами.

Ка-

„Какова она была съ виду? Опиши мнѣ ее, можетъ быть я угадаю, кто она такова была.„

Милое маленькое твореніе, какъ сказано, сударь, волосы у нея были черныя, какъ смоль —

„Я спрашиваю, какова была волшебница съ виду, вскричалъ Донъ Силвіо.„

Она была весьма жива, не очень жирна, и не очень сухощава, но здорова и румяна, какъ утренняя роза; лице какъ кровь съ молокомъ, а шея — а руки — я вамъ не могу описать, въ какомъ я былъ тогда положеніи, и клянусь вамъ, что госпожа Беатрикса въ сравненіи съ сею Нимфою есть только морская кошка; я самъ себя стыдился, что былъ столько глупъ, и съ такою старою и сухопарою бабушкою амурился; но не съ умыслу и безъ всякаго грѣха; естьли бы я эту могъ предувидѣть —

„Я хочу, что бы ты мнѣ говорилъ о волшебницѣ, а ты все говоришь только о ея дѣвушкѣ?„

Ну! да о чемъ же мнѣ еще говорить, сударь? Она мнѣ не оставила

ла времени разсмотрѣть хорошенько другую; естьли бы вы ее увидѣли! Ну къ чорту! я бы согласился цѣлой день стоять и на нее зевать безъ всякой усталости.

„Ну, хорошо! а волшебница„ —

Волшебница? Да, что касается до волшебницы, то она стояла тутъ же, какъ я сказалъ, и смотрѣла на васъ; я не много могу о ней донести, ибо, какъ я сказалъ, маленькая Сильфида безпрестанно вертѣлась въ глазахъ моихъ, и я каждую минуту открывалъ въ ней нѣчто выводившее меня изъ ума. Я еще прежде сказалъ вамъ, что волшебница была чрезмѣрно прекрасна; бриллiанты и карфункулъ, коими она была обвѣшана, стоили по крайней мѣрѣ двухъ или трехъ королевствъ, и они бросали отъ себя такой блескъ, что не можно было на нихъ долго смотрѣть; но маленькая —

„Хорошо, хорошо; не говорили ли онѣ чего между собою? Не слыхалъ ли ты чего? Что говорила волшебница?„

Что

Что она говорила? О! она наговорила очень много добраго, я васъ въ томъ увѣряю; я подслушивалъ какъ ястребъ, и все отъ слова до слова замѣтилъ. Надобно признаться, сказала она, что сей молодой господинъ прекрасенъ! — Это правда, сударыня, сказала другая, по чести моей, естьли мы въ Валенціи видали кого нибудь лучше его; я бьюсь объ закладъ, о чемъ угодно, говорила она, естьли это не Сильфъ, такъ конечно лѣсной богъ. Но кто бы онъ таковъ былъ, примолвила волшебница? Милостивая государыня, отвѣчала маленькая, видно что онъ завлеченъ сюда какою нибудь волшебною силою; ибо мы всѣхъ мущинъ на десять миль въ окольности знаемъ, а толь пригожему господину, по чести моей, не возможно долго пробыть неизвѣстнымъ — Однимъ словомъ, я вамъ не могу всего того пересказать, что онѣ объ васъ говорили; ибо вы знаете, что гордость есть одинъ изъ семи смертныхъ грѣховъ, и я бы не взялъ цѣлой Имперіи, что бы мнѣ понести на

 своей

своей совѣсти то, чтобъ вы хотя однимъ часомъ долѣе просидѣли въ чистительномъ огнѣ, нежели какъ то Богу будетъ угодно.

„Но естьли онѣ все это говорили, любезной мой Педрилло, о чемъ ты разсказываешь, то можно скорѣе подумать, что это были двѣ волокиты, нежели волшебницы — Когда говаривали волшебницы въ толь простонародномъ тонѣ?„

Должно вамъ признаться, милостивой государь, что я и самъ нѣсколько усумнился объ ономъ, и чрезъ сіе-то сдѣлался посмѣлѣе, такъ что къ нимъ подошелъ поближе и зачалъ съ ними разговаривать. Но какъ я маленькой дѣвушкѣ опять посмотрѣлъ въ глаза, и поглядѣлъ на бриллiанты, коими другая вездѣ была обвѣшана, — Да, я было и забылъ, что онѣ имѣли при себѣ пару Саламандровъ, сіяющихъ какъ свѣтлое солнце, и стоявшихъ у лошаковъ, на коихъ пріѣхали обѣ эти волшебницы.

„Саламандровъ, говоришь ты?„

Такъ

Такъ, сударь, Саламандровъ, живыхъ Саламандровъ. И какъ обѣ дамы сѣли на своихъ лошаковъ, то и улетѣли всѣ вмѣстѣ по воздуху, такъ что я въ мигъ не взвидѣлъ ихъ, будтобъ ихъ совсѣмъ здѣсь и не бывало.

„Педрилло, другъ мой, вскричалъ Донъ Силвіо, или ты хочешь сдѣлать мнѣ честь шутя надо мною, или пары Малагскаго вина такъ очаровали твои глаза, что тебѣ привидѣлись всѣ сіи вещи. Съ того времени, какъ обрѣтаются волшебницы, то никогда еще не видывано, что бы онѣ ѣздили на лошакахъ; естьли бы ты сказалъ, что онѣ поѣхали въ золотой или изъ слоновой кости сдѣланной колесницѣ, запряженной крылатыми лошаками, то этому можно бы еще было повѣрить. А что бы волшебница ѣздила такъ, какъ каждаго честнаго откупщика жена, такъ этимъ издѣвайся надъ другимъ, а не надо мною, или я признаю, что ты ничего о томъ не разумѣешь. Волшебница твоя по крайней мѣрѣ есть какая нибудь госпожа, имѣющая здѣсь

вЪ сей сторонѢ помѢстье; а Нимфа, столько тебѢ понравившаяся, горничная ея дѢвушка, а почтенные тобою за Саламандровъ были маленькіе мальчики, у которыхЪ бы конечно голова закружилась, естьли бы имЪ, какЪ подлиннымЪ СаламандрамЪ, надлежало переѢхать на солнечномЪ лучѢ вЪ шесть или семь минутЪ отЪ одного конца свѢта до другаго.„

Милостивой государь, отвѢчалЪ Педрилло, я ласкался было, что заслужилЪ отЪ васЪ лучшую довѢренность, нежели что бы вы думали, будто я хотѢлЪ надЪ вами издѢваться. Естьли Саламандры, коихЪ я видѢлЪ стоящихЪ у лошаковЪ, были не Саламандры, такЪ это ваше дѢло, а не мое; что мнѢ до этого нужды; и чѢмЪ я обязанЪ знать, то ли они или другое? Сколько вы можете мнѢ повѢрить, что блудящей огонь, почтенной вами прошедшую ночь за Саламандра, не составляетЪ и десятой части Саламандра противЪ сихЪ мальчиковЪ; и я хочу быть повѢшенЪ, естьли оной вЪ сравненіи сЪ ними лучше

ше былЪ, нежели серяная спичка противЪ фонаря. А что касается до волшебницы, то мнѣ ни Артишокель, ни ПлутонЪ не оспоритЪ того, что бы она была не волшебница Радеманта, естьли она только не Принцесса ваша; ибо вЪ самомЪ дѣлѣ она имѣла великое сходство сЪ маленькимЪ портретомЪ, подареннымЪ вамЪ волшебницею.

„Ты бредишь, любезной мой Педрилло.„

По чести моей, сударь, точно такЪ, какЪ я сказываю, покажите мнѣ пожалуйте портретЪ Принцессы.... АхЪ! онѣ похожи другЪ на друга, какЪ двѣ капли воды. И я радЪ побожиться, что это она сама выключая величину; (ибо вЪ самомЪ дѣлѣ весь этотЪ портретЪ могЪ бы уложиться на ногтѣ ея мизинца).

„Слушай, Педрилло, сказалЪ ДонЪ Силвіо, естьли бы все содержаніе глупой твоей повѣсти не объясняло дѣла, то сіе единое обстоятельство было бы довольнымЪ доказательствомЪ, что тебѣ все только пригрѣзилось. Я

увѣренъ о томъ такъ, какъ о собственномъ моемъ бытіи, что сей портретъ ни на кого болѣе въ свѣтѣ не походитъ, какъ на мою Принцессу. А какъ неоспоримо, что Принцесса моя не скорѣе можетъ престать быть бабочкою, пока я ее найду, и оборву ей голову и крылья; слѣдовательно это есть самая невозможность, что бы та особа, которую кажется тебѣ ты видѣлъ, похожа была на мою Принцессу. Вотъ тебѣ доказательство, которое не хуже самаго лучшаго въ Евклидѣ.,,

Я ничего не разумѣю о вашихъ показательствахъ, господинъ Донъ Силвіо, отвѣчалъ Педрилло, но что я видѣлъ, то видѣлъ, и вы не погнѣваетесь, что я больше вѣрю моимъ глазамъ, нежели вашимъ заключеніямъ. Естьли лежитъ передо мною луковица, а всѣ бы Бакуларіи и Лиценціаты Саламанскаго Университета, да и всѣ Христіанскіе Патріархи, Екзархи и Монархи собрались, и доказывали мнѣ, что это плѣчо баранины, такъ бы я все остался въ тѣхъ мысляхъ, что лу-

луковица есть луковица. А для чего? Для того, что мои глаза суть мои глаза, и для того, что никто въ свѣтѣ не можетъ лучше меня знать, вижу ли я то, что вижу. Однимъ словомъ, вы, сударь, разсуждайте о семъ какъ изволите, а въ свое время окажется, кто изъ насъ правъ; ибо волшебница кто бы она ни была, я думаю, не удовольствуется симъ первымъ посѣщенiемъ. Мнѣ право показалось, что у нее не много добраго на умѣ; и я думаю, что ей не очень прiятно было слушать, что вы влюблены въ очарованную бабочку.

„Развѣ ты объ этомъ ей сказалъ, Педрилло?„

Педрилло нѣсколько испугавшись, такъ я у васъ, сударь, тысячу разъ прошу прощенiя; я самъ не знаю, какъ это сдѣлалось. Но маленькая плутовка, ея дѣвушка, сдѣлала меня столь откровеннымъ, что одно за другимъ изъ меня вывѣдала; видно, что она меня тогда околдовала; къ томужъ думалъ я, что естьли она волшебница, такъ и безъ того обо всемъ знаетъ,

и

и разсердилась бы, естьлибъ не отвѣчалъ я правды на ея вопросы.

„И такъ она тебя обо всемъ выспрашивала, а ты ей все и разсказалъ?„

Виноватъ, сударь, но только вообще, и такъ крючковато, что она ничего не могла выразумѣть, естьли она не волшебница. Но какъ я уже сказалъ, маленькая казалась мнѣ, будто бы она уже все прежде лучше меня самого знала; я ударюсь объ закладъ, что она меня единственно спрашивала для того, что бы посмотрѣть, что я буду отвѣчать.

„А что сказала на все это та, которую ты почелъ за волшебницу?„

Ничего отмѣннаго; ибо она чрезвычайно спѣшила; пора намъ ѣхать, сказала она, сдѣлавъ при томъ довольно скучной видъ; что подумаетъ мой братъ, естьли мы такъ поздо возвратимся домой?

„О небо! вскричалъ тогда Донъ Силвіо, поблѣднѣвши какъ полотно; теперь съ ужасомъ догадываюсь я о

семъ,

семъ. Что естьли это сестра зеленаго карлы,, —

Ахъ! сударь, вскричалъ Педрилло, что это вамъ пришло на мысль! Дай Богъ, что бы вы не угадали. Но теперь вы мнѣ опять напомнили о томъ, она въ самомъ дѣлѣ имѣла на себѣ зеленую исподницу и зеленой карсетъ, шитой золотомъ. Ну къ чорту! какая я безмозглая голова! я право ничего худаго не мыслилъ! Но проклятая маленькая дѣвушка —

,,Чѣмъ больше я разсуждаю о всѣхъ обстоятельствахъ твоего повѣствованія, продолжалъ Донъ Силвіо, тѣмъ больше утверждаюсь въ моихъ догадкахъ. Нѣтъ ничего извѣстнѣе, какъ что сіе была та ненавистная Донна Мергелина,, —

Но волшебница, сударь, сія была столько прекрасна, какъ весенній день; а Донна Шмергельыня, съ позволенія вашего, самая прескверная чушка, какую я только въ жизнь мою видалъ. Какъ это согласить?

,,Волшебница, ея тетка, имѣетъ довольно власти дать такой видъ,

ка-

какой она захочетъ; и это конечно не безъ причины, что она, какъ ты утверждаешь, имѣла сходство съ моею возлюбленною Принцессою.,,

Точно такъ, милостивой государь; но по чести моей, естьли она можетъ избрать такой видъ, какой ни захочетъ, то она была великая дура, что не показалась вамъ лучше съ начала въ прекраснѣйшемъ видѣ. Ну къ чорту! она должна быть сильно влюблена въ свой горбъ и свою широкую грудь.

,,Это все имѣетъ свои причины, отвѣчалъ Донъ Силвіо. Думаешь ли ты, что сія карлица, сколько она ни гнусна, ласкается быть одною изъ наидостойнѣйшихъ любви лицъ своего пола? Или думаешь ли ты, что бы она уступила Принцессѣ моей предъ собою хотя малѣйшее преимущество? Самолюбіе есть господствующая страсть во всѣхъ волшебницахъ; ему не надобно ни волшебнаго жезла, ни талисмановъ для учиненія наирѣдчайшихъ превращеній. Когда я вспоминаю о приключившемся мнѣ въ садахъ вол-

шеб-

шебницы Радіанты, и о новомЪ чудѣ сЪ Сильфидою, то весьма опасаюсь,, —

Очень изрядно, сударь, переравалЪ рѣчь его Педрилло, естьли прекрасная дама, разсматривавшая васЪ сЪ толикимЪ вниманіемЪ, есть Донна Шмергелыня, вЪ томЪ я уступаю; но я прошу васЪ не думать того о маленькой; я не знаю, что это такое значитЪ, но сердце мое говоритЪ мнѣ, что видЪ, которой она имѣла, былЪ точно ея собственной; я соглашусь дать уши себѣ обрубить, естьли вы мнѣ во всемЪ бѣломЪ свѣтѣ сыщете такіе глазки, или носикЪ, или маленькой ротикЪ, кои бы кЪ ней лучше ея собственныхЪ пристали. ОднимЪ словомЪ, я не стерплю никогда, что бы ей что нибудь сдѣлалось худаго, и естьли вы хотите ее во что нибудь превратить, такЪ превратите вЪ померанцовое дерево (*), но сЪ такимЪ уго-

(*) Смотр. сказку о померанцовомЪ деревѣ и пчелѣ во 2 части Contes des Fées de Mad. D**

уговоромъ, что бы я преобразился въ пчелу, и что бы опричь меня всѣ другія пчелы, шмели, осы, шершни, мухи и комары отлучены были отъ нея на двѣсти квадратныхъ кубическихъ миль въ окружность.

„Ай! ай! Педрилло, вскричалъ Донъ Сильвіо, у тебя совсѣмъ стихотворческія мысли. Чего не дѣлаетъ любовь! Естьли ты станешь такъ продолжать, то мы увидимъ наконецъ цѣлые томы нѣжныхъ элегій и сонетовъ твоего рукомесла. Но, другъ мой, не льсти себѣ излишне; это бы было не въ первой разъ, естьлибъ зеленой карло принялъ на себя образъ прекрасныя молодыя Нимфы; вспомни, что со мною приключилось сего утра. Единое, оставляющее мнѣ еще добрую надежду, есть то, что онѣ оставили мнѣ портретъ моея Принцессы.„

Изрядно, сударь, сказалъ Педрилло, а естьли точно разобрать, такъ вы конечно будете обязаны за то благодарностію какому-то Педриллѣ; будьте увѣрены, что онѣ довольно уже близко были подлѣ васъ, и кто

знаетъ,

знаетЪ, что бы могло произойти, естьли бы я заблаговременно не подоспѣлЪ. ВЪ самомЪ дѣлѣ сдѣлала мнѣ маленькая плутовка такой видЪ — какЪ маленькая плутовка, и шептала не вѣсть что другой на ухо, указывая всегда пальцомЪ на васЪ: но какЪ сказано, я ихЪ разрушилЪ заговорЪ вышедши изЪ за кустарника. НѣтЪ! госпожи мои, Педрилло не такой розиня, какЪ вы себѣ воображаете; онЪ ужЪ не прошибется; я васЪ вЪ томЪ увѣряю.

„Хорошо, хорошо, сказалЪ ДонЪ Сильвіо, вставши для продолженія своего пути, на сей разЪ дѣло кончилось еще благополучно; но не за чѣмЪ намЪ здѣсь долѣе мѣшкать; вечерЪ мнѣ кажется чрезвычайно пріятенЪ, и намЪ можно еще часа два итти до ночи. МожетЪ быть скоро обнаружится, что значитЪ явленіе тобою видѣнное.„

Педрилло, которому какЪ извѣстно, всегда надобно было послѣднее слово, отЪ невиннаго слова *значитЪ*, получилЪ поводЪ склонить непримѣтно разговорЪ на плодовитыя матеріи

о предзнаменованіяхъ, предчувствіяхъ и примѣтахъ, и дѣлалъ господину своему во время продолженія ихъ пути, весьма обстоятельное повѣствованіе о всѣхъ быляхъ сего рода, кои изкони приключились теткамъ и бабушкамъ въ ихъ роднѣ, по непрерывному преданію отъ бабушки до бабушки; онъ не примѣтилъ того, что Донъ Силвіо, упражненной совсѣмъ другими размышленіями ни мало не внималъ его разсказамъ, а хотя бы и примѣтилъ, то бы можетъ быть не пересталъ продолжать; ибо думать и говорить было у добраго Педриллы все едино, и естьли онъ безпрепятственно могъ болтать, то мало о томъ заботился, слушаютъ ли его или нѣтъ; сей даръ былъ у него общій съ однимъ изъ знакомыхъ намъ стихотворцевъ. Сей любимецъ Фебовъ не посѣщалъ никогда пріятелей своихъ не взявши съ собою двухъ толстыхъ тетрашей своихъ трудовъ, которыя онъ, сѣвши, тотчасъ зачиналъ читать. Слушатель его имѣлъ между тѣмъ совершенную волю, зевать, засыпать, даже

такъ

такъ громко храпѣть, какъ только ему угодно; восхищенie стихотворца нашего не позволяло ему того примѣчать, а когда слушатель два или три часа спустя еще довольно рано просыпался, чтобъ услышать заключенiя поемы, и для подтвержденiя похвалы, приписываемой стихотворцемъ самому себѣ, то последнему и въ голову не приходило усумниться о томъ, что онъ сдѣлалъ другу своему наипрiятнѣйшее препровожденie времени.

Глава третiя.

Въ которой Донъ Силвiо оказывается въ свою выгоду.

Путешественники наши прошли уже около получаса, какъ нѣсколько пистолетныхъ выстрѣловъ, и купно жалостной крикъ изъ близлежащаго кустарника поразили слухъ ихъ!

Это голосъ просящей о помощи, сказалъ Донъ Силвiо, намъ надлежитъ посмотрѣть, что тамъ такое дѣлается.

Педрилло, которой ночью и въ тѣ часы, когда возятся домовые, былъ на свѣтѣ изъ трусовъ трусъ, имѣлъ напротивъ того столько смѣлости, сколько молодой Андалузской волъ, естьли дѣло доходило до того, чтобъ при дневномъ свѣтѣ бороться съ людьми, имѣющими мясо и кровь. И такъ онъ ни мало не отговаривался слѣдовать за своимъ господиномъ, и едва прошли они шаговъ пятьдесятъ или шестьдесятъ въ кустарникъ на шумъ, какъ увидѣли на довольно пространномъ открытомъ мѣстѣ, окруженномъ рощею, троихъ молодыхъ людей верьхами, на коихъ съ крайнею яростію нападали семеро другихъ, изъ которыхъ четверо имѣли подъ собою также лошадей. Донъ Силвіо, не подумавъ ни минуты, полетѣлъ на помощь слабѣйшимъ, между коими онъ усмотрѣлъ прекраснаго молодаго Кавалера одного защищающагося противу троихъ изъ своихъ противниковъ съ мужествомъ прямаго Испанца, сражающагося за свою любовницу. Одну минуту спустя, помощь нашего героя бы-

была бы поздна; ибо одинъ изъ соперниковъ молодаго Кавалера намѣренъ былъ дать ему такой ударъ, которымъ бы сей бой вдругъ прекратился, естьли бы Донъ Силвіо въ самое то мгновеніе не бросился между нихъ и не отвратилъ бы удара своимъ мечемъ, которой въ самомъ дѣлѣ гораздо больше походилъ на смертоносной дуриндан великаго Роланда, нежели на нынѣшнюю щегольскую шпагу.

Между тѣмъ какъ Донъ Силвіо, хотя не привыкши къ таковымъ кровопролитнымъ дѣйствіямъ, появленіемъ своимъ, храбростію и сильными ударами на нихъ низпускаемыми ввергнулъ непріятелей въ немалое изумланіе, Педрилло съ своей стороны былъ также непразденъ. Онъ хотя кромѣ толстаго суковатаго кола никакого другаго не имѣлъ при себѣ оружія, однако умѣлъ употреблять оной съ толикою силою, и съ толикою проворностію, что въ нѣсколько минутъ повергнулъ къ ногамъ своимъ двоихъ задорнѣйшихъ непріятелей.

лей. Однимъ словомъ, странственники наши работали съ толь изряднымъ успѣхомъ, что побѣда склонилась на ихъ сторону, и непріятели принуждены были искать безопасности въ бѣгствѣ, оставя двухъ тяжело раненыхъ изъ своихъ товарищей на мѣстѣ.

Какъ скоро бой кончился, то Донъ Силвіо обратился къ молодому Кавалеру понравившемуся ему съ перваго взора, для засвидѣтельствованія своей радости о благополучномъ окончаніи сего опаснаго приключенія; но сему не было ничего тогда нужнѣе, какъ поспѣшить къ молодой женщинѣ, лежавшей не далеко отъ боеваго мѣста въ обморокѣ на рукахъ горничной своей служанки. Великаго стоило труда привести ее самое въ себя, а при томъ по поступку молодаго Кавалера не можно было угадать, сестра ли она его была или любовница. Какъ скоро она возымѣла употребленіе своихъ чувствъ, сказалъ онъ ей: Любезная Гіацинта, естьли вамъ свобожденіе ваше пріятно, и жизнь такого друга, которой только для васъ хо-

хочетъ жить, заслуживаетъ въ глазахъ вашихъ какую нибудь цѣну, то здѣсь видите вы любви достойнаго молодаго Кавалера, коего великодушію и мужеству за обое обязанъ я благодарностію.

При сихъ словахъ Донъ Силвіо приближился съ благороднымъ и пріятнымъ видомъ, коимъ его природа, или невѣдомо какая волшебница одарила при его рожденіи, и поклонясь низко молодой госпожѣ, засвидѣтельствовалъ имъ радость свою о свобожденіи въ наиживѣйшихъ выраженіяхъ. Правда, что оныя, по обыкновенію его, состояли изъ довольно надутыхъ и романическихъ словъ, но движеніе духа, въ коемъ обѣ сіи особы находились, возпрепятствовало имъ сіе примѣтить. Молодая госпожа будучи еще слаба и въ страхѣ, оказывала ему благодарность свою не иначе какъ только одними тѣлодвиженіями; но Донъ Евгеніо, такъ назывался молодой Кавалеръ, и Донъ Габріель, другъ его, которой герою нашему не менѣе обязанъ былъ за свою

жизнь, благодарили въ живѣйшихъ выраженіяхъ, и Донъ Габріель извѣстясь отъ Дона Силвіо, что онъ ни чемъ не раненъ, сказалъ прекрасной Гіацинтѣ: Защитникъ нашъ во всемъ столько уподобляется Ангелу Хранителю, то и не дивно, что онъ столько и невредимъ, какъ Ангелъ.

Донъ Силвіо разсматривалъ между тѣмъ молодую госпожу со вниманіемъ, и съ такимъ нѣкоторымъ внутреннимъ движеніемъ, удивившимъ самаго его, потому что онъ надѣялся, что ни одна женщина на свѣтѣ не можетъ быть довольно прелестна, дабы сдѣлать малѣйшее впечатлѣніе въ такомъ сердцѣ, въ которомъ образъ его Принцессы владычествовалъ. Въ видѣ сея молодыя особы, которой казалось не было болѣе шестнатцати лѣтъ, хотя при первомъ воззрѣніи не находилось ничего ослѣпительнаго; но не можно было имѣть въ большемъ степени той очаровательной прелести, которой описать не можно, и по мнѣнію знатоковъ еще прекраснѣе самой красоты. Не возмож-

можно было при первомъ взорѣ не почувствовать къ ней склонности, столь привлекательная пріятность простиралась по всей ея особѣ. Равнодушной ея взглядъ имѣлъ нѣчто трогающее, обыкновенной тонъ ея голоса былъ гармонія, и самая печаль не могла загладить прелестной улыбки, летающей на пріятныхъ устахъ ея.

Казалось, что Донъ Силвіо чрезъ нѣсколько минутъ столь сильно почувствовалъ дѣйствіе сихъ очаровательныхъ прелестей, что Донъ Евгеніо могъ бы чрезъ то крайне обезпокоиться, естьли бы не усилилось теченіе крови изъ ранъ, полученныхъ имъ и другомъ его на сраженіи, и къ коимъ они въ первомъ жару не имѣли вниманія, такъ что почтено было за нужное перевязать оныя на томъ же мѣстѣ. Гіацинта, неспускавшая глазъ съ Дона Евгеніо, едва только увидѣла изтекающую кровь своего друга, какъ вдругъ закричавъ, упала во вторичной обморокъ.

Приключеніе сіе подало герою нашему случай утвердиться въ мысляхъ,

 что

что сіи двѣ особы не иное что были, какъ чета любовниковъ, и не сумнѣвался о томъ, что молодая госпожа была Принцесса, которую ненавистной соперникъ съ помощію какого нибудь волшебника хотѣлъ отнять у благополучнаго любовника. Представленіе сіе естественнымъ образомъ усугубило участіе, которое онъ уже началъ принимать въ ея судьбѣ.

Рана Дона Евгеніо была неопасна, и обморокъ прекрасной Гіацинты былъ столько же безвреденъ, какъ обыкновенно бываютъ всѣ обмороки молодыхъ дѣвицъ, хотя бы оныя имѣли причиною своею излишество печали или удовольствія. По чему, какъ молодая госпожа помощію Аглинской соли пришла въ чувства и раны обоихъ Кавалеровъ, сколь хорошо токмо можно было, въ скорости перевязаны; то положено было остановиться въ ближайшей гостинницѣ, которая прежде попадется, ибо наступила уже ночь и Доннѣ Гіацинтѣ нуженъ былъ покой. Герой нашъ для большей безопасности вызвался ихъ про-

во-

водить, и Донъ Евгеніо тѣмъ охотнѣе принялъ его предложеніе, что весьма желалъ знать, кто былъ сей любви достойной и отмѣнной незнакомецъ, которому онъ столь нечаяннымъ образомъ одолженъ сталъ своею жизнію и своею возлюбленною. И такъ по нѣсколькихъ взаимныхъ комплементахъ Донъ Евгеніо сѣлъ въ коляску къ молодой госпожѣ, а рыцарю нашему оставилъ свою верьховую лошадь. Педрилло, которой между тѣмъ съ самаго окончанія сраженія стоялъ розинувъ ротъ, не мало чванился похвалами, приписываемыми ему Дономъ Габріелемъ, и камердинеромъ за его храбрость, согласился и не безъ великаго труда сѣсть съ госпожею Терезиллою, молодою персоною тритцати пяти лѣтъ, которая такъ была набѣлена и нарумянена, и такъ искусно умѣла молодость лица своего утверждать скромнымъ открытіемъ своея шеи, что Педрилло въ короткое время столько о томъ увѣрился, что бы въ случаѣ нужды прозакладывалъ свою Сильфиду, что ей только двадцать лѣтъ отъ роду.

Глава четвертая.

Компанія пристаетъ въ гостинницѣ.

Путешествіе ихъ столь долго продолжалось, что уже почти было десять часовъ, какъ они прибыли въ гостинницу, гдѣ они кромѣ нѣсколькихъ пустыхъ покоевъ не нашли ни малѣйшей удобности.

Великая была выгода для нашей компаніи, что главныя особы больше имѣли нужды въ покоѣ, нежели въ кушаньѣ, ибо хозяинъ имѣлъ на все, что ни требовано, въ готовности извиненіе; дичина вся разошлась вчерась, свѣжее мясо получитъ онъ завтре, голубей его растаскалъ ястребъ; а въ прошедшую ночь какая-то сатаниха изъ лисицъ весь его курятникъ опустошила, но завтре въ обѣденное время надѣется онъ столь знатныхъ гостей угостить гораздо лучше; ибо его гостинница имѣетъ щастіе быть посѣщаема премножествомъ знатныхъ людей, и только лишь третьяго дня были въ ней Графы де Лейвы, а въ прошед-

шедшей понедѣльникъ вдовствующая Герцогиня Медина-Сидонія съ великою свитою Дамъ и Кавалеровъ.

Онъ бы долго продолжалъ говорить въ семъ тонѣ, естьлибъ кто-нибудь его слушалъ. Но какъ госпожа Терезилла, камердинеръ и Педрилло имѣли дѣло съ своими господами, а сіи сами съ собою, то и долженъ былъ остановиться посредѣ обѣда Герцогини Медины-Сидоніи, которой онъ предлагалъ ушамъ ихъ, и возвратился наконецъ съ великими учтивостями и поклонами въ конюшню стараться о томъ, что бы лошади и лошаки столько же хорошо были употчиваны, какъ и ихъ господа.

Донна Іацинта, которая была не очень здорова, простилась съ своими защитниками, отблагодаря имъ наичувствительнѣйшимъ образомъ, а особливо нашему герою за великодушіе, съ какимъ они за нее отважили жизнь свою.

Донъ Силвіо проводилъ Дона Евгеніо и его друга въ ихъ комнату для присутствованія при перевязкѣ

ихъ

ихъ ранъ, и представилъ имъ, что спокойствіе будетъ для нихъ наилучшимъ лѣкарствомъ, что бы поскорѣе пожелать доброй ночи.

Оба сіи молодые господа, а особливо Донъ Габріель старался, сколько позволяла благопристойность, подать ему поводъ открыть свое имя и состояніе, однако не вывѣдали изъ него ничего, кромѣ неполныхъ и скрытыхъ отвѣтовъ, чрезъ кои они довольно утвердились въ тѣхъ мысляхъ, что онъ изъ числа какихъ нибудь странственниковъ. Съ другой стороны напротивъ того отъ красоты его, благородной осанки, храбрости и учтиваго поведенія приняли о немъ мнѣніе, тѣмъ болѣе выгодное, что удобно можно было примѣтить, что онъ всѣми сими преимуществами единственно обязанъ былъ природѣ. Ибо онъ хотя и имѣлъ родъ учтивости, которой не зависитъ отъ обращенія, а потому только у всѣхъ народовъ за то признается, что состоитъ только въ выраженіи ласковаго свойства и въ совокупленіи нѣкотораго почте-

ніи

нія къ намъ самимъ съ тѣмъ, коимъ обязаны мы другимъ: Однако въ обхожденіи его совсѣмъ недоставало тона господствовавшаго тогда между хорошими обществами въ знатнѣйшихъ городахъ Испанскихъ. То же являлось и въ его одеждѣ и уборѣ; а особливо большой мечь, висящей у него на бедрѣ, съ прочими принадлежностями дѣлалъ столь смѣшной видъ, что не знали, что о семъ думать.

Между тѣмъ, какъ оба Кавалера надѣялись удовольствовать любопытство свое въ слѣдующей день, Донъ Силвіо съ своей стороны радовался не мало тому, что имѣлъ щастіе оказать услугу одной изъ наилюбезнѣйшихъ Принцессъ на свѣтѣ, и одному молодому Принцу или Кавалеру, которой казался совершенно быть ея достойнымъ; и какъ онъ не сумнѣвался, что бы какая нибудь великая волшебница не пеклась о ихъ судьбѣ, то надѣялся, что сіе новое знакомство можетъ быть въ послѣдствіи не мало будетъ ему полезно въ собственныхъ его дѣлахъ, которыми

сердце

сердце его столько занималось, что онъ не могъ долго упражняться въ другихъ разсужденіяхъ. И такъ образъ возлюбленныя его Принцессы, плачевное ея превращеніе, ухищренія волшебницы Фанферлюши, однимъ словомъ, все приключившееся съ нимъ за нѣсколько дней овладѣло паки всемъ его воображеніемъ, и онъ вдавшись часа на два въ обыкновенныя свои бредни и оплакавъ горестно рокъ своея нещастливыя Принцессы и собственную свою участь заснулъ наконецъ въ радостныхъ упованіяхъ, вливаемыхъ ему тайнымъ предчувствованіемъ, что мыслить имѣлъ онъ причину.

Глава пятая.

Сочинитель надѣется, что сія глава не попадется въ руки никакой горнишной дѣвушкѣ.

Какъ мы Принцессъ и героевъ нашихъ отвели въ постели, гдѣ мы оставляемъ ихъ спать спокойно, сколько

ко имъ будетъ угодно, то между тѣмъ Педрилло (которой, какъ мы уже примѣтили, зависѣлъ всегда отъ настоящей минуты) не могъ противиться желанію познакомиться съ прекрасною Терезиллою нѣсколько потѣснѣе. По щастію не было никого, кто бы въ состояніи былъ оспорить ему выгоду тайнаго съ нею разговора; ибо камердинеръ будучи раненъ въ бою пистолѣтнымъ выстрѣломъ, двумя или тремя шпажными ударами, удалился уже на покой, а кучеръ былъ не такой дѣтина, которой бы осмѣлился возвесть глаза свои на горнишную дѣвушку.

И такъ Педрилло возпользовался случаемъ, и разговаривалъ съ госпожею Терезиллою въ то время, какъ въ кухнѣ толстая неопрятная Галлиціанка упражнялась въ пріуготовленіи довольно начиненной лукомъ старой домашней кошки.

Пріятности обхожденія Терезиллина усугубили впечатлѣніе, которое розы и лилеи устарѣлаго лица могли сдѣлать въ честномъ деревенскомъ дѣ-

дѣтинѣ, почитавшемъ оныя естественными. И какъ она, по причинѣ великаго жара, сняла наконецъ съ себя косынку; то страсть его (перескочивши всѣ степени, чрезъ кои обыкновенно прокрадывается непримѣтно Платоническая любовь) вдругъ столь воспламенилась, что прекрасная Терезилла скоро возымѣла причину думать, что находится въ нѣкоторой опасности, сколь ни велика была довѣренность ея къ силѣ своей добродѣтели.

Однако не смотря на то, извѣстно, что она, изъ добраго ли мнѣнія о своемъ сотовариществѣ, или изъ юношеской неопытности, или по другимъ какимъ нибудь намѣреніямъ, такъ съ нимъ обошлась, какъ будто бы ничего не имѣла отъ него опасаться. Послѣдняго тѣмъ скорѣе можно надѣяться, потому что она едва только примѣтила выгоду, какую доставляла ей слабость бѣднаго Педриллы, то употребила всю силу своихъ прелестей и своего краснорѣчія вывѣдать

дать изъ него о имени и приключеніяхъ его господина.

Но Педрилло, которой могъ сдѣлать таковоежъ наблюденіе, вознамѣрился продать ей свою тайну столь дорого, сколь токмо было возможно. И такъ онъ принуждалъ ее къ тому, чтобъ она открыла ему повѣсть Донны Тіацинты прежде, нежели самъ придетъ въ искушеніе преступить столь легкомысленно выразительное и строгое запрещеніе своего господина.

Прекрасная, и, какъ мы скоро можетъ быть должны будемъ присовокупить, нѣжная Терезилла, примѣтя, что имѣла дѣло съ такимъ человѣкомъ, у котораго великою строгостію ничего не можно было выторговать, ни мало не усумнилась удовольствовать любопытство его продолжительнымъ повѣствованіемъ, которое, выключая главныя обстоятельства, столько могло быть подозрительно въ истиннѣ, какъ обыкновенно бываютъ такіе разсказы, какими большая часть горничныхъ дѣвушекъ обыкновенно распещряютъ Анекдоты своихъ го-

госпожѣ. И такъ Педрилло узналъ, что Донна Тіацинта столько же имѣла права называться Донною, какъ и всякая портомоя, что лице ея и ея малой ростъ заключали въ себѣ благородство ея, богатство и всѣ права и требованія; и можно было думать, что она найденышь, которому мать ея не могла сказать, кому она обязана своимъ бытіемъ. Она съ нѣкотораго времени довольно пріобрѣла славы на Гренадскомъ театрѣ, и не меньше имѣла любовниковъ, какъ всѣхъ тѣхъ мущинъ, кои ее видали, между которыми однако никто больше не прилагалъ старанія, плѣнить ея сердце, какъ Донъ Фердинандъ де Замора, весьма богатой молодой Кавалеръ, которой дѣлалъ для нее чрезвычайныя расходы, не получа сколько извѣстно, отъ нее ничего. Однимъ словомъ, между тою многими вздыхателями, Донъ Евгеніо де Лиріасъ былъ одинъ, котораго сколь добродѣтельную, столь и сильную страсть, казалось она, естьли не ободряла, то по крайней мѣрѣ сносила. Но кто знаетъ Донну Тіа-

цин-

цинту, то не будетъ столько простъ, что бы обманулся симъ видомъ строгой добродѣтели. Въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что она Дона Евгеніо любитъ до крайности, и что она не долго бы осталась противу его жестокою, естьли бы она не имѣла въ мысляхъ довести его до того, что бы онъ наконецъ сдѣлалъ такое дурачество и на ней женился. Въ семъ намѣреніи дѣйствительно она его уговорила взять себя съ театра и пропитать ее нѣсколько времени въ какомъ нибудь Валенцскомъ монастырѣ, пока ей можно будетъ подъ другимъ именемъ мало по малу появиться въ свѣтѣ. Но по нещастію предпріятіе сіе открыто было Дону Фернанду за нѣсколько недѣль до исполненія онаго. (Госпожа Терезилла, естьли бы она захотѣла, могла бы конечно сказать чрезъ кого? Ибо она сама то сдѣлала). Сей притворясь, будто отчаяніе о неудачѣ своей страсти и другія причины принуждаютъ его удалиться изъ Гренады, дабы сдѣлать между тѣмъ пріуготовленія для отнятія ее изъ

 рукъ

рукъ своего щастливѣйшаго соперника. Онъ провѣдалъ, какъ казалось изъ послѣдствія, и самой день отъѣзда Іацинтина въ Валенцію, однимъ словомъ, онъ такъ хорошо предпріялъ свои мѣры, что захватилъ ее мили за двѣ отъ Монтеры. Можетъ быть намѣренъ онъ былъ увезти ее въ одну изъ своихъ Аррагонскихъ деревень, но доброе щастіе ея госпожи восхотѣло, чтобъ онѣ встрѣтились на дорогѣ съ Дономъ Евгеніемъ, о которомъ думали, что онъ въ Валенціи, когда онъ въ препровожденіи друга своего Дона Габріеля по видимому только прогуливался, и чаятельно ничего менѣе не опасался, какъ чтобъ найти возлюбленную свою въ рукахъ соперника. Какъ они другъ друга скоро узнали, то Донъ Евгеніо не смотря на превосходную силу своихъ противниковъ, вознамѣрился потерять лучше жизнь, нежели любезную свою Іацинту, но конечно лишился бы и того и другаго, естьли бы ему благополучной случай въ особѣ незнакомаго молодаго рыцаря и храбраго Педрна.

дриллы не ниспослалъ ему помощи, чрезъ которую побѣда въ нѣсколько минутъ осталась на его сторонѣ.

Снисходительная Терезилла оконча свою повѣсть требовала, что бы собесѣдникъ ея сдѣлалъ ей по справедливости равное удовольствіе; но Педрилло имѣлъ опять новыя затрудненія въ готовности; онъ отговаривался важностію таинства, вѣрностію, коею долженъ былъ своему господину, даннымъ ему своимъ словомъ и опасностію, какой онъ подвергнется таковою измѣною; однимъ словомъ, она потеряла на него безполезно все свое краснорѣчіе и даже нѣкоторыя малыя благосклонности, коихъ, сколько онѣ сами по себѣ мало ни значили, однако по ея мнѣнію съ лишкомъ довольно быть долженствовало, дабы возбудить въ немъ чувствительнѣйшую признательность. Педрилло доказывалъ ей съ обыкновенною своею непоколебимостію, что тайну сего рода можетъ ввѣрить только такой особѣ, для которой нѣтъ ничего сокровеннаго; наконецъ

положилъ онъ столь высокую цѣну на удовольствіе, требуемое ею отъ него, что она не будучи *Лукреціею*, могла бы почесть оную весьма чрезмѣрною.

Цицеронъ, о которомъ весь свѣтъ признаться долженъ что онъ былъ несравненной Ораторъ, великой политикъ, посредственной философъ, малой стихотворецъ и весьма малой военачальникъ, говоритъ въ одномъ мѣстѣ изъ своихъ сколь пріятныхъ, столь и поучительныхъ сочиненій: ,,Что любопытство есть сильнѣйшее между всѣми естественными побужденіями человѣческими. Побужденіе къ свѣденію, говоритъ онъ, кажется столь быть въ насъ существеннымъ, что мы ко всему расширяющему наше знаніе, не надѣясь особливой какой нибудь отъ того выгоды, влечемся самою природою, ,,и приведши нѣкоторые примѣры присовокупляетъ къ тому: ,,Гомеръ, кажется, весьма вникнулъ въ сіе, когда онъ повѣствуетъ о Сиренахъ, что очаровательная сила ихъ пѣнія не столько состояла въ прелестности ихъ голоса

или

или въ необыкновенной пріятности согласія, какъ въ увѣреніи, что онѣ обо всемъ знаютъ, что происходитъ во всей подсолнечной и въ обѣщаніи отпустить паки слушателей своихъ ученѣйшими, нежели какъ они пришли. Не меньшее прельщеніе, думаетъ онъ, могло столь великаго мужа, каковъ былъ Улиссъ привлечь къ тому, что безъ благоразумнаго предупрежденія, сдѣланнаго для того волшебницею Цирцеею, и самая извѣстность неизбѣжной погибели не возмогли бы удержать его отъ роковыхъ морскихъ камней сихъ чародѣевъ (*).

Молодая и добродѣтельная Терезилла подаетъ намъ достойной примѣчанія примѣръ, сколь правильно сіе наблюденіе упомянутаго Римскаго писателя. Цѣна, положенная корыстолюбивымъ Педрилломъ за открытіе своей тайны привела ее въ изумленіе; она не преминула сомнѣнія свои противоположить его, и употребила все, что

(*) Cic. de Fin. Bon. et Mal. L. V. C. 18

что бы склонить его къ справедливой уступкѣ: но какъ онъ упорно настоялъ въ томъ, что повѣсти его ни гдѣ кромѣ своей горницы разсказывать ему не можно; то она увидѣла себя наконецъ принужденною всею малою своею раздумчивостїю пожертвовать желанїю распространенїя своихъ знанїй, о коихъ важности разсуждала она по величинѣ цѣны. И такъ она обѣщалась притти въ его горницу, какъ скоро всѣ лягутъ спать, однако подъ выразительнымъ условїемъ, что онъ столь отмѣннаго опыта ея къ себѣ довѣренности не употребитъ во зло. Педрилло, которой противъ справедливости ея договора не могъ сдѣлать никакого возраженїя, обѣщалъ ей все, что она хотѣла, и оба сдержали слово свое столь совѣстно, сколь токмо можно себѣ вообразить.

Гла-

Глава шестая.

Примѣръ достопамятнаго вопроса.

Донъ Силвіо погрѣзивъ неспящій, заснулъ наконецъ и проспавъ часа два, разбуженъ былъ, какъ гласитъ исторія, блохами, коими кишело въ сей гостинницѣ. Благосклонный читатель будетъ столько учтивъ, и почтетъ приведеніе сего обстоятельства за вторичное доказательство точности, съ коею мы старались наблюдать должность исторической вѣрности, ибо, естьли бы мы пеклись только о чести нашего остроумія, легко бы было героя нашего разбудить какимъ нибудь благороднымъ или чуднымъ образомъ.

Между тѣмъ какъ онъ упражнялся въ приведеніи себя въ нѣкоторую безопасность отъ сихъ несносныхъ тварей, послышался ему въ ближайшей горницѣ, которая отгорожена была отъ его одними только досками, шепотъ, коего тонъ казался ему женскимъ. Онъ приложилъ сколько возмож-

можно поближе къ стѣнѣ свое ухо, и услышалъ сіи слова: Ни подъ какимъ инымъ условіемъ, какъ естьли ты мнѣ покажешь портретъ Принцессы. — Но какъ это возможно, отвѣтствовалъ другой голосъ? Положимъ, что я бы и осмѣлился прокрасться въ его горницу, и взять у него между тѣмъ, какъ онъ спитъ, однако все не возможно, потому что онъ его обыкновенно носитъ на шеѣ; ну какъ онъ про нется, то и Господи оборони. — О! пожалуй не отлыгайся, сказалъ женской голосъ, по истиннѣ я не думала — но я тебѣ сказываю, покажи мнѣ портретъ, или и не воображай себѣ, чтобъ я —

Здѣсь голосъ нѣсколько поутихъ, или наипаче Донъ Силвіо, которой уже довольно услышалъ, не имѣлъ болѣе силы долѣе подслушивать. Какъ? вскричалъ онъ, упавши, дрожжа отъ ужаса, на свою постелю. Тайной заговоръ противъ меня? Противу того, что мнѣ дороже моей жизни? О! Радіанта, теперь-то пришло время подать

дать мнѣ помощь, въ противномъ же случаѣ я погибъ.

Донъ Сильвіо прокричалъ сіе такъ громко, что Педрилло и любопытная Терезилла не разсудили за благо продолжать свой разговоръ; и какъ они скоро послѣ того услышали, что онъ раза два, три кликнулъ Педриллу, то подумала молодая дама, что она обязана своей добродѣтели выбраться вонъ сколько возможно попроворнѣе изъ такого покоя, въ которомъ бы за половину свѣта не согласилась она, чтобъ ее застала третья особа. Однако она не могла быть столько проворна, что бы Донъ Сильвіо, отворя маленькую обойную дверь, ведущую изъ его горницы въ Педриллину, при мрачномъ свѣтѣ, которой утренней сумракъ бросалъ сквозь маленькое паутовыми тенетами завѣшенное окошко, не примѣтилъ женщины, которая въ самую ту минуту ушла въ другіе двери. По щастію госпожи Терезиллы симъ обстоятельствомъ столько усугубилось его изумленіе, что онъ довольно долго остолбеневши

сто-

стоялъ безсловесенъ, и далъ ей время прокрасться на цыпачкахъ опять въ горницу своей госпожи.

Самой тончайшій Діалектикъ будучи на мѣстѣ Педриллы, конечно бы пришелъ въ замѣшательство, вывернуться добрымъ образомъ изъ толь завязчиваго обстоятельства. Всѣ его умозаключенія въ Фестинѣ и Бароккѣ не оказали бы ему столь доброй услуги, какую оказало хитрому Педриллѣ простое побужденіе, коего вдохновенію отдался онъ слѣпо въ сію критическую минуту.

Вы ли, сударь, это, вскричалъ онъ, будто бы пробудившись отъ глубокаго сна. Что вамъ сдѣлалось, что вы такъ рано уже встаете? »

Одѣвайся немедленно, и ступай за мною въ мою горницу, отвѣчалъ Донъ Силвіо такимъ голосомъ, что бѣднаго Педриллу по кожѣ подрало, и затворилъ въ то же время двери боковой комнаты, коихъ Терезилла не притворила.

Я въ мигъ, сударь, буду готовъ, сказалъ Педрилло, естьли вы

оставите меня одного, ибо непристойно мнѣ въ присутствіи вашемъ надѣвать штаны.

Что бы ты ни надѣвалъ, отвѣчалъ Донъ Силвіо, только поворачивайся поворотливѣе, естьли не хочешь со мною раздружиться.

Педрилло, которой ни минуты не сумнѣвался, что бы господинъ его не слыхалъ всего, что происходило между имъ и госпожею Терезиллою, проклиналъ отъ всего сердца годъ, мѣсяцъ, день, часъ и минуту, въ которую увидѣлъ сію пагубную Сирену. Она казалась ему тогда столь старою, столь безобразною, столь сухощавою и непріятною, сколь молодою, прекрасною и прелестною представлялась она ему за нѣсколько минутъ, и онъ бы самъ себѣ съ охотою далъ изрядную поволочку, естьли бы то хотя нѣсколько могло пособить. Но какъ помянутое побужденіе увѣрило его, что смѣлость и отрицаніе суть единыя средства вывернуться изъ сего худаго дѣла, то появился наконецъ къ своему господину съ твердымъ на-

намѣреніемъ дать скорѣе кожу съ себя содрать, нежели въ чемъ нибудь признаться.

Какъ скоро вошелъ онъ въ горницу, то Донъ Силвіо приказалъ ему двери запереть, и потомъ началъ съ важностію Генерала-Инквизитора допрашивать его слѣдующимъ образомъ:

„Что за человѣкъ былъ въ твоей комнатѣ?„

Какой человѣкъ, сударь, отвѣчалъ Педрилло такимъ голосомъ, какъ будто бы онъ не могъ понять сего вопроса?

„Бездѣльникъ, вскричалъ Донъ Силвіо, сего-то я и хочу знать, кто такой былъ этотъ человѣкъ?„

Я не знаю ни о какомъ человѣкѣ, сударь, отвѣчалъ Педрилло кромѣ васъ самихъ, я увидѣлъ васъ, какъ вы отворивши дверь меня будили, ибо не думаю, чтобъ вы подъ человѣкомъ разумѣли блохъ, коихъ дѣйствительно въ моей постелѣ было тысячь сотъ до двухъ или до трехъ; проклятая челядь эта будила меня поминутно; и не иначе какъ будто бы

онъ

онѣ стадами другъ къ другу похаживали въ гости, и пусть я буду безчестной человѣкъ, естьли онѣ шумомъ своимъ всѣ уши мнѣ не прожужжали; я не упоминаю ничего о полудюжинѣ котовъ, кои на кровлѣ, лежащей надъ моимъ окошкомъ, приносили, какъ я себѣ воображаю, молодой хозяйской кошкѣ вечернее поздравленіе, и такъ жалостно на перерывъ мяукали, что у меня еще и по сихъ поръ отъ того ребры болятъ.

„Молчи съ сею безвременною шуткою, сказалъ Донъ Силвіо, она теперь тебѣ не поможетъ. Я видѣлъ вышедшую изъ твоей горницы особу, слышалъ, что она нѣчто съ тобою разговаривала, и желалъ знать, кто такова она была.„

Милостивой государь, отвѣчалъ Педрилло, дай Богъ мнѣ сей часъ умереть, естьли я знаю, что мнѣ говорить. Естьли вы что видѣли, такъ я не хочу вамъ противорѣчить; вы одарены отъ волшебницъ, и видите при всякомъ случаѣ больше нашего

брата; но что до меня касается, то естьли бы я сказалъ, что я что нибудь видѣлъ, такъ — надлежало бы этому быть только во снѣ. Ибо я спалъ чрезъ все это время, кромѣ того, когда меня, какъ сказано, разбужали блохи и кошечья музыка, больше я не могу ничего сказать, хотя бы то мнѣ стоило жизни.

„Негодница, вскричалъ Донъ Силвіо, обнаживъ между тѣмъ страшной свой мечь, я тебѣ говорю, что ты отъ меня канальскими своими увертками не отдѣлаешся; говори сущую правду; или я тебѣ сей часъ башку снесу.„

Ахъ! милостивой государь Донъ Силвіо, вскричалъ Педрилло, кинувшись къ его ногамъ; Бога ради пощадите мою молодость, я скажу вамъ все то, что знаю. Однако что побуждаетъ васъ поступать со мною столь свирѣпо? Я вамъ служилъ уже столько лѣтъ, и вы знаете, что я прошелъ бы сквозь огонь, естьлибъ вамъ угодно было. Я васъ прошу, милостивой государь, вложите только

ко въ ножны сей страшной палашъ, я вамъ во всемъ признаюсь. Это ужасно, что я долженъ умереть за то, что ничего не видалъ! О треблаженный Іаковъ! Естьли бы мнѣ только теперь избавиться — Въ самомъ дѣлѣ, сударь, хотя бы и горнишная дѣвушка госпожи Гіацинты спала со мною, то вы бы и тогда не поступили со мною безчеловѣчнѣе сего.

„вздоръ! вздоръ! вскричалъ Донъ Силвіо; не думаешь ли ты, что бы я былъ столько глупъ, и вообразилъ себѣ, что Принцессина комнатная служительница въ три или четыре часа столько съ тобою подружилась, что бы препроводила ночь въ твоей горницѣ? Я тебѣ въ послѣдніе сказываю, что тебѣ не остается никакого другаго средства къ спасенію твоей жизни, какъ признаться мнѣ во всемъ по истиннѣ. Что бы то ни было, то не сдѣлаю тебѣ ничего дурнаго, но я хочу только знать правду.„

Да что вамъ надобно, что бы я сказалъ, сударь, отвѣчалъ Педрилло? Однимъ словомъ я ни о чемъ не

знаю, кромѣ того, въ чемъ я признался, а естьли долженъ вамъ сказать больше, нежели я знаю, то вы должны мнѣ только напередъ говорить то, что мнѣ надлежитъ вамъ сказывать.

„Отвѣчай прямую истину на мои вопросы — никто не былъ у тебя въ комнатѣ?„

Десять тысячь ескадроновъ блохъ, какъ я уже вамъ докладывалъ, а впрочемъ ни одной души, сколько мнѣ извѣстно.

„А кто такова была та особа, которую я видѣлъ ушедшую въ твои двери въ то время, какъ я отворилъ свои?„

Этова я, сударь, не знаю; я лишь только проснулся, и глазъ еще не успѣлъ хорошенько продрать, какъ вы меня кликнули. Естьли вы что видѣли, такъ вамъ лучше можно знать, что это такое было.

„Мнѣ казалось, что то была женщина, но я не могъ распознать, кто такая; она ушла или изчезла въ самую ту минуту, какъ я ее увидѣлъ.„

Ахъ!

Ахъ! милостивой государь, такъ это былъ духъ, чему очень возможно статься. Мнѣ вдругъ при самомъ входѣ показалось, что въ семъ домѣ водятся домовые; естьли вы въ правду что видѣли, и оно вдругъ опять изчезло, такъ это, будь наше мѣсто свято! былъ духъ убитаго можетъ быть прежде когда нибудь въ сей горницѣ человѣка. По чести моей, я бы не согласился взять за то Графства, что бы его посмотрѣть. У меня бы въ тужъ минуту отъ страха душа вонъ выскочила, я васъ въ семъ увѣряю.

Педрилло говорилъ сіе съ толь чистосердечнымъ видомъ, что Донъ Силвіо началъ вѣрить, что подозрѣваетъ его безвинно.

„Но не слыхалъ ли ты чего, продолжалъ онъ, естьли ничего не видалъ?„

Милостивой государь, отвѣчалъ Педрилло, вы знаете, что ежели кто находится ночью одинъ и въ чужомъ домѣ, то воображаетъ себѣ и невѣсть что. Я бы изъ этого не за-

ключилъ ничего, ибо у меня еще въ свѣжей памяти то, сколько вы смѣялись надо мною, какъ я увидѣлъ исполина, которому вы вчерась по утру отрубили сучекъ; но какъ вы и сами думаете, что въ сей гостинницѣ водится нечистой духъ, то я вамъ признаюсь, что я почти за полчаса предъ симъ проснулся, и мнѣ представилось, какъ будто бы мѣшокъ лежитъ на мнѣ, такъ что я едва могъ дышать; а чрезъ нѣсколько времени показалось мнѣ, какъ будто бы нѣсколько человѣкъ шепчутъ между собою; я бы охотно подслушалъ, но такой напалъ на меня ужасъ, что я заползъ подъ одѣяло, потомъ нечувствительно опять заснувши, болѣе ничего не слыхалъ. Вотъ вамъ сущая правда, а естьли вамъ кажется иначе, то вы можете меня убить, или кинуть блохамъ на съѣденіе, которые въ семъ домѣ такъ голодны, какъ волки въ Пиренейскихъ горахъ; быть такъ.

„Педрилло, другъ мой, отвѣчалъ ему Донъ Силвіо такимъ голосомъ,

ко-

которой паки его воскресилЪ. Я доволенЪ! но естьли я тебѢ скажу, сколь далеко простирается злость нѢкоторыхЪ людей, коихЪ я не хочу именовать, то ты не будешь дивиться, что я сЪ начала поступилЪ сЪ тобою толь худо. И такЪ знай, что я сими моими ушами подслушалЪ заговорЪ, происходившей вЪ твоемЪ покоѢ о похищенiи у меня портрета моей Принцессы. Я увѢренЪ, что ты неспособенЪ кЪ толь ужасной измѢнѢ; но клянусь тебѢ рыцарскою честiю, что слышалЪ твой голосЪ, и теперь не сумнѢваюсь ни минуты, что то были обѢ мои непрiятельницы, изЪ которыхЪ одна приняла твой голосЪ вЪ томЪ намѢренiи, что естьли имЪ умыселЪ ихЪ на мой портретЪ не удастся, то по крайней мѢрѢ получить ту выгоду, что бы я тебя почелЪ за гнуснѢйшаго измѢнника. „

Это очень безчинно, сударь, вскричалЪ Педрилло: ну кЪ чорту! это называется простирать шутку свою сЪ лишкомЪ далеко. ТакимЪ образомЪ честной человѢкЪ и во снѢ не-

безопасенъ отъ того, что бы какой нибудь проклятой карло или чародѣй не принялъ на себя его лица, и въ сей личинѣ не надѣлалъ столько бездѣльничества, пока бы не довелъ бѣднаго дѣтину до висѣлицы. Но я прошу васъ, милостивой государь, скажите, что говорилъ мой голосъ, или вѣдьма, принявшая мой голосъ?

„Успокойся Педрилло, отвѣчалъ Донъ Силвіо, я увѣренъ о твоей невинности, и мы оба довольно имъ чрезъ то отомстили, что они въ сугубомъ своемъ намѣреніи обманулись. Но сбирайся поскорѣе, я не хочу ни минуты долѣе пробыть въ семъ домѣ.„

Такъ вы изволите отправиться, спросилъ Педрилло, не разпрощавшись съ дамою и Кавалеромъ, которымъ мы спасли жизнь? Они вчерась столько были заняты своими ранами, полученными на сраженіи, что имъ и недосугъ было поблагодарить насъ за то порядочнымъ образомъ; и я думаю, что спасти кому нибудь жизнь, есть такая рыцарская услуга, кото-

рая

рая по крайней мѣрѣ стоитъ не одного спаси Богъ.

„Я не желаю никакой благодарности, отвѣчалъ Донъ Силвіо, за такое дѣло, котораго требовала моя должность, кто бы я ни былъ, рыцарь ли, или простой человѣкъ; я во всякую минуту то же бы учинилъ для каждаго Турка, Жида или язычника; а хотя бы и желалъ изъ любопытства узнать болѣе обстоятельствъ ихъ приключеній, однако опасность, о которой увѣдалъ сего утра, принуждаетъ меня перемѣнить сіе намѣреніе. Сколь щастливъ я, что проснулся заблаговременно для уничтоженія ихъ предпріятія! Но я увѣренъ, что я возбужденъ отъ сна невидимою рукою. Признаюсь тебѣ, что въ семъ домѣ я ни на одну минуту не безопасенъ. Волшебница Радіанта обѣщала мнѣ свое покровительство, доколѣ мы будемъ искать возлюбленную мою Принцессу, и когда ты помыслишь, то ты увидишь, что всѣ противные случаи на путешествіи

приключались намъ въ то время, какъ мы спали, или отдыхали.,,

Правда, милостивой государь, сказалъ между тѣмъ Педрилло, выключая болото, въ которое завелъ насъ вашъ Саламандръ.

,,А сіе я почитаю, продолжалъ Донъ Сильвіо, справедливымъ мнѣ наказаніемъ за то, что я не исполнилъ обѣтамоего, не смыкать глазъ до тѣхъ поръ, пока не сыщу мою Принцессу. Однимъ словомъ, Педрилло, я не хочу ни минуты долѣе пробыть въ семъ домѣ, въ коемъ Фанферлюша можетъ быть имѣетъ друзей или другія выгоды мнѣ неизвѣстныя. Собери свой припасъ, и уйдемъ сколько возможно потише; едва еще занимается заря, всѣ въ домѣ спятъ, а хотя непріятели наши и бодрствуютъ, однако я увѣренъ, что Радіанта окружитъ насъ волшебнымъ туманомъ, за коимъ не увидитъ насъ и самъ стоглазой Аргусъ.,,

Быть такъ, коли вамъ за благо разсудилось; отвѣчалъ Педрилло, довольно радуясь, что столь дешево от-

отдѣлался. Ну къ чорту! я самъ думалъ, что полки блохъ, нападавшіе на меня не значатъ ничего добраго. Я увѣряю васъ, сударь, что у меня все тѣло будто бы одна рана, и я и не вѣсть чѣмъ побожусь, что это не естественныя блохи, но настоящіе очарованные ежи и морскія свиньи, коими насъ злые волшебники хотѣли затравить до смерти.

Въ семъ тонѣ продолжалъ болтать Педрилло, пока увязывалъ свою суму; ибо онъ безпрестанно опасался того, что бы господинъ его, естьли онъ дастъ ему время на размышленіе, не проникнулъ истинны; и какъ скоро онъ изготовился въ путь, то выкрались они, не спрося о хозяинѣ и не розплатяся, такъ скрытно, что сама госпожа Терезилла, которая изъ осторожности весьма тихо лежала въ своей горницѣ, ни мало не примѣтила ихъ ухода.

Глава седьмая.

Небольшое отступленіе въ Лиріасъ, при которомъ сочинитель показываетъ немалое познаніе женскаго сердца.

Донъ Силвіо сожалѣлъ всегда о потеряніи бѣднаго маленькаго Тинтина, коль часто дѣло доходило до того, по которой дорогѣ ему итти надлежало. Но какъ уже перемѣнить того было не можно, то принужденъ онъ былъ рѣшиться продолжать путь свой по той, по которой пріѣхалъ въ гостинницу.

Путешественникамъ нашимъ чрезъ нѣсколько часовъ столь мало приключилось достопамятнаго, что мы, дабы не всегда утомлять читателя повѣствованіемъ ихъ разговоровъ, намѣрены между тѣмъ сдѣлать маленькое отступленіе въ Лиріасъ, гдѣ любви достойная Донна Фелиція съ любимицею своею весьма изумилась, не получа о своемъ братѣ никакого другаго извѣстія кромѣ того, что онъ съ До-

Дономъ Габріелемъ выѣхалъ, взявши съ собою одного только своего камердинера. Отсутствіе его ввергнуло ее въ величайшее безпокойство, и благоразумная Лаура не сыскала инаго способа изтребить оное, какъ только чтобъ склонить вниманіе своея госпожи на другой предметъ.

И такъ они препроводили почти всю ночь въ разговорахъ о Донѣ Сильвіѣ, въ коихъ загарающаяся любовь, которую онъ и сонной имѣлъ щастіе вліять въ прелестную Фелицію, мало по малу столько открылась, что она великое бы должна была себѣ дѣлать насиліе, естьлибъ захотѣла скрывать оную отъ Лауры; особливожъ когда сія дѣвушка за разумъ свой и доброе сердце была достойна той довѣренности, по которой госпожа ея казалось почтила ее честію своея пріятельницы.

Очи Донны Фелиціи сказывали ей, что сей незнакомой спящей есть прекраснѣйшій изъ всѣхъ смертныхъ, и она тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ разговаривала о семъ превосход-

сходствѣ, когда еще не имѣла случая узнать вѣ немѣ другихѣ достоинствѣ. Но кто онѣ, и согласно ли состояніе его и душевныя качества съ толь прелестною наружностію, сіе было такой вопросѣ, вѣ подтвержденіи котораго Донна Фелиціа предлагала тысячу сомнѣній, дабы имѣть удовольствіе слышать на то возраженія Лаурины. Разобравѣ все, что токмо возможно было сказать вѣ добрую и худую сторону, наконецѣ согласились онѣ, что ни коимѣ образомѣ не вѣроятно, что бы такой юноша, котораго видѣ казалось природа со всякимѣ тщаніемѣ сотворила для ознаменованія превосходной души, не былѣ благороднѣйшій, добродѣтельнѣйшій, храбрѣйшій, пріятнѣйшій, однимѣ словомѣ, достойнѣйшій любви между всѣми, рожденными нѣкогда отѣ матерей. Самое свидѣтельство Педриллино вѣ разсужденіи похвалы, приписанной онымѣ нравственному свойству своего господина почтено было потому справедливѣйшимѣ, что слуги вѣ семѣ пунктѣ обыкновенно не льстятѣ

го-

господамъ своимъ при чужихъ людяхъ; напротивъ того ни сколько не могли ему повѣрить въ томъ, что служило не очень въ пользу Дону Силвіо.

Но что надлежало подумать объ очарованной бабочкѣ, Принцессѣ, волшебницахъ и карлѣ, коихъ Педрилло вмѣщалъ въ свою повѣсть? Что надлежало подумать о важности, непритворномъ лицѣ и голосѣ, съ какимъ сей молодой человѣкъ, непоказывавшій совсѣмъ такого вида, яко бы хотѣлъ обмануть своихъ слушательницъ, увѣрялъ ихъ, что господинъ его влюбленъ въ обвороженную Принцессу, которую намѣренъ онъ съ помощію великой волшебницы избавить отъ очарованія?

Въ семъ пунктѣ не такъ удобно было истребить сомнѣніе Донны Фелиціи, и остроумная Лаура на силу могла ее уговорить, что въ семъ надлежитъ поступить такъ, какъ разумные Мусульманы дѣлаютъ съ нѣкоторыми невѣроятными и ребяческими сказками въ Алкоранѣ; а именно сіе должно почитать за нѣкото-

рой

рой родъ Аллегоріи, подъ которою, какъ скоро найдется къ тому ключь, уповательно ничто иное скрывается, какъ весьма естественная и повседневная любовная исторейка. Сіе изъясненіе сколь изрядно выдуманнымъ ни казалось, однако не совсѣмъ было по вкусу Донны Фелиціи, и Лаура имѣла случай сдѣлать для самой себя примѣчаніе, что добрая сія молодая госпожа лучше бы желала, чтобъ любезной ея былъ нѣсколько глупъ, съ незараженнымъ сердцемъ, нежели при совершенномъ разумѣ влюбленъ въ другую.

И такъ кончилось тѣмъ, что Лаура должна была стараться развѣдать, сколько возможно, обстоятельнѣе о Донѣ Силвіѣ де Розалвѣ. Однако по щастію случай избавилъ ее отъ сего труда, ибо тотъ цирюльникъ, о коемъ мы уже нѣсколько разъ упоминали, и которой во всей той сторонѣ почитался за лучшаго лѣкаря по тому больше, что онъ на нѣсколько миль въ окружности былъ только одинъ, пришелъ на слѣдующее утро

въ

вЪ Лиріасъ для посѣщенія нѣкотораго слуги, переломившаго за нѣсколько недѣль себѣ ногу.

Лаура вошла въ ту горницу, въ которой онъ находился, въ то самое время, какъ онъ съ болтливостію изкони собственною его ремеслу, разсказывалъ о уходѣ Дона Силвіо какъ о такой новости, о коей во всей сторонѣ Розалвской идетъ молва. И такъ ей никакого не стоило труда отобрать отъ сего достовѣрнаго мужа столько извѣстій о нашемъ героѣ, сколько ей токмо хотѣлось. Она узнала отъ него о свойствѣ тетки, о воспитаніи и жизни молодаго Кавалера, о намѣреніяхъ Донны Менціи женить его на стѣ тысячахъ червонныхъ уродливой Мергелины Санхецъ, и какимъ образомъ онъ съ слугою своимъ Педриллою не извѣстно куда тайно ушелъ, чаятельно для избѣжанія толь непристойнаго брака. Что касалось до личныхъ его качествъ, то господинъ цирюльникъ увѣрялъ, что тотъ еще не родился, кто бы превзошелъ его красотою, знаніемъ и добродѣтелію,

а притомъ примолвилъ; что онъ надѣется сказать все, естьли увѣритъ господъ и госпожъ присутствующихъ, что Донъ Силвіо подъ его руководствомъ въ два мѣсяца оказалъ толь чудные успѣхи въ играніи на цитрѣ, что онъ самъ не стыдится признать его въ ономъ своимъ учителемъ. Имѣлъ ли Донъ Силвіо когда либо какое нибудь любовное дѣло, о томъ цирюльникъ не зналъ ни мало. Напротивъ того не умолчалъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ имѣетъ въ себѣ нѣчто отмѣнное и романическое, что ему однако не непристало, и что онъ изъ нѣкотораго разговора, которой они за нѣсколько недѣль имѣли между собою, усмотрѣлъ, что Донъ Силвіо находитъ чрезвычайной вкусъ въ волшебныхъ сказкахъ, и забралъ себѣ въ голову, будто оныя суть точно истинныя повѣсти, яко бы дѣйствительно существуютъ волшебницы, и что ни сколь бы не чудно было, естьли бы съ нимъ самимъ случилось нѣчто подобное.

Извѣстія сіи содержали въ себѣ почти все, что Доннѣ Фелиціѣ потребно было для успокоенія. Но хотя романическое его воображеніе имѣло въ себѣ нѣчто тѣмъ для нее пріятнѣйшее, поелику оно согласно было съ собственнымъ ея родомъ мыслей; однако съ другой стороны она была не очень довольна тѣмъ, что онъ любовь свою къ волшебству простиралъ даже до нѣкоторыя степени сумасбродства, дѣлающаго его похожимъ на дурака. Можетъ быть, думала она, влюбленъ онъ въ воображаемую Принцессу, которой никогда не видывалъ, и дабы придать любви своей тѣмъ волшебнообразнѣйшій видъ, увѣрилъ самъ себя, что она волшебница, покровительствующая его соперника, превратила ее въ бабочку. Воображеніе сіе казалось ей довольно глупымъ; но естьли Донъ Силвіо былъ смѣшонъ, влюбясь въ одну токмо идею, то умнѣе ли поступала Донна Феліціа ревнуя къ сей бѣдной идеѣ? Въ самомъ дѣлѣ она сама сіе примѣтила; ибо сколь впрочемъ ни довѣренно об-

ходилась она съ своею Лаурою, однако не могла безъ стыда признаться ей въ сей слабости. Разговоръ, которой онѣ имѣли о семъ между собою, склонила она мало по малу на разныя выдумки, какимъ бы образомъ познакомиться съ Кономъ Силвіемъ. Но всего хуже было, что при каждомъ вымыслѣ находилось какое нибудь затрудненіе, которое не прежде открывалось, какъ онѣ уже довольно порадовались о исполненіи онаго. И такъ имъ наконецъ ничего другаго не оставалось кромѣ надежды, что случай, коему во всѣхъ человѣческихъ потребностяхъ многое предоставлять должно, можетъ быть скоро болѣе поможетъ въ произведеніи въ дѣйство ихъ намѣреній, нежели долговременно вымышляемые планы.

Глава осьмая.

Весьма плачевное приключенiе съ трапными Нимфами.

Между тѣмъ Донъ Силвiо съ вѣрнымъ своимъ Ахатомъ продолжалъ странствованiе свое разговаривая о разныхъ матерiяхъ, къ коимъ подавали поводъ ихъ приключенiя, и отдыхая отъ времени до времени въ прiятныхъ кустарникахъ, коими украшены прелестныя Валенцскiя страны какъ вѣнками.

Они находились въ небольшомъ кипарисномъ лѣску, куда ихъ загналъ усугубляющiйся жаръ, и забавлялись смѣющимися видами цвѣтущихъ луговъ, разпространяющихся по обѣимъ сторонамъ Гвадалавiара; какъ Педрилло нечаянно сдѣлалъ открытiе, которое казалось обѣщало всѣмъ заботамъ, любовнымъ печалямъ и странствованiю нашего героя вдругъ желанной конецъ.

Ура! милостивой государь, вскричалъ онъ, радость за радостью, мы ка-

нашли нашу Принцессу, или глаза мои должны быть обворожены; видите ли вы голубую бабочку, летающую вонъ тамъ около дикихъ розовыхъ кустарниковъ?

Педрилло не совсѣмъ обманулся; онъ дѣйствительно увидѣлъ голубую бабочку, и Донъ Силвіо столько желалъ, что бы сіе была его Принцесса, что онъ ни минуты о томъ не сумнѣвался. Я зайду съ этой стороны, сударь, сказалъ Педрилло, а вы между тѣмъ подкрадьтесь къ ней съ другой; она у насъ не уйдетъ, да къ чему такія осторожности? Я думаю, что Принцесса лишь только васъ увидитъ, то и сама прилетитъ къ вамъ въ руки.

Бабочка казалось дѣйствительно оправдывала надежду Педриллы; она полетѣла къ Дону Силвіо, которой приближался уже къ ней съ распростертыми руками и трепеща отъ радости и желанія; какъ нещастіе бѣднаго нашего любовника нанесло другую сѣрую бабочку, которая едва увидѣла голубую, то вдругъ полетѣ-

ла на нее съ дерзостію свойственною сему любострастному роду тварей, и не устрашилась въ глазахъ своего соперника взять вольность, на кою тѣмъ больше думала имѣть права, когда ей можетъ быть и въ мысли не приходило, что крылатая сія красавица могла быть Принцессою.

Донъ Силвіо, какъ можно помыслить, воспылалъ отъ сей дерзости тѣмъ большею яростію, думая видѣть въ сопротивленіи голубыя бабочки новое доказательство, что она точно его Принцесса; и такъ онъ кинулся между ними, и былъ столько щастливъ, что ушибъ до смерти дерзновеннаго своего соперника палкою, которую имѣлъ у себя въ рукахъ. Но мнимая Принцесса между тѣмъ въ ужасѣ улетѣла, и чѣмъ скорѣе Донъ Силвіо съ Педриллою за нею спѣшили, тѣмъ боязливѣе улетала она отъ нихъ, можетъ быть для того, что думала, яко бы еще гонится за нею сѣрая бабочка.

Нечаянно случилось, что три или четыре дѣвушки изъ сосѣдственной

деревни для отдохновенія послѣ работы сѣвши на берегу рѣки забавлялись сплетеніемъ вѣнковъ изъ цвѣтовъ, коихъ великое множество находилось около нихъ.

Голубая бабочка оставила за собою преслѣдователей своихъ такъ далеко, что они едва могли ее достигать глазами; и мня себя быть въ безопасности, начала опять успокоиваться, и перелетала столь долго съ цвѣтка на цвѣтокъ, пока она не попалась въ руки одной изъ помянутыхъ дѣвокъ, которая ее поймала, и для препровожденія времени пустила ее летать около себя на ниточкѣ привязавши оную къ своимъ ногамъ.

Донъ Силвіо, будучи уже очень близко, примѣтилъ сію игру и сказалъ Педриллѣ: теперь я вдругъ отгадалъ тотъ сонъ, коего значеніе меня вчерашняго утра столь долго безпокоило; это было предостереженіе волшебницы, моей пріятельницы, которая мнѣ то, что со мною теперь имѣетъ приключиться, представила прежде во снѣ, дабы я по неосторож-

но-

ности не попался въ сѣти моихъ непріятелей. Видишь ли ты тамъ Нимфу, сидящую въ тѣни, и пускающую голубую бабочку около себя на ниточкѣ.

Нимфа, говорите вы? отвѣчалъ Педрилло, полноте, сударь, Донъ Силвіо, она столько же похожа на Нимфу, какъ и на возъ сѣна; она такая же деревенская дѣвушка, какъ и прочія, сидящія тамъ вмѣстѣ съ нею въ тѣни.

Я уже весьма привыкъ къ тому, отвѣчалъ Донъ Силвіо, что ты все хочешь знать лучше меня, такъ что не могу и сердиться на твое безстыдство. Я знаю, благодаря волшебницѣ Радіантѣ, что мнѣ надлежитъ о семъ думать, и ты почитай ее хотя за Нимфу или за деревенскую дѣвку, а я либо потеряю жизнь, либо принужу ее отдать мнѣ мою Принцессу.

Милостивой государь, отвѣчалъ Педрилло, естьли рѣчь идетъ о Саламандрахъ, Сильвахъ, растральныхъ духахъ, и о прочихъ такихъ вещахъ,

превосходящихЪ разумЪ простаго человѣка, то я вамЪ охотно уступаю вЪ томЪ, что вы о семЪ лучше меня разумѣете; а вЪ разсужденіи деревенскихЪ дѣвокЪ совсѣмЪ другое; онѣ мнѣ свѣдомы, да это же и не такое дѣло, вЪ коемЪ можно обмануться; ихЪ можно узнать и за тритцать шаговЪ. Хотѣлъ бы я знать, сЪ котораго времени ваши Нимфы провоняли чеснокомЪ, или стали носить такія изорванныя юбченки, что лоскутья висятЪ, и рубашки всѣ вЪ дирахЪ? ОднимЪ словомЪ, сударь, это деревенская дѣвка, а притомЪ изЪ самыхЪ неряхЪ, какихЪ хуже требовать нельзя. Не большаго будетЪ стоить труда, достать отЪ нее голубую бабочку; дайте ей только мараведиса два, такЪ она еще и спаси БогЪ скажетЪ.

ДонЪ Силвіо, которой ничего не слушалЪ, естьли единожды что нибудь забралЪ себѣ вЪ голову, не удостоилЪ рѣчь сію ни малымЪ вниманіемЪ; онЪ подошелЪ кЪ мнимой Нимфѣ, и требовалЪ, что бы она возвратила ему его бабочку.

А что вы мнѣ за нее дадите, баринъ, сказала дѣвка смѣясь?

Все что ты хочешь, отвѣчалъ Донъ Силвіо —

Хорошо, сказала Нимфа, такъ отдайтежъ мнѣ вотъ это, что у васъ виситъ на шеѣ! я отнесу его домой маленькой моей сестрѣ, а естьли вы прибавите еще къ тому полреала, такъ бабочка вмѣстѣ и съ ниточкою ваша.

Проклятой зеленой карло, вскричалъ Донъ Силвіо, исполнившись ярости и вытащивши между тѣмъ свою саблю, не думай подъ симъ подложнымъ видомъ, которой есть доказательствомъ твоей трусости, смѣяться надо мною безъ наказанія. Умри, нечестивой, или отдай мнѣ бабочку, на которую не имѣешь ты никакого права, коего бы я съ пожертвованіемъ собственныя моея живни не изторгнулъ изъ проклятаго твоего сердца.

Можно себѣ представить, что прекрасная Нимфа при столь неучтивой рѣчи, сопровождаемой толь страшными угрозами ничего инаго не могла

сдѣлать, какъ поднять жалостной крикъ. Педрилло, котораго дурачество его почти самого взбѣсило, кинулся между имъ и Нимфою, и старался вывернуть у него изъ рукъ саблю. Ибо никакое уговариванiе не помогло. Прочiя Нимфы видя худую встрѣчу своея подруги, прибѣжали къ ней и бросились какъ фурiи на Силвiо и Педриллу, коимъ великаго стоило труда защищаться противу грубыхъ кулаковъ и противу долгихъ иголъ.

Къ нещастiю случилось, что любовникъ молодой Нимфы, почтенной за зеленаго карлу, работалъ не подалеку отъ нихъ съ двумя или тремя другими батраками услыша плачевной крикъ сихъ женщинъ, и увидя свою любезную, у которой Педрилло намѣренъ былъ вырвать изрядной пукъ волосовъ изъ головы, пришолъ въ такую ярость, что прибѣжавъ туда въ провожанiи своихъ товарищей, выхвативъ изъ рукъ у Педриллы дубину, такъ плотно колотилъ обоихъ нащихъ странственниковъ, что они, несмо-

смотря на мужественное свое сопротивленіе, наконецъ отъ множества непріятелей повержены были на землю. Разъяренный любовникъ и дышущія мщеніемъ деревенскія Нимфы симъ не удовольствовались, но били ихъ еще до тѣхъ поръ кулаками, пока имъ показалось, что уже довольно. И Нимфа въ замѣну своея бабочки, улетѣвшей еще при началѣ бою взяла себѣ клейнодъ нашего бездыханнаго героя, а по семъ разошлись они въ разныя стороны и оставили нашихъ путешественниковъ замертво въ травѣ.

Конецъ первой части.

Содержанїе первой части.

КНИГА ПЕРВАЯ.

страг.

ГЛАВА 1. Свойство нѣкотораго рода тетокъ. - - 7

— 2. Какъ воспитанъ былъ Донъ Силвїо своею теткою. 14

— 3. Психологическїя разсужденїя. - - - 18

— 4. Какимъ образомъ Донъ Силвїо познакомился съ волшебницами. - - 23

— 5. Удивительное дурачество Дона Силвїо. Любовь его къ мысленной Принцессѣ. 34

— 6. Чудеса съ травяною лягушкою. Для чего Донъ Силвїо не примѣтилъ, что лягушка не волшебница? 42

— 7. Донъ Силвїо находитъ чуднымъ образомъ портретъ своея возлюбленныя Принцессы. - - - 49

ГЛА-

стра.

ГЛАВА 8. Разсужденія сочинителя и Дона Силвіо. - - 60
— 9. Слѣдствія приключенія съ бабочкою. Читатель познакомливается съ новою особою. - - - 68
— 10. Въ которой выступаютъ волшебницы, Саламандры, Принцессы и зеленые карлы. - - - 83
— 11. Разговоръ между Педрилломъ и его господиномъ. Пріуготовленія къ предпринимаемому странствованію. - - - 95
— 12. Авкторскія мысли. - 105

КНИГА ВТОРАЯ.

ГЛАВА 1. - - - - 113
— 2. Картина во вкусѣ остада. 122
— 3. Разговоръ между теткою и племянникомъ, - 133
— 4. Замыслы Дона Силвіо. Онъ уговаривается о побѣгѣ своемъ съ Педрилломъ. 141

ГЛА.

стр.

ГЛАВА 5. Прогулка. Благоразуміе Дона Силвіо. - - 150

—— 6. Донъ Силвіо восхищается въ сады волшебницы Радіанты. Чудная перемѣна изъ того произшедшая. Непріятныя слѣдствія оной. - - 153

—— 7. Донъ Силвіо приходитъ опять самъ въ себя. Разговоръ съ Педрилломъ. Какъ искусно умѣлъ сей обмануть мнимую Фанферлюшу. - - 161

КНИГА ТРЕТІЯ.

ГЛАВА 1. Тайной уходъ чудныхъ нашихъ странственниковъ; споръ, произшедшей между ими за одно дерево, которое Педрилло почелъ за великана. 177

—— 2. Достопамятное приключеніе съ Саламандромъ и болотомъ. - - 188

ГЛА-

стр.

ГЛАВА 3. ВЪ которой Педриллу весьма непріятнымЪ образомЪ возбуждаютЪ отЪ сна. 205

— 4. Чего не дѣлаетЪ воображеніе! - - - 210

— 5. ВЪ которой повѣсть возвращается кЪ зáмку Розалвѣ. - - - 221

— 6. РазговорЪ за завтрекомЪ. Ревнивость Дона Силвіо. 231

— 7. Приключеніе сЪ цыганкою. 251

— 8. ДонЪ Силвіо устаетЪ искавши голубую бабочку, и засыпаетЪ послѣ полеваго кушанья. - - 271

— 9. Забавнѣйшее приключеніе во всей сей книгѣ. - - 278

— 10. Кто такова была госпожа, которую Педрилло почелЪ за волшебницу. - 291

— 11. Одна изЪ ученѣйшихЪ главЪ вЪ семЪ сочиненіи. 303

— 12. РазговорЪ между Донною Фелиціею и ея служанкою. 307

стр.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА 1. Въ которой сочинитель показываетъ глубокое знаніе таинствъ Онтологіи. 321
— 2. Примѣръ, что очевидной свидѣтель не всегда столько бываетъ надеженъ, какъ обыкновенно думаютъ. - - 327
— 3. Въ которой Донъ Силвіо оказывается въ свою выгоду. - - - 355
— 4 Компанія пристаетъ въ гостинницѣ. - - 364
— 5. Сочинитель надѣется, что сія глава не попадется въ руки никакой горнишной дѣвушкѣ. - - 368
— 6. Примѣръ достопамятнаго вопроса. - - 379
— 7. Небольшое отступленіе въ Лиріасѣ, при которомъ сочинитель показываетъ не малое познаніе женскаго сердца. - 396
— 8. Весьма плачевное приключеніе съ травными Нимфами. - - - 405

